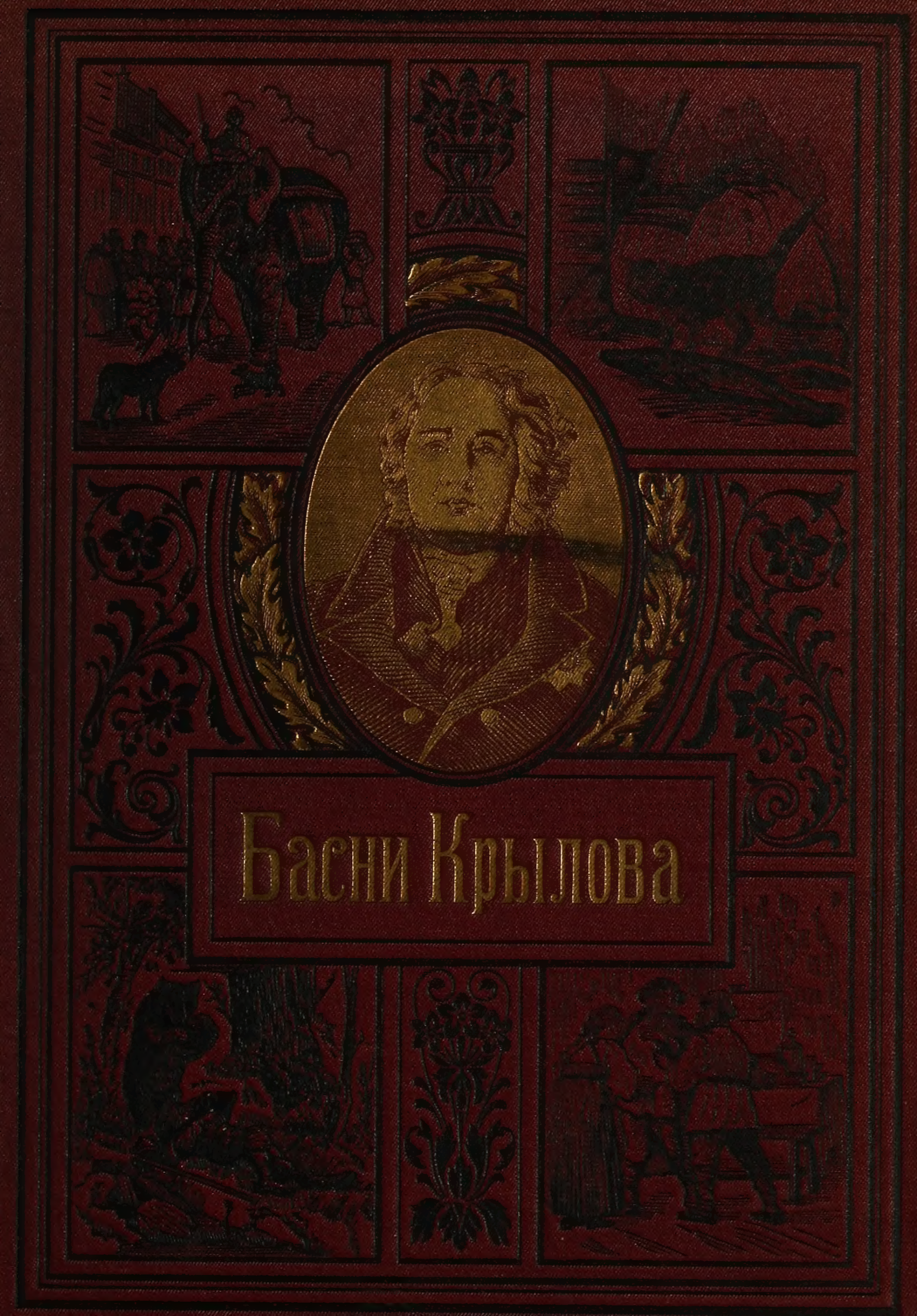
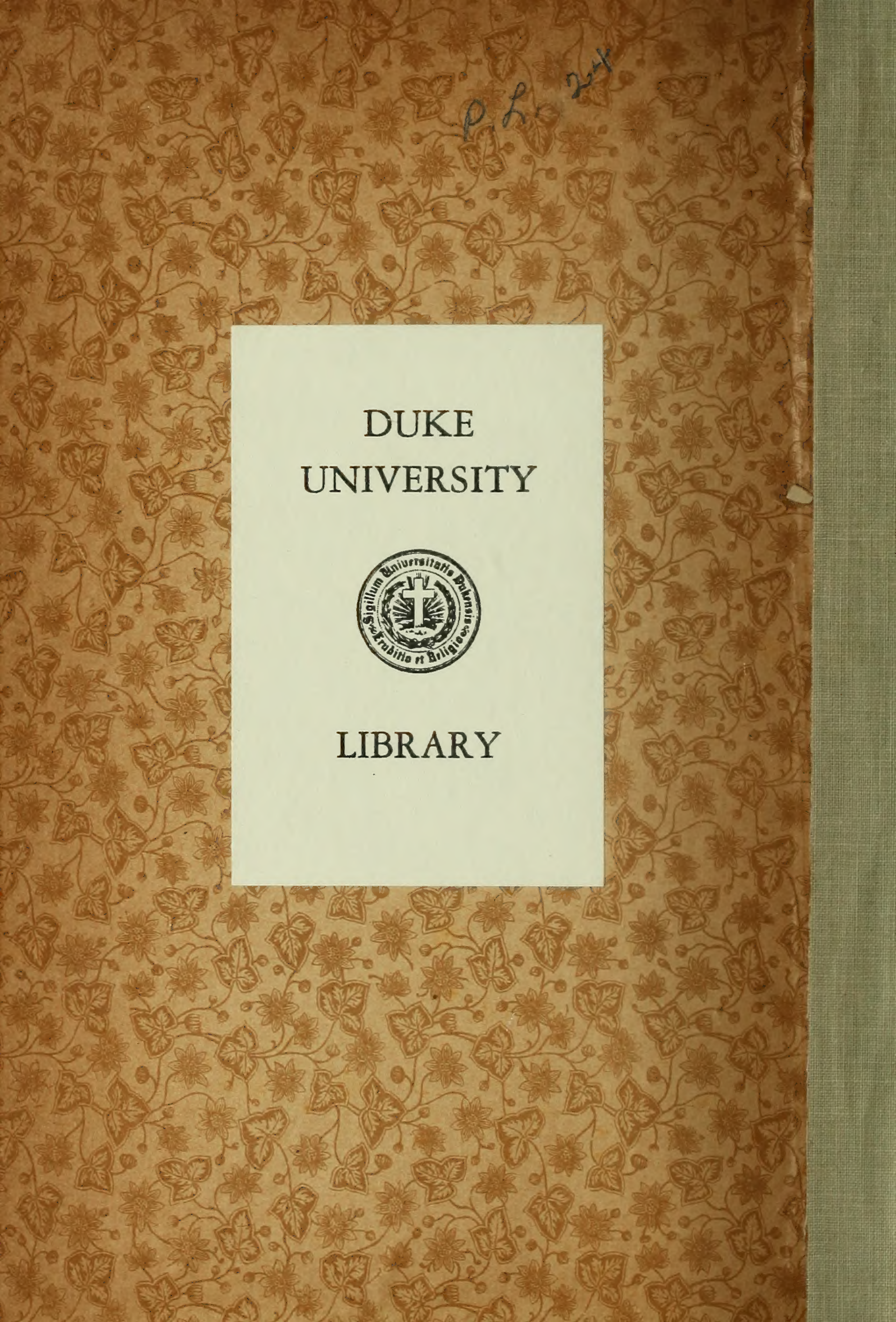

Басни Крылова

DUKE
UNIVERSITY
Sigillum Universitatis Dukensis
Eruditio et Religio
LIBRARY

БАСНИ КРЫЛОВА

Басни Крылова

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

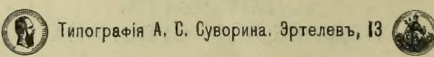
СЪ БІОГРАФІЕЙ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

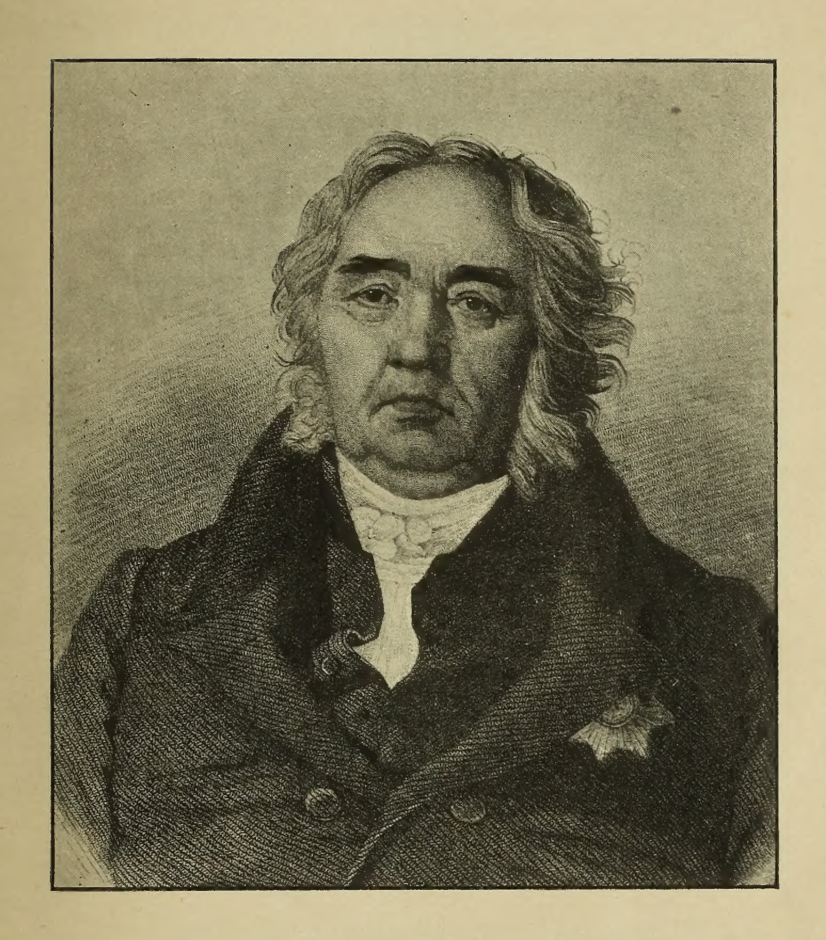
ТРИ ПОРТРЕТА, ВИДЫ ПАМЯТНИКА И МОГИЛЫ КРЫЛОВА
И 27 РИСУНКОВЪ ВЪ ТЕКСТѢ

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

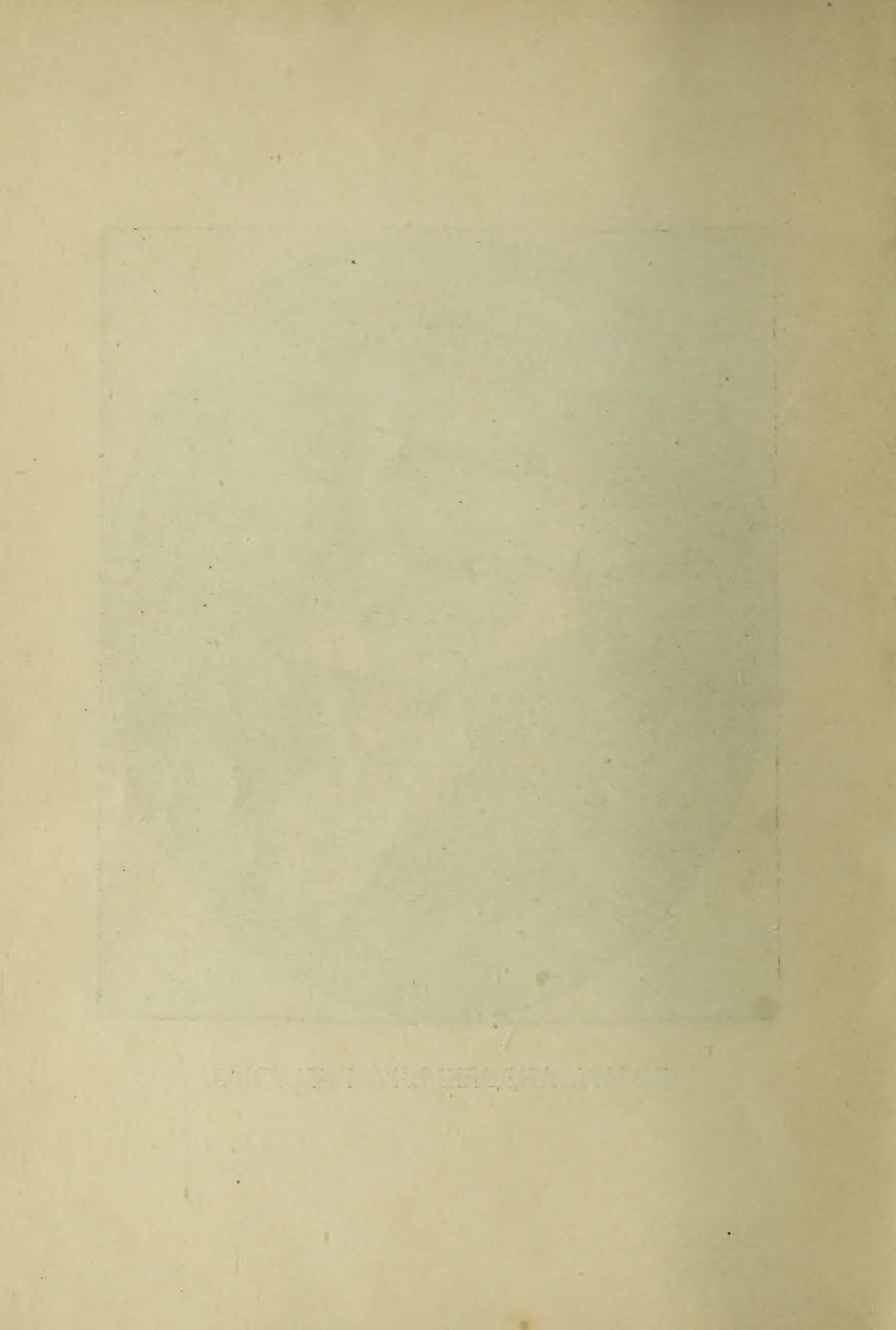
Рисунки дозволены цензурою 9 марта 1905 г. С.-Петербургъ

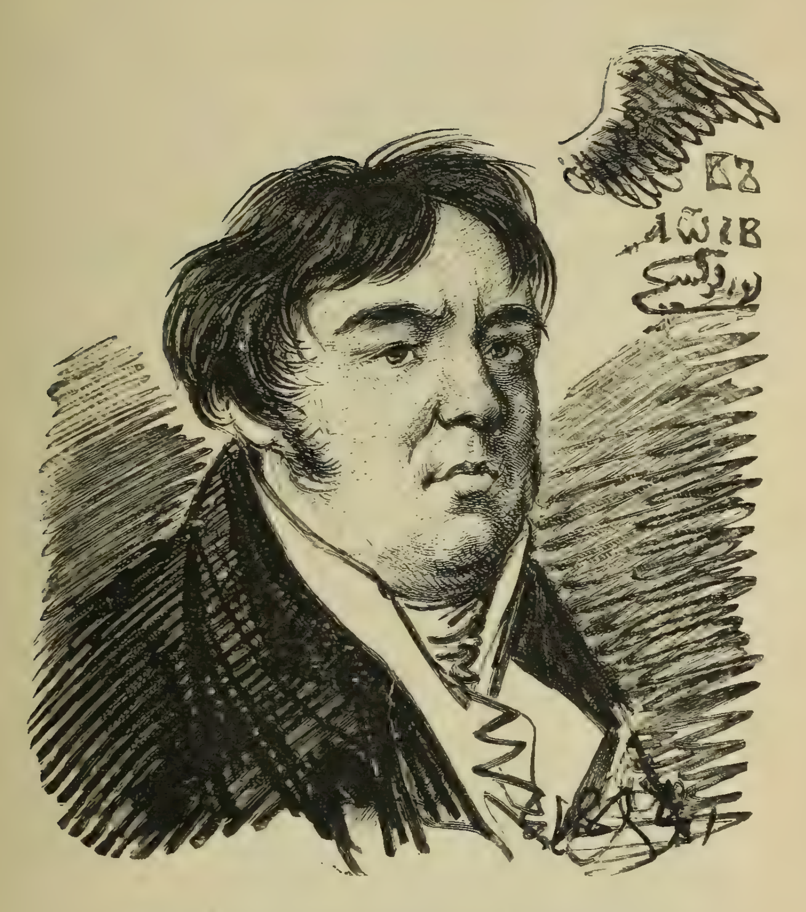

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

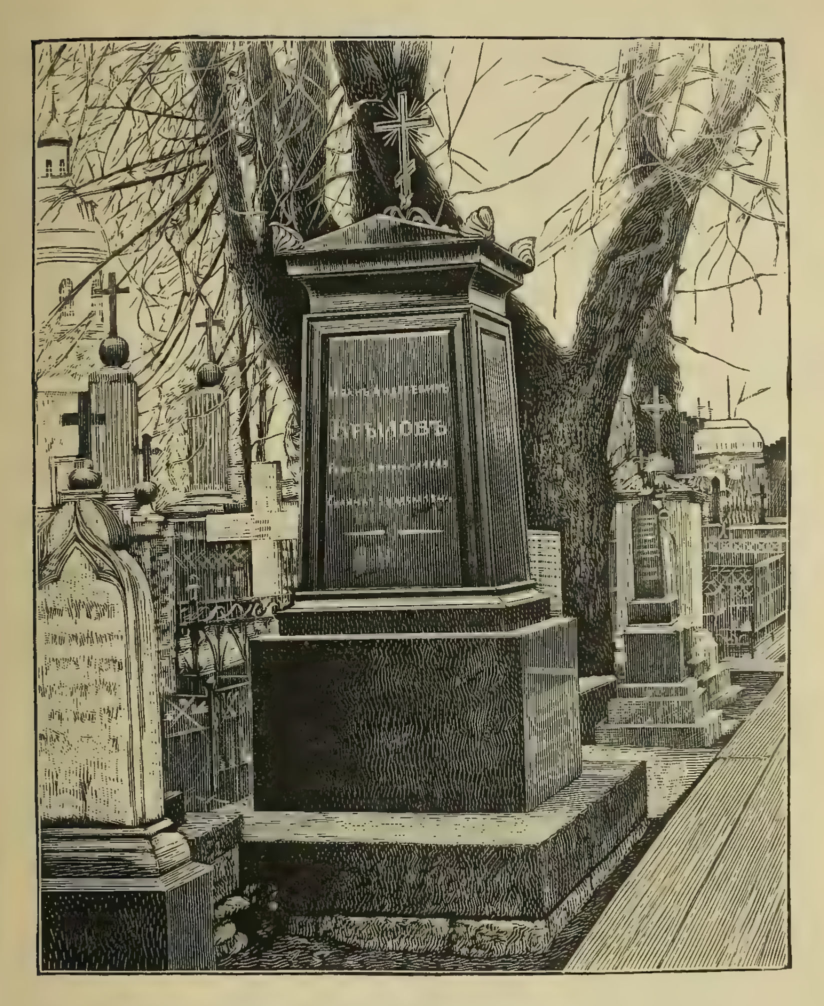
ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Съ портрета, рисованнаго въ 1812 г. А. О. Орловскимъ.

ПАМЯТНИКЪ И. А. КРЫЛОВУ.

Въ С.-Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду.

МОГИЛА И. А. КРЫЛОВА.

Въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Біографическій очеркъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился 2-го февраля 1768 г. въ Москвѣ. Отецъ его, армейскій офицеръ Андрей Прохо. ровичъ Крыловъ, по самому роду своей службы, былъ принужденъ постоянно странствовать со своимъ полкомъ по городамъ и селамъ Россіи, и во всѣхъ этихъ перемѣщеніяхъ ему сопутствовала и его семья, состоявшая въ ту пору изъ его самого, жены его, Марьи Алексѣевны, и только что родившагося сына. Маленькому Крылову едва минуло четыре года, когда его отца перевели на Уралъ, гдѣ въ то время свирѣпствовалъ со своими шайками Пугачевъ. Не легкая была обязанность защищаться противъ орды Пугачева, но, какъ говоритъ въ своей исторіи этого бунта Пушкинъ: «къ счастью, въ крѣпости (Яицкій городокъ) находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія». Отпоръ, полученный Пугачевымъ, привелъ послѣдняго въ такую ярость, что онъ грозился, если только возьметъ Оренбургъ, повѣсить не только самого Крылова, но и всю его семью. Къ счастью, это ему не удалось: бунтъ скоро былъ подавленъ. Вскорѣ послѣ умиротворенія края, отецъ Крылова вышелъ въ отставку и перешелъ на гражданскую службу въ Тверь, предсѣдателемъ губернскаго магистрата. Но съ перемѣной службы отца мало что измѣнилось въ обстановкѣ маленькаго Крылова: какъ и прежде, отецъ былъ всецѣло занятъ

продавцу Брейткопфу за 60 руб. ассигнаціями; но вмѣсто денегъ онъ забралъ на эту сумму разныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ были сочиненія Расина, Мольера и Буало. Чтеніе этихъ писателей, а также и довольно частое посѣщеніе театра, къ которому онъ сильно пристрастился, тѣмъ болѣе что это было для него единственнымъ болѣе или менѣе доступнымъ развлеченіемъ—да и помимо этого театръ въ то время въ жизни нашей столицы игралъ большую роль,—побудило его опять приняться за перо и на этотъ разъ за сочиненіе трагедій на сюжетъ изъ жизни древней Греціи и Рима. Первой трагедіей его была «Клеопатра», написанная имъ въ 1785 г. Онъ снесъ ее на просмотръ къ знаменитому актеру Дмитревскому, но тотъ забраковалъ ее и указалъ Крылову на всѣ недостатки его пьесы. Крыловъ не упалъ духомъ и въ 1786 году написалъ «Филомелу»: эту пьесу постигла та же участь, какъ и «Клеопатру». Но все же, какъ ни плохи были эти пьесы, онѣ сослужили ему большую службу. Тогда директоромъ театра былъ генералъ-майоръ Соймоновъ, служившій въ то же время и въ Кабинетѣ Ея Величества. Соймоновъ обратилъ вниманіе на молодого автора и поручилъ ему переводъ оперы «Инфанта», а главное—перевелъ его въ 1788 г. на службу подъ свое начальство въ Кабинетъ Ея Величества; такимъ образомъ матеріальное положеніе Крылова значительно улучшилось. Это сильно порадовало его мать, которая, впрочемъ, очень недолго прожила послѣ этого и скончалась въ концѣ того же 1788 г. Вслѣдъ за «Филомелой», въ томъ же году, Крыловъ написалъ оперу «Бѣшеная семья» и комедію «Сочинитель въ прихожей»; обѣ эти пьесы были приняты на сцену и давались, хотя онѣ были такъ же довольно слабы. Но, кромѣ матеріальной выгоды, чуть ли не бòльшую выгоду пріобрѣлъ онъ тѣмъ, что, благодаря имъ, попалъ въ литературный кружокъ Княжнина, у котораго въ то время собирались всѣ выдающіеся дѣятели литературы и сцены.

Остроумный, живой и къ тому времени значительно пополнившій свое образованіе, Крыловъ былъ не изъ послѣднихъ въ этомъ кружкѣ. Ближе всѣхъ изъ этого кружка оно сошелся съ капитаномъ И. Г. Рахманиновымъ, почита-

телемъ и переводчикомъ Вольтера, издававшимъ въ 1788 г. журналъ «Утренніе часы», гдѣ Крыловъ и сталъ сотрудничать.

Къ этому же году относится его новая комедія «Проказники»; въ ней онъ вывелъ въ заглавной роли Риѳмокрада — Княжнина, въ роли Тараторы—его жену. Комедія была слабая и своимъ происхожденіемъ обязана тому случаю, что Княжнинъ или его жена—достовѣрно неизвѣстно, кто изъ нихъ,—какъ-то неосторожно задѣли самолюбіе Крылова. Вотъ что говоритъ объ этомъ Лобановъ: «Онъ былъ вспыльчивъ иногда до крайности; любилъ отомстить своимъ врагамъ, особливо за оскорбленное самолюбіе. Вся комедія «Проказники» есть не что иное, какъ мщеніе, въ которомъ онъ и самъ впослѣдствіи признавался и раскаивался». Хотя эта пьеса не была напечатана, но, какъ водилось въ то время, распространялась въ рукописяхъ между знакомымы, дошла до Княжнина и вызвала между ними ссору. Кромѣ того,—что было для Крылова гораздо важнѣе,—вся эта исторія съ Княжнинымъ неблагопріятно отозвалась на установившіяся было хорошія и близкія отношенія его къ Соймонову, и этотъ послѣдній не только отказалъ, и притомъ въ довольно рѣзкой формѣ, въ постановкѣ этого произведенія на сценѣ, но съ тѣхъ поръ пересталъ даже ставить и прежнія его двѣ пьесы, что вызвало Крылова на рѣзкое письмо къ нему, поведшее къ полному разрыву.

Въ слѣдующемъ 1789 г., въ компаніи съ тѣмъ же Рахманиновымъ, онъ сталъ издавать ежемѣсячный сатирическій журналъ «Почта Духовъ», или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами», который печатался въ типографіи Рахманинова. Въ этомъ журналѣ онъ главнымъ образомъ осмѣивалъ господствовавшую въ нашемъ тогдашнемъ образованномъ обществѣ глупую подражательность всему французскому, выражавшуюся не только въ языкѣ, но дажѣ и въ образѣ жизни и времяпрепровожденіи. Нападалъ на то дурное и поверхностное воспитаніе, которое давалось нашему юношеству, выставлялъ спесь и невѣжество знатныхъ, взяточничество и казнокрадство; порочность судей, произволъ и вообще не пропускалъ ни-

просто грубъ. Особенной рѣзкостью отличалась статья подъ заглавіемъ «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей». Подъ Ерамалафидомъ, т. е. человѣкомъ, который несетъ ермалафію, или чепуху, Крыловъ подразумѣвалъ Карамзина. Между прочимъ, въ журналѣ онъ помѣстилъ свою старую комическую оперу «Бѣшеная семья» и комедію «Сочинитель въ прихожей». Но какъ эти его произведенія, о которыхъ мы уже говорили выше, такъ и довольно многочисленныя мелкія его стихотворенія, печатавшіяся въ журналѣ, довольно слабы и серьезнаго литературнаго значенія не имѣютъ. Журналъ «Меркурій» просуществовалъ опять только одинъ годъ и имѣлъ 150 подписчиковъ. Въ 1796 г. указъ императора Павла о закрытіи всѣхъ частныхъ типографій закрылъ и Крыловскую, и опять является перерывъ въ литературной дѣятельности Крылова и на этотъ разъ довольно продолжительный, а именно — вплоть до 1806 г.

Вслѣдъ за закрытіемъ типографіи, Крыловъ уѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ кн. С. Ѳ. Голицынымъ, который впалъ въ немилость императора Павла и получилъ повелѣніе жить въ деревнѣ, и поселился въ имѣніи князя, сперва въ Зубриловкѣ, Саратовской губ., а затѣмъ въ Казацкомъ, Кіевской губ. Здѣсь Крыловъ живетъ какъ другъ семейства князя и, между прочимъ, занимается съ дѣтьми его русскимъ языкомъ. Вотъ что говоритъ извѣстный Вигель въ своихъ запискахъ объ его урокахъ. «Несмотря на свою лѣность, онъ отъ скуки предложилъ князю Голицыну преподавать русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его, а слѣдственно — и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ: онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, но къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что, если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него понабрался».

Тутъ же, въ Казацкомъ, Крыловъ написалъ свою шутотрагедію «Тріумфъ». Эта трагедія была написана исключительно для деревенскаго театра князя, и Крыловъ самъ игралъ въ ней заглавную роль. Здѣсь же была написана затерявшаяся впослѣдствіи и найденная въ 1861 г. въ библіотекѣ Александринскаго театра комедія «Пирогъ». Комедія эта была представлена на сценѣ три раза: два раза въ С.-Петербургѣ и одинъ разъ въ Москвѣ, въ бенефисъ Сандунова. Комедія Крылова «Лѣнтяй», найденная въ бумагахъ А. Н. Оленина и впервые напечатанная въ «Сборникѣ статей о Крыловѣ», изданномъ Академіей Наукъ въ 1869 г., по мнѣнію Я. К. Грота, относится къ 1800 году.

Такимъ образомъ, Крыловъ провелъ въ имѣніи кн. Голицына около четырехъ лѣтъ, разнообразя деревенскую жизнь то домашними спектаклями, которые онъ ставилъ у князя, то поѣздками по окрестнымъ помѣщикамъ, ярмаркамъ и городкамъ.

По восшествіи на престолъ императора Александра I, въ 1801 г., съ князя Голицына была снята опала и онъ получилъ назначеніе генералъ-губернаторомъ въ Ригу. Князь пригласилъ Крылова къ себѣ на службу въ секретари. Но эту службу Крыловъ продолжалъ недолго и въ 1804 г. бросилъ ее. Съ этого времени въ его жизни является двухгодовой пробѣлъ. Никто хорошенько не зналъ, гдѣ и какъ жилъ онъ. Носились, правда, слухи, что онъ увлекся карточной игрой, выигралъ 30 тысячъ и много странствовалъ по Россіи. Но эти слухи такъ и остались только слухами. Крыловъ появляется опять только въ концѣ 1805 г.; этотъ годъ застаетъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ съ тремя, частью переведенными, частью передѣланными, баснями Лафонтена, а именно: «Разборчивая Невѣста», «Дубъ и Трость», «Старикъ и Трое молодыхъ», является къ извѣстному баснописцу Дмитріеву Дмитріевъ, просмотрѣвъ ихъ, сказалъ ему: «Наконецъ-то вы нашли вашъ истинный путь!» и ободрилъ его продолжать свою литературную дѣятельность въ этомъ родѣ. Эти первыя его три басни были помѣщены въ издававшемся тогда въ Москвѣ журналѣ кн. Шаликова «Московскій Зритель» и имѣли большой успѣхъ. Несмотря на это, Крыловъ все-

таки не сразу бросилъ свою прежнюю литературную дѣятельность и въ 1807 г. написалъ еще двѣ комедіи: «Урокъ дочкамъ», «Модную лавку» и волшебную оперу «Илья Богатырь»; первыя двѣ очень понравились публикѣ и довольно долго держались на сценѣ. Но это были въ то же время послѣднія его произведенія въ этомъ родѣ. Начиная съ 1808 года, онъ всецѣло отдался баснѣ и уже въ 1809 году выпустилъ ихъ отдѣльной книжкой въ количествѣ 23-хъ пьесъ. Съ каждой басней росла слава и извѣстность Крылова. Онъ первый изъ нашихъ баснописцевъ сталъ писать тѣмъ до-нельзя простымъ, безъискусственнымъ русскимъ языкомъ, писать которымъ до него чуждались, да и не умѣли, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придавалъ своимъ баснямъ чрезвычайно изящную отдѣлку. Вотъ что говоритъ о языкѣ его басенъ Вигель: «Въ простомъ языкѣ своемъ изъ простыхъ изреченій схватилъ онъ все, что показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія; такъ славный поваръ и изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ готовитъ вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнаго гастронома». Чрезъ пять лѣтъ послѣ появленія первой его басни, Академія Наукъ, въ 1811 году, сдѣлала его своимъ членомъ и, посылая ему дипломъ на это званіе, писала: «Сочиненія ваши служатъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской». Въ его басняхъ такъ или иначе находили откликъ не только всѣ вѣянія тогдашняго общества и жизни, но и политическія событія.

Его басни: «Волкъ на псарнѣ», «Курица и Ворона» и «Щука и Котъ», написанныя по поводу событій 1812 г., составили ему еще большую популярность и славу и до такой степени подняли значеніе его басни, что по Высочайшему повелѣнію ему назначается изъ Кабинета Его Величества пенсія по 1,500 р. ассигн. въ годъ. Еще до этого Крыловъ опять поступилъ (1806 г.) на службу въ «Монетный департаментъ», а въ 1812 г. перешелъ въ Публичную библіотеку подъ начальство своего друга А. Н. Оленина, гдѣ онъ и оставался почти до самой своей смерти. Эта

служба не требовала отъ него усиленныхъ занятій, не отнимала много времени и для довольно безпечнаго и лѣниваго Крылова была какъ разъ по немъ. Со времени появленія его басенъ, его знакомства стали искать всѣ, и не только извѣстные въ то время литераторы, художники, ученые, но и высокопоставленныя лица наперерывъ приглашали его къ себѣ. Не разъ онъ былъ приглашаемъ: императрицей Маріей Өеодоровной, всегда благосклонно относившейся къ русской литературѣ и ея силамъ. Ближе всѣхъ Крыловъ сошелся съ извѣстнымъ писателемъ Гнѣдичемъ, своимъ сослуживцемъ по Публичной библіотекѣ и къ тому же сосѣдомъ по занимаемой квартирѣ, и съ семьей вышеупомянутаго А. Н. Оленина. Въ этой семьѣ Крыловъ былъ принятъ какъ родной и послѣслужебное время почти всегда проводилъ у нихъ. Онъ не разъ говаривалъ женѣ Оленина: «Когда наступитъ мой послѣдній часъ, я приду умереть къ вамъ сюда, къ вашимъ ногамъ». Въ 1814 году потребовалось новое изданіе басенъ, и было выдано ему изъ Кабинета Его Величества 4,200 р. ассигнаціями. Эти басни вышли въ 1815 году въ трехъ книгахъ. Слѣдующее затѣмъ изданіе новыхъ басенъ вышло въ 1819 году. При нихъ было помѣщено предисловіе Крылова, гдѣ онъ говорилъ, что этимъ изданіемъ онъ хочетъ закончить свою дѣятельность. Это заявленіе, конечно, не было искреннимъ и было вызвано, какъ можно думать, тѣмъ, что Крыловъ любилъ работать медленно, обдумывая каждое слово, каждое выраженіе и часто передѣлывалъ, а между тѣмъ ему не было отбоя: всѣ просили новыхъ и новыхъ басенъ. Какъ бы то ни было, вплоть до 1825 г. онъ не выпустилъ ни одной новой басни, исключая басни «Василекъ», написанной имъ въ альбомъ императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1823 г. съ Крыловымъ сдѣлался ударъ. Кое-какъ, перемогаясь, онъ дотащился до Олениныхъ и проговорилъ: «Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня». Ему дали тотчасъ же помощь, и онъ оставался въ ихъ домѣ до своего выздоровленія. Когда же о его болѣзни узнала императрица, она велѣла Оленину перевезти его въ Павловскъ, сказавъ: «Подъ моимъ надзо-

свойствамъ народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота изъясняться притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, но это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямого и открытаго выраженія. Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что только въ формѣ басни для него возможно вполнѣ успѣшное сочетаніе художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко-сатирическаго уму, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое содержаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она—дѣло, полное жизни и значенія». И далѣе: «Проведя свое дѣтство на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ; народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ».

А. В. Никитенко въ своей статьѣ «О басняхъ И. А. Крылова въ художественномъ отношеніи» говоритъ въ заключеніе слѣдующее: «Разсуждая о Крыловѣ, мы далеко не все скажемъ о немъ, когда назовемъ его баснописцемъ и поэтомъ въ самомъ высшемъ и лучшемъ значеніи этихъ словъ. И самая иронія его, столь тонкая и многозначащая, изобличающая такую проницательность и независимость ума, не довершитъ настоящаго о немъ понятія. Правда въ духѣ ея, онъ говорилъ со своимъ народомъ такъ, какъ говорилъ бы народъ самъ съ собою. Это высокое достоинство. Но важно то, что заключалось въ его словахъ. Онъ говорилъ ему о недостаткахъ, порокахъ человѣческихъ, а болѣе всего о тѣхъ, которые поражаютъ самыя основы человѣческаго быта,—о грубыхъ нарушеніяхъ правды и закон-

ности, о злоупотребленіяхъ силы и власти, даруемыхъ установленіями общества. Этимъ-то онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ подобныхъ нравственныхъ золъ и направлялъ умъ ихъ къ пониманіямъ истинныхъ условій общественнаго добра. Его даютъ читать и учить наизусть дѣтямъ; дѣйствительно, и для дѣтей онъ всегда будетъ самымъ привлекательнымъ собесѣдникомъ, наставникомъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ истинахъ, въ чистотѣ и красотахъ самороднаго русскаго слова. Но сущность и духъ его уроковъ принадлежитъ не имъ, а ихъ отцамъ и взрослымъ братьямъ. Чаще всего должны ихъ выслушивать высшіе дѣятели общества, вожди его, когда въ тишинѣ они захотятъ бесѣдовать со своею совѣстью. Такъ изъ глубины ироніи, повитой цвѣтами поэзіи, возникаетъ предъ ними, самъ того не подозрѣвая, великій учитель, мудрецъ народа, и его неподражаемо-изящныя басни становятся для насъ лучшею книгой общественной нравственности».

Самая лучшая характеристика образа жизни, привычекъ, склонностей и дѣятельности Крылова въ его второй періодъ жизни, т.-е. со времени поступленія на службу въ Публичную библіотеку,—это тѣ разсказы близко знавшихъ и стоявшихъ къ нему современниковъ, которые теперь собраны въ одно цѣлое и носятъ названіе анекдотовъ. Приводимъ ихъ здѣсь.

Характеристическія черты своей наружности Крыловъ самъ описалъ въ молодости такъ:

Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь...
И, испужавшись самъ себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И такъ пустила какъ урода.
Досада сильная беретъ,
Почто я выпущенъ на свѣтъ
Съ такою грубой головою.
Забывшись, рокъ я поношу
И головы другой прошу,
Не зная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу.
(«СПБ. Меркурій», ч. III, стр. 12—13).

* * *

О домашней жизни Крылова въ домѣ Публичной библіотеки Плетневъ разсказываетъ слѣдующее: «Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, выходившихъ окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая, влѣво отъ нея, оставалась безъ употребленія, а послѣдняя—угольная, къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяину. Здѣсь, за перегородкой, стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сиживалъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары, съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ сигара ежеминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка приносила тоненькую восковую свѣчу безъ подсвѣчника, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ своимъ господиномъ. форточка въ залѣ почти всегда была открыта Крыловъ, набрасывая зеренъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все кругомъ носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца [1]). Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ Одинъ изъ нихъ привезъ ему въ подарокъ экземпляръ Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Ѣдучи поутру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ

[1]) «Сидя на диванѣ противъ открытаго окна, онъ забавлялся наблюденіемъ смышлености движеній и пріемовъ воробья. Воробей, готовый уже вспорхнуть на окно и довѣриться ласковому хозяину, пріостановился при моемъ приходѣ, разсказываетъ посѣтитель. «Посмотрите, сказалъ И. А.,—какъ онъ остороженъ! Это старый мой пріятель; онъ прилетаетъ ко мнѣ пообѣдать, но всегда съ крайней осмотрительностью, а теперь ужъ его не скоро заманишь».

нашъ и хотѣлъ было, ложась спать, позаняться, но такъ неосторожно держалъ передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ о его посѣщеніи. Такъ, за сигарой съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надо было отправляться обѣдать въ Англійскій клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, иногда прямо возвращался домой».

*
* *

Крыловъ, какъ старый холостякъ, мало занимался своимъ туалетомъ и былъ вообще неряшливъ и разсѣянъ. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ во дворецъ для представленія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, А. Н. Оленинъ, который долженъ былъ представить его государынѣ, сказалъ ему:

— Дай-ка взглянуть на тебя, Иванъ Андреевичъ, все ли на тебѣ въ порядкѣ?

— Какъ же, Алексѣй Николаевичъ, неужели я поѣду неряхой во дворецъ? На мнѣ новый мундиръ.

— Да что же это за пуговицы на немъ?

— Ахти! Онѣ еще въ бумажкахъ, а мнѣ и невдомекъ ихъ раскутать.

Иногда разсѣянность его доходила до того, что онъ клалъ въ свой карманъ, вмѣсто носового платка, все, что ни попадалось въ руки, свое или чужое. За обѣдомъ сморкался онъ иногда то въ чулокъ, то въ чепчикъ, которые вытаскивалъ изъ своего кармана. Перчатокъ онъ никогда не носилъ ни зимою, ни лѣтомъ, считая ихъ безполезною роскошью. «Я вѣчно ихъ теряю, говорилъ онъ, — да и руки у меня не зябнутъ».

*
* *

Вотъ еще черта разсѣянности Крылова. Панаевъ послалъ къ нему свои «Идилліи». Крылову хотѣлось, увидѣвшись

II*

съ нимъ, поблагодарить его. Гнѣдичъ разсказывалъ, что на бульварѣ въ разное время останавливалъ онъ троихъ незнакомыхъ ему людей и приносилъ имъ свою благодарность. Наконецъ, въ публичномъ чтеніи Общества Соревнователей онъ просилъ Гнѣдича показать ему Панаева, хотя самъ зналъ его или по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ видался и говорилъ съ нимъ. Гнѣдичъ для шутки указалъ ему на Корфа; Крыловъ тотчасъ пошелъ и сталъ благодарить его, но, увидя, что тотъ не понимаетъ его, узналъ свою ошибку и наконецъ самъ отыскалъ Панаева (Замѣтки В. М. Княжевича).

* * *

Разъ Крыловъ пріѣхалъ къ одному своему знакомому. Слуга сказалъ ему, что баринъ спитъ.

— Ничего, отвѣчалъ Крыловъ, — я подожду.

Съ этими словами онъ прошелъ въ гостиную, легъ тамъ на диванъ и заснулъ. Между тѣмъ, хозяинъ проснулся, входитъ въ комнату и видитъ лицо, совершенно ему незнакомое.

— Что вамъ угодно? спросилъ Крыловъ.

— Позвольте лучше мнѣ сдѣлать вамъ этотъ вопросъ, сказалъ хозяинъ, — потому что здѣсь моя квартира.

— Какъ? Да вѣдь здѣсь живетъ Н.?

— Нѣтъ. Теперь живу я здѣсь, а г. Н. жилъ, можетъ быть, до меня.

Послѣ этого разговора, хозяинъ спросилъ и Крылова объ его фамиліи и, когда тотъ сказалъ, обрадовался случаю, что видитъ у себя знаменитаго баснописца, и началъ просить его сдѣлать ему честь — остаться у него.

— Нѣтъ ужъ, отвѣчалъ Крыловъ: — мнѣ и такъ теперь совѣстно смотрѣть на васъ, — и съ этими словами ушелъ.

* * *

Желудокъ у Крылова былъ по-истинѣ богатырскій. Однажды онъ приказалъ приготовить къ своему обѣду пряженыхъ пирожковъ. Онъ съѣлъ цѣлый десятокъ и потомъ спохватился, что въ нихъ былъ какой-то странный вкусъ да и цвѣтъ необыкновенный. Крыловъ крикнулъ кухарку, но

она зачѣмъ-то отлучилась въ лавочку. Онъ пошелъ самъ на кухню. Видитъ на очагѣ стоитъ каструля, нечищенная и нелуженая съ незапамятныхъ временъ; заглянулъ въ нее: зеленые пирожки, т.-е. покрытые зеленою ярью, плаваютъ въ зеленомъ маслѣ. Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, и имъ овладѣло искушеніе — пирожковъ еще оставалось шесть штукъ «Да что, подумалъ онъ,—вѣдь это ничего: съѣлъ же я десятокъ, а шесть куда ни шло!»—да и спровадилъ ихъ въ свой молодецкій желудокъ.

Слыша жалобы молодыхъ людей на слабость желудка, онъ, улыбаясь, говорилъ:

— А я такъ, бывало, не давалъ ему потачки. Если чуть онъ задуритъ, то я наѣмся вдвое, а тамъ онъ себѣ какъ хочешь развѣдывайся.

* * *

Однажды Крыловъ былъ приглашенъ графомъ Мусинъ-Пушкинымъ на обѣдъ съ блюдомъ макаронъ, отлично приготовленнымъ какимъ-то знатокомъ-итальянцемъ. Крыловъ опоздалъ и пріѣхалъ, когда уже подавали третье блюдо— знаменитыя макароны

— А! виноватъ! сказалъ весело графъ,—такъ вотъ вамъ и наказаніе.

Онъ наклалъ горою глубокую тарелку макаронъ, такъ что онѣ уже ползли съ ея вершины, и подалъ виновнику.

Крыловъ съ честью вынесъ это наказаніе.

— Ну, сказалъ графъ,—это не въ счетъ; теперь начинайте обѣдать съ супа, по порядку.

Въ концѣ обѣда сосѣдъ Крылова выразилъ нѣкоторыя опасенія за его желудокъ.

— Да что ему сдѣлается, отвѣтилъ Крыловъ:—я, пожалуй, хоть теперь же готовъ еще разъ провиниться.

* * *

Какъ-то разъ, вечеромъ, Крыловъ зашелъ къ сенатору Абакумову и засталъ у него нѣсколько человѣкъ, приглашенныхъ на ужинъ. Абакумовъ и его гости пристали къ Крылову, чтобы онъ непремѣнно съ ними отужиналъ; но

онъ не поддавался, говоря, что дома его ожидаетъ стерляжья уха. Наконецъ, удалось уговорить его подъ условіемъ, что ужинъ будетъ поданъ немедленно. Сѣли за столъ. Крыловъ съѣлъ столько, сколько все остальное общество вмѣстѣ, и едва успѣлъ проглотить послѣдній кусокъ, какъ схватился за шапку.

— Помилуйте, Иванъ Андреевичъ, да теперь-то куда же вамъ торопиться? закричали хозяинъ и гости въ одинъ голосъ:—вѣдь вы поужинали.

— Да сколько же разъ мнѣ вамъ говорить, что меня дома стерляжья уха ожидаетъ; я и то боюсь, чтобы она не простыла, сердито отвѣтилъ Крыловъ и удалился со всею поспѣшностью, на какую только былъ способенъ.

* * *

Разъ въ смежномъ съ квартирой Крылова домѣ случился пожаръ. Люди Крылова, сообщивъ объ этомъ, бросились спасать разныя вещи и неотступно просили, чтобы онъ поспѣшилъ собрать свои бумаги и цѣнные предметы. Но онъ, не обращая вниманія на просьбы, крики и суматоху, не одѣвался, приказалъ подать себѣ чай и, выпивъ его не торопясь, еще закурилъ сигару. Кончивъ все это, онъ началъ медленно одѣваться; потомъ, выйдя на улицу, поглядѣлъ на горѣвшее зданіе и, сказавъ: «Не для чего перебираться», возвратился въ свою квартиру и улегся спокойно на диванъ.

* * *

У Крылова надъ диваномъ, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ, висѣла, сорвавшись съ одного гвоздя, наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то замѣтилъ ему, что и другой гвоздь, на которомъ она еще держалась, непроченъ и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ,—уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать кривую линію и миновать мою голову.

* * *

Въ «Сѣверной Пчелѣ» (1847 г., № 22) неизвѣстный авторъ разсказываетъ слѣдующее:

«Замѣтивъ на стѣнѣ его комнаты грязное пятно позади тѣхъ креселъ, на которыхъ онъ постоянно сиживалъ, образовавшееся отъ частаго прикосновенія головы къ одному мѣсту, я посовѣтовалъ И. А. выкрасить комнату. Замѣчаніе мое, повидимому, удивило его, какъ бы важное открытіе.

«— Эхъ, братецъ, сказалъ онъ, немного подумавши, — вѣдь черезъ нѣсколько дней появится новое пятно, неужто для этого всякій разъ красить комнату?

«Призвавъ потомъ служанку, онъ сталъ ей выговаривать, почему она не позаботится смыть пятно; когда же она возразила, что пятно будетъ еще хуже и больше, если его вымыть, потому что краска кругомъ сойдетъ, И. А. отвѣчалъ пресерьезно: «Да, правда твоя! Ну, пока мы сдѣлаемъ лучше: прикрой пятно чистой тряпочкой, прикрѣпивъ ее къ стѣнѣ, и каждый разъ, какъ тряпочка замарается, можешь ее вымыть». Выдумкою этою онъ остался такъ доволенъ, что лицо его, прежде озабоченное, тотчасъ просіяло особеннымъ удовольствіемъ».

«Я зашелъ однажды къ Ивану Андреевичу и обошелъ всѣ комнаты; въ нихъ не было ни одной живой души; плачъ ребенка привелъ меня въ кухню. Я полагалъ найти въ ней кого-либо изъ немногочисленныхъ слугъ его; напротивъ, я нашелъ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на простой скамейкѣ; въ колыбели передъ нимъ лежалъ ребенокъ, неугомонно кричавшій. И. А. съ отеческою заботливостью качалъ его и прибаюкивалъ. На вопросъ мой, давно ли занимается этимъ ремесломъ, онъ преспокойно отвѣчалъ: «Что жъ дѣлать? Негодяи, отецъ и мать, бросили на мои руки бѣднаго ребенка, а сами ушли Богъ знаетъ куда». И. А. продолжалъ усердно исполнять обязанности няньки до тѣхъ поръ, пока не возвратилась мать».

* * *

Хозяинъ дома, въ которомъ Крыловъ занималъ квартиру до полученія казенной, принесъ ему для подписи контрактъ.

Въ этомъ контрактѣ, между прочимъ, было написано,

чтобы онъ, Крыловъ, былъ остороженъ съ огнемъ, а буде, чего Боже сохрани, домъ сгоритъ по его неосторожности, то онъ обязанъ заплатить стоимость дома, именно: 60,000 рублей ассигнацій.

Крыловъ подписалъ контрактъ и къ суммѣ 60,000 прибавилъ два нуля, что составило 6.000,000 руб.

— Возьмите, сказалъ Крыловъ, отдавая контрактъ хозяину:—я на всѣ пункты согласенъ; но для того, чтобы вы были совершенно обезпечены, я вмѣсто 60,000 руб. поставилъ 6.000,000. Это для васъ будетъ хорошо, а для меня все равно, ибо я не въ состояніи заплатить ни той, ни другой суммы.

* * *

По совѣту докторовъ, Крыловъ ежедневно гулялъ. Въ дождливое и ненастное время онъ избиралъ для прогулокъ второй ярусъ Гостинаго двора, который обходилъ нѣсколько разъ. Въ то время сидѣльцы обыкновенно самымъ назойливымъ образомъ зазывали прохожихъ въ свои лавки. Однажды они жестоко атаковали Крылова. — «У насъ самые лучшіе мѣха! пожалуйте, пожалуйте!» и почти насильно затащили его въ лавку. Онъ рѣшился ихъ проучить и сказалъ:

— Ну, покажите же, что у васъ хорошаго?

Сидѣльцы натаскали ему разныхъ мѣховъ. Онъ развертывалъ, разглядывалъ и говорилъ:

— Хороши, хороши, а есть ли еще лучше?

Притащили еще.

— Хороши и эти, да нѣтъ ли еще получше?

Еще разостлали передъ нимъ множество мѣховъ. Такимъ образомъ онъ перерылъ всю лавку.

— Ну, благодарю васъ, сказалъ, онъ, наконецъ:—у васъ много прекрасныхъ вещей! Прощайте!

— Какъ, сударь? Да развѣ вамъ не угодно купить?

— Нѣтъ, мои друзья, мнѣ ничего не надобно. Я прохаживаюсь здѣсь для здоровья, и вы насильно затащили меня въ лавку.

Не успѣлъ онъ еще выйти изъ этой лавки, какъ сидѣльцы слѣдующей лавки подхватили его: — «У насъ самые

лучшіе, пожалуйте-съ», и втащили его въ свою лавку. Крыловъ такимъ же образомъ перерылъ весъ ихъ товаръ, похвалилъ его, поблагодарилъ торговцевъ за показъ и вышелъ. Сидѣльцы слѣдующихъ лавокъ, перешептываясь между собой и улыбаясь, дали ему свободный проходъ. Они уже узнали о его проказахъ изъ первой лавки. Съ тѣхъ поръ Крыловъ спокойно и свободно прогуливался по Гостиному двору и только откланивался на учтивые поклоны и веселыя улыбки своихъ знакомыхъ сидѣльцевъ.

*
* *

Крыловъ не любилъ медицины и всегда, какъ только начиналъ чувствовать хандру, обращался къ чтенію глупѣйшихъ романовъ[1]). Это было единственное средство къ возстановленію его здоровья. Все это, впрочемъ, не мѣшало ему вѣрить въ симпатіи и исполнять самые нелѣпые совѣты старухъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ Крыловъ заболѣлъ рожей на лицѣ. Приглашенный поутру врачъ прописалъ ему лекарство и вечеромъ, проѣзжая мимо дома Публичной библіотеки, пожелалъ взглянуть на своего знаменитаго паціента. Что же онъ увидѣлъ? Больной сидѣлъ въ томъ же креслѣ, гдѣ онъ его оставилъ утромъ; но все его лицо было завѣшено краснымъ сукномъ, въ которомъ были прорѣзаны двѣ дырочки для глазъ.

— Къ чему вы это дѣлаете? спросилъ его докторъ.

— Да вотъ онѣ говорятъ, что это помогаетъ, отвѣчалъ Крыловъ, указывая на какихъ-то женщинъ, сидѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ.

Доктору стоило большого труда увѣрить его, что лекарства дѣйствительнѣе краснаго сукна.

*
* *

Однажды Крыловъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскъ. Гостей за столомъ было немного. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Жуковскій. Крыловъ не отказывался ни отъ одного блюда.

---

[1]) Крыловъ любилъ читать романы въ старинныхъ переводахъ, и чѣмъ романъ былъ глупѣе, тѣмъ онъ болѣе нравился ему.

— Да откажись хоть разъ, Иванъ Андреевичъ, шепнулъ ему Жуковскій: — дай императрицѣ возможность попотчивать тебя.

— Ну, а какъ не попотчуетъ? отвѣчалъ Крыловъ и продолжалъ накладывать себѣ на тарелку.

* * *

Императрица Александра Θеодоровна, какъ разсказываютъ, подарила однажды Крылову фарфоровую чашку съ крышкой, покрытой кобальтомъ, съ живописью, а потомъ, вспомнивъ, что эта чашка была ей подарена императрицею Маріею Θеодоровною, приказала потребовать ее назадъ. Когда приказаніе было сообщено Крылову, то онъ отвѣчалъ: «Доложите государынѣ, что потому я и не отдамъ чашки, что она принадлежала покойницѣ». Отвѣтъ былъ переданъ императрицѣ, которая сказала: «Что дѣлать со старикомъ? Пусть она у него останется» (Сообщено А. В. Никитенкою). Однако впослѣдствіи чашка была возвращена.

* * *

Одинъ годъ императорская фамилія жила въ Аничковомъ дворцѣ, а Крыловъ въ то время жилъ въ домѣ Публичной библіотеки. Разъ императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ Крылова на Невскомъ проспектѣ.

— А! Иванъ Андреевичъ! Какъ поживаешь! Давно не видались мы съ тобою! сказалъ императоръ.

— Давненько, ваше величество, отвѣчалъ баснописецъ,— а вѣдь, кажись, сосѣди.

* * *

Однажды Крыловъ получилъ приглашеніе на придворный маскарадъ. За нѣсколько дней до маскарада онъ, въ мрачномъ расположеніи духа, сидѣлъ послѣ обѣда у А. Н. Оленина.

— Что съ вами, дѣдушка? спросила Варвара Алексѣевна Оленина, дочь А. Н. Оленина.

— Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ, въ маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться.

— Да вы бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись чище, васъ тамъ никто бы не узналъ, отвѣчала Оленина.

Разрѣшить трудную задачу, какъ одѣться, удалось знаменитому трагику В. А. Каратыгину, который нарядилъ поэта въ костюмъ кравчаго. Маскарадъ этотъ былъ устроенъ по англійскому обычаю: кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ и былъ царемъ праздника. Къ этому царю Крыловъ обратился съ слѣдующей рѣчью:

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась, выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ бы досыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ,—
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году,—за это я, кравчій твой, берусь,—
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ, не бери ты съ тѣхъ царей примѣръ,
Которые нелакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но, разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой заботой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь, да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло.

Стихотвореніе это государь Николай Павловичъ выслушалъ съ видимымъ удовольствіемъ. Тутъ же Крыловъ прочелъ впервые басню «Вельможа». Вся басня, и особенно заключительные стихи, такъ понравились государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и сказалъ: «Пиши, старикъ, пиши».

* * *

Крыловъ былъ хорошо принятъ въ домѣ графини С. В. Строгановой и часто тамъ обѣдалъ. Столовая графини отличалась роскошнымъ убранствомъ; между прочимъ, надъ самымъ обѣденнымъ столомъ висѣла громадная люстра, украшенная крупными хрустальными гранями старинной работы; на граняхъ этихъ отсвѣчивалъ солнечный свѣтъ самыми разнообразными радужными цвѣтами, что производило большой эфектъ.

Разъ, во время обѣда, въ которомъ участвовалъ Крыловъ, посѣтители графини вели разговоръ о томъ, хорошо ли сдѣлалъ императоръ Петръ Великій, что основалъ Петербургъ. Споръ былъ довольно жаркій и, разумѣется, какъ всегда бываетъ, одни были одного мнѣнія, другіе—другого. Крыловъ все время молчалъ и усердно трудился надъ уничтоженіемъ подавамыхъ кушаній. Графиня Строганова, какъ бы желая вовлечь его въ разговоръ, выразила ему удивленіе о томъ, что такой важный предметъ, какъ постройка Петербурга, подвергается съ давняго времени столь разнообразнымъ толкамъ.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, возразилъ совершенно спокойно Крыловъ:—и чтобы доказать вамъ, что я говорю истину, прошу васъ, графиня, сказать, какого цвѣта вамъ кажется вотъ эта грань?

При этомъ онъ указалъ на одну изъ граней люстры.

— Оранжеваго, отвѣчала графиня

— А вамъ? спросилъ Крыловъ гостя, сидѣвшаго съ лѣвой стороны графини.

— Зеленоватаго, отвѣчалъ послѣдній.

— А вамъ? продолжалъ Крыловъ, обращаясь къ гостю, сидѣвшему по правую сторону отъ графини.

— Фіолетоваго.

— А мнѣ, заключилъ Крыловъ,—синяго.

Гости выразили сперва удивленіе, а потомъ разсмѣялись.

— Все зависитъ отъ того, замѣтилъ Крыловъ, принимаясь за жаркое,—что всѣ мы, хотя и смотримъ на одинъ и тотъ же предметъ, да глядимъ-то съ разныхъ сторонъ.

*
* *

На одномъ литературномъ вечерѣ А. С. Пушкинъ читалъ своего «Бориса Годунова». Всѣ были въ восхищенiи, одинъ Крыловъ оставался равнодушнымъ.

— Вѣрно вамъ, Иванъ Андреевичъ, не нравится мой «Борисъ»? спросилъ его А. С. Пушкинъ.

— Нѣтъ, ничего, нравится, отвѣчалъ Крыловъ:—только послушайте, я вамъ разскажу анекдотъ. Одинъ проповѣдникъ говорилъ, что всякое созданiе Божiе есть верхъ совершенства. Горбунъ, съ горбами спереди и сзади, подошелъ къ каѳедрѣ проповѣдника, показалъ ему свои горбы и спросилъ: «Неужели я верхъ совершенства?» Проповѣдникъ, удивившись его безобразiю, отвѣчалъ: «Да, между горбунами горбатѣе тебя нѣтъ: ты совершеннѣйшiй горбунъ». Такъ и ваша драма, Александръ Сергѣевичъ, наипрекрасна въ своемъ родѣ.

***

Н. И. Гнѣдичъ, сослуживецъ, вседневный собесѣдникъ и добрый товарищъ Крылова, оставивъ службу, получилъ по особому назначенiю государя 6,000 р. асс. пенсiи. Вдругъ Крыловъ пересталъ ходить къ нему и, встрѣчаясь въ обществѣ, не говорилъ съ нимъ. Гнѣдичъ, да и всѣ видѣвшiе эту внезапную перемѣну въ Крыловѣ, не постигали, что бы это значило. Такъ прошло около двухъ недѣль. Наконецъ, образумившись, Крыловъ приходитъ къ Гнѣдичу съ повинной головой.

— Николай Ивановичъ! Прости меня!

— Въ чемъ, Иванъ Андреевичъ? Я вижу только холодность и не постигаю тому причины.

— Такъ пожалѣй же обо мнѣ, почтенный другъ! Я позавидовалъ твоей пенсiи и позавидовалъ твоему счастiю, котораго ты совершенно достоинъ. Въ мою душу ворвалось такое чувство, которымъ я гнушаюсь.

Гнѣдичъ кинулся къ нему на шею, и въ ту же минуту все прошлое было забыто!

***

Объ отношеніяхъ Крылова къ гр. Хвостову Бантышъ-Каменскій, со словъ Д. И. Языкова, разсказываетъ слѣдующее:

Однажды пришелъ къ Крылову пріятель его Ок. и уговорилъ Крылова отправиться вмѣстѣ къ гр. Хвостову. Посѣщеніе это чрезвычайно обрадовало неутомимаго стихотворца.

— Садитесь, господа, сказалъ гр. Хвостовъ:—я прочту вамъ новое свое произведеніе.

— Нѣтъ, не сядемъ, отвѣчалъ Ок.: —пока не ссудишь ты меня 200 рублями.

Хвостовъ отговаривался.

— Прощай, сказалъ Ок. съ досадою и пригласилъ Крылова послѣдовать его примѣру.

— Останьтесь, выслушайте! сказалъ хозяинъ еще съ большимъ неудовольствіемъ:—право, не будете раскаиваться.

— Дай 200 рублей, продолжалъ въ свою очередь Ок.:—останемся.

— Дамъ, но выслушайте напередъ.

— Нѣтъ, братъ, не проведешь: дай 200 рублей, а тамъ читай, сколько тебѣ будетъ угодно.

Деньги отсчитаны, гости усѣлись у окна близъ двери, хозяинъ началъ чтеніе съ жаромъ, свойственнымъ поэту. Долго пдродолжалось оно. Выведенный изъ терпѣнія Ок. сказалъ на ухо Крылову: «Уйдемъ, право, нѣтъ силъ!» — Крыловъ совѣтовалъ дождаться конца. Ок. удалился потихоньку, потомъ Крыловъ; но послѣдній, вышедши, остановился за дверью, ожидая развязки.

— Не правда ли, друзья, произнесъ, наконецъ, стихотворецъ, прервавъ свое чтеніе:—что это стихъ геніальный! и, не слыша отвѣта, оглянулся и вскрикнулъ съ сердцемъ: «Ахъ, проклятые, они ушли!»

Тогда Крыловъ бросился бѣжать, не оглядываясь назадъ.

* * *

Графъ Хвостовъ, разсердившись на Крылова за какое-то сатирическое замѣчаніе объ его стихотвореніяхъ, написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Небритый и нечесанный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесанный
Какой-нибудь чурбанъ,
Лежитъ, совсѣмъ разбросанный,
Зоилъ Крыловъ Иванъ.
Объѣлся онъ иль пьянъ?

Крыловъ, разумѣется, тотчасъ же угадалъ, кто стихокропатель. «Въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь», сказалъ онъ и отмстилъ ему такъ, какъ былъ въ состояніи мстить только умный и добродушный Крыловъ. Подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые стихи графа Хвостова, Крыловъ напросился къ нему на обѣдъ, ѣлъ за троихъ, и послѣ обѣда, когда амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, началъ читать стихи свои, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера.

* * *

9-го апрѣля 1812 года императоръ Александръ I отъѣзжалъ къ дѣйствующей арміи. На молебствіе въ Казанскомъ соборѣ съѣхались всѣ знавшіе объ отъѣздѣ государя. Площадь передъ соборомъ наполнилась народомъ. Крыловъ, пробираясь въ толпѣ, столкнулся съ гр. Хвостовымъ.

— Ну, что, графъ, спросилъ онъ,—не напишете ли вы оды? Вы, конечно, пришли сюда за вдохновеніемъ?

Графу не понравилось это насмѣшливое привѣтствіе.

— Почему же именно я долженъ писать? спросилъ онъ:— вы также пишете стихи, и, какъ говорятъ, очень хорошіе.

— Мои стихи, отвѣчалъ Крыловъ,— ничтожныя басни, а вы парите высоко, вы—лирикъ.

Толпа разлучила ихъ.

Должно знать, что государь, назначивъ А. С. Шишкова государственнымъ секретаремъ на мѣсто Сперанскаго, пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. Въ тотъ же день данъ былъ прощальный обѣдъ гр. Хвостовымъ. Въ концѣ обѣда, когда начались тосты, подали хозяину пакетъ на его имя. Онъ распечатываетъ его и читаетъ вслухъ слѣдующее:

Стихи А. С. Шишкову.

На случай всемилостивѣйше пожалованной ему коляски.

Шишковъ! оставя днесь «Бесѣды» свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ славный путь въ каретѣ подъ орломъ:
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь:
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь.

Иванъ Крыловъ.

Восторженные гости захлопали въ ладоши, закричали: «прекрасно, безподобно!» Хозяинъ сказалъ экспромтомъ:

Не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ,
А диво, что онъ самъ стихи переписалъ.

Отправили стихи въ типографію, напечатали и роздали въ публикѣ. Остолбенѣлъ Крыловъ, получивъ, въ званіи библіотекаря русскаго отдѣла Публичной библіотеки, это свое печатное стихотвореніе! Онъ написалъ возраженіе, въ которомъ отступался отъ литературнаго подкидыша; но не могъ его нигдѣ напечатать. Литературныхъ журналовъ въ Петербургѣ не было, а въ газетахъ сочтено было неприличнымъ печатать статьи такого рода. И знаменитые стихи остались за нимъ.

Гр. Хвостовъ торжествовалъ: онъ не объявлялъ гласно о своей хитрости, но вездѣ, гдѣ только могъ, хвалилъ эти стихи, прибавляя изрѣдка: «Ихъ хвалятъ по достоинству, но если бъ вмѣсто Иванъ Крыловъ было подписано гр. Дмитрій Хвостовъ, бранили бы безъ милосердія» (Разсказано Гречемъ).

* * *

Бантышъ-Каменскій составилъ біографію Крылова, которая впослѣдствіи, съ измѣненіями и дополненіями, была помѣщена въ «Словарѣ достопамятныхъ людей» (СПБ. 1847), и просилъ М. Е. Лобанова передать ее для просмотра поэту. Лобановъ, жившій съ Крыловымъ въ Публичной библіотекѣ, передалъ рукопись Крылову съ слѣдующей запиской: «Вотъ ваша біографія, написанная Каменскимъ, почтенный Иванъ

Андреевичъ. Прочитайте ее, поправьте или вымарайте, что заблагоразсудите. Я боленъ и не могу къ вамъ сойти. Вашъ Лобановъ». Крыловъ возвратилъ статью Лобанова вмѣстѣ съ приведенными строками, и написалъ подъ ними карандашомъ:

«Прочелъ.
Ни поправлять ни выправлять
Ни время ни охоты нѣтъ».

* * *

Когда Крыловъ служилъ уже въ Публичной библіотекѣ ему вздумалось однажды просмотрѣть свои прежнія произведенія. Его сослуживецъ Быстровъ принесъ ему журналы «Зритель» и «Меркурій» и, заведя рѣчь объ одѣ Крылова «Къ счастью», спросилъ его: «И. А., за что вы пеняете на Фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?»

— Ахъ, мой милый, отвѣчалъ онъ, — со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ какъ дитя... Журналу не повезло; полиція и еще одно обстоятельство... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ!

Тутъ, вѣроятно, рѣчь идетъ о непріятности по типографіи (Крылова подозрѣвали—и напрасно—въ напечатаніи книги Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву») и о несчастной любви Крылова къ Аннѣ Алексѣевнѣ Константиновой, одно время выказывавшей расположеніе выйти за него [1]).

* * *

[1]) Въ одѣ «Къ счастью» Крыловъ такъ пеняетъ на Фортуну:

«Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подчасъ некстати слишкомъ злая,
Подчасъ роскошна невпопадъ,
Скажи, Фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой неладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?

Какъ-то за обѣдомъ А. Н. Оленинъ сказалъ Крылову:

— Ни одинъ литераторъ не пользуется такой славой, какъ ты:—твоихъ басенъ вышло болѣе десяти изданій.

— Что жъ тутъ удивительнаго? отвѣчалъ Крыловъ. — Мои басни читаютъ дѣти, а это такой народъ, который все истребляетъ, что ни попадется въ руки. Поэтому моихъ басенъ много и выходитъ.

* * *

Н. И. Гнѣдичъ разсказывалъ Княжевичу, какъ Крыловъ совершилъ великій подвигъ, выучившись по-гречески. Ему было болѣе 50 лѣтъ; извѣстны характерныя черты его: гастрономія, сонливость, разсѣянность, притомъ и толщина его. Все это не предполагаетъ усидчивости и терпѣнія. Однако дѣло началось такъ: какой-то пріѣхавшій сюда французъ объявилъ, что будетъ легчайшими способами учить по-гречески. Крыловъ, который жилъ объ дверь съ Гнѣдичемъ, приходитъ къ послѣднему и сказываетъ, что его подговариваетъ генералъ-майоръ Орловъ учиться вмѣстѣ.

— Хорошо, возразилъ Гнѣдичъ,— купи же себѣ Библію, да пусть она лежитъ у тебя въ ящикѣ, авось выучишься.

— И полно! я будто ужъ такъ лѣнивъ?

Этимъ разговоръ кончился и уже никогда не возобновлялся; только разъ Гнѣдичъ находитъ въ ящикѣ у сосѣда своего дѣйствительно греческую Библію въ пыли и въ сырости и смѣясь вынимаетъ ее.

— Что, братъ, говоритъ онъ Крылову: — выучился по-гречески?

— Да, началъ-было, отвѣчаетъ тотъ: — однако, твоя правда, не мнѣ учиться.

Проходитъ два года. Гнѣдичъ и Крыловъ обѣдали разъ у начальника библіотеки, Оленина. Крыловъ имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда уходить тихонько, чтобы соснуть. Только вдругъ сынъ и дочь Оленина ведутъ баснописца подъ руки и у него нѣсколько странная мина.

— Что, братъ, поймали, говоритъ Гнѣдичъ, думая, что его не пустили идти домой.

— Да! отвѣчаетъ тотъ.

Вслѣдъ затѣмъ входитъ Оленинъ съ тремя фоліантами.

— Вотъ вы, Иванъ Андреевичъ, спорили со мной, говоритъ онъ Крылову: — что такое-то слово имѣетъ одно только значеніе. Напротивъ, я нашелъ и другія.

Подаетъ ему Иліаду. Крыловъ читаетъ по-гречески и переводитъ. Гнѣдичъ думаетъ, что это шалость, и разсказываетъ, какъ его просили выучиться по-англійски и какъ онъ мистифицировалъ пріятелей, затвердивъ одну страницу. Развертываютъ Гомера въ другомъ мѣстѣ; Крыловъ читаетъ и переводитъ. Гнѣдичъ смотритъ на него большими глазами. «Пустое, я все не вѣрю! Пожалуйте мнѣ,—у васъ Ксенофонтъ». Подаютъ Крылову, онъ читаетъ и переводитъ. Тогда уже Гнѣдичъ не могъ не повѣрить, и всѣ прежнія уловки его сосѣда для него объяснились. Напримѣръ, какъ онъ не пускалъ его въ свой кабинетъ, извиняясь, что тамъ не чисто (что́ и дѣйствительно правда, ибо Крыловъ очень неопрятенъ и Гнѣдичъ еще благодарилъ его за это, говоря: «хорошо, что ты знаешь нынче стыдъ»), какъ покрывалъ своею расходною книгою греческія книги и проч. Крыловъ и Гнѣдичъ пошли наконецъ къ себѣ и тутъ всю ночь напролетъ разсуждали объ этомъ трудномъ языкѣ и о томъ, какъ успѣлъ Крыловъ въ два года ему выучиться. Послѣдній разсказывалъ, что онъ читалъ авторовъ обыкновенно часовъ до четырехъ ночи; и такъ какъ у него были стереотипныя изданія, то надъ ними онъ принужденъ былъ надѣвать очки. Замѣчательно, что онъ свою Фенюшу (прислугу) выучилъ узнавать греческихъ авторовъ, можетъ быть потому, что они, отъ времени, а больше отъ неопрятности, были, каждый отлично отъ другого, испачканы и засалены. «Подай мнѣ Ксенофонта, Иліаду, Одиссею Гомера, говорилъ онъ Фенюшѣ,—и она подавала безошибочно (Замѣтки В. М. Княжевича).

* * *

Крыловъ увѣрялъ пріятелей, что первая журнальная похвала какому-то его сочиненію имѣла на него громадное вліяніе.

— Скажу вамъ откровенно, говорилъ онъ: — въ молодости я былъ лѣнивъ, да и теперь, признаться, не могу избавиться отъ этого. Разъ я написалъ одну бездѣлку; журналъ, который разбиралъ мой трудъ, похвалилъ ее, это меня заохотило, и я началъ трудиться. Сдѣлалъ ли что-либо, или нѣтъ, пускай судитъ потомство; только думаю, что, не похвали меня тогда тотъ журналъ, не писалъ бы Иванъ Крыловъ того, что онъ написалъ впослѣдствіи.

* * *

Однажды Крыловъ ѣлъ въ биржевой лавкѣ устрицы и по окончаніи завтрака хотѣлъ расплатиться, но не нашелъ кошелька, который забылъ дома.

— Ну, мой милый, сказалъ онъ половому, — со мною случилась бѣда: я не взялъ съ собою денегъ, — какъ тутъ быть?

— Ничего, сударь, ничего, не извольте безпокоиться, — мы подождемъ.

— Да развѣ ты знаешь меня?

— Да какъ не знать васъ, батюшка Иванъ Андреевичъ, васъ весь свѣтъ знаетъ.

* * *

Однажды, въ Англійскомъ клубѣ, пріѣзжій помѣщикъ, любившій прилгать, разсказывая за обѣдомъ о стерляди, которая ловится на Волгѣ, преувеличивалъ ея длину. «Разъ, сказалъ онъ, — передъ самымъ моимъ домомъ мои люди вытащили стерлядь; вы не повѣрите, но, увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда до...». Помѣщикъ, не договоря фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, противоположному концу, гдѣ сидѣлъ Крыловъ. Тогда послѣдній, отодвигая стулъ, сказалъ:

— Позвольте, я отодвинусь, чтобы пропустить вашу стерлядь.

* * *

Въ обществѣ говорили о богатствѣ А. И. Яковлева, имѣвшаго болѣе шести милліоновъ годового дохода.

— Это ужъ черезчуръ много, сказалъ Крыловъ, — все равно, если бъ я имѣлъ для себя одѣяло въ 30 аршинъ.

* * *

Разъ Крыловъ взялъ у А. Н. Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ для прочтенія. Это было роскошное описаніе Египта. Поутру за кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сѣлъ у окна на стулѣ, который вмѣстѣ со столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собой огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ, а другая на окнѣ, онъ любовался прекрасными гравюрами. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его стулъ покачнулся, какъ будто соскользнувши съ возвышенія. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ второпяхъ схватилъ правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась, и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе брасился онъ въ кухню, схватилъ ушатъ съ водой, втащилъ его въ залу и, кинувъ на полъ разогнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата водой. Служанка, ничего не понявшая, бросилась наверхъ къ Гнѣдичу. Когда Гнѣдичъ вошелъ въ залу, Крыловъ продожалъ еще лить на книгу воду Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившемся и пояснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И дѣйствительно, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

* * *

Крыловъ, какъ извѣстно, умеръ отъ несваренія желудка, покушавъ натертыхъ сухихъ рябчиковъ со сливочнымъ масломъ на ночь. Онъ прохворалъ нѣсколько дней, и въ это время его часто навѣщалъ Я. И. Ростовцевъ, искренно любившій Ивана Андреевича. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Крыловъ сказалъ Ростовцеву:

— Чувствую, что скоро умру, и очень сожалѣю, что не могу написать послѣдней басни на самого себя.

— Какой басни? спросилъ Яковъ Ивановичъ.

— А вотъ какой. Нагрузилъ мужикъ возъ сушеной рыбой, сбираясь везти ее на базаръ. Лошаденка у него была плохая и измученная. Несмотря на это, онъ навалилъ поклажи столько, сколько могъ увязать. Глядѣвшіе на это

сосѣди смѣялись надъ нимъ и предсказывали, что быть бѣдѣ съ его лошадью. А мужикъ имъ въ отвѣтъ все одно: «рыба-то сушеная!» Вотъ и со мной вышло то же. Не обременятъ желудка рябчики, подумалъ я: вѣдь они протертые. А лишекъ-то все не хорошъ, какъ его ни возьми.

Несмотря на то, что Крыловъ представляетъ такую крупную величину въ нашей литературѣ, произведеніями котораго интересовались безъ различія всѣ классы общества, да, кромѣ того, и какъ человѣкъ онъ возбуждалъ интересъ къ себѣ своихъ современниковъ,—біографическія свѣдѣнія о немъ, и притомъ самыя драгоцѣнныя для его біографа, а именно обнимающія собою то время, когда изъ нихъ вырабатывался тотъ Крыловъ, который заставилъ говорить о себѣ и о своихъ произведеніяхъ всю читающую, грамотную Европу,—крайне скудны, зачастую неточны и изобилуютъ пробѣлами. Онъ самъ не любилъ говорить о себѣ и относился совершенно равнодушно къ вопросамъ лицъ, интересовавшихся его жизнью и работами въ первый періодъ литературной дѣятельности, и такимъ образомъ приходилось довольствоваться немногими устными разсказами и свѣдѣніями тѣхъ, которые, такъ или иначе, приходили съ нимъ въ соприкосновеніе. Этимъ и объясняется, что первыя біографическія данныя о Крыловѣ почти исключительно цифровыя.

Первой біографіей Крылова можно считать краткое извѣстіе о немъ Н. Греча въ его «Опытѣ краткой исторіи русской литературы» (Спб. 1822) и въ «Живописномъ Обозрѣніи» (т. III, 1837 годъ), слѣдовательно написанной еще при жизни самого баснописца. Въ 1841 году явилась его біографія въ книгѣ: «Портретная и біографическая галерея», и, какъ паправка къ ней, статья Плетнева въ «Современникѣ» (т. 22, стр. 42, 1841 годъ). Въ 1844 году въ «Звѣздочкѣ» (ч. IX, № 1) Е. А. Карлгофъ было напечатано нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Крыловѣ и въ томъ же году «Некрологъ, чит. 29-го декабря въ Академіи Плетневымъ» («Ж. М. Н. Пр.» т. 45). Въ 1845 г. въ

«Современникѣ (т. 37, № 1) появилась біографія Крылова, написанная Плетневымъ, которая перепечатывалась послѣ въ изданіи «Полнаго собранія сочиненій Крылова» 1847 и 1859 годовъ, а также и въ отдѣльныхъ изданіяхъ «Басенъ». Эта біографія до настоящаго времени считается одной изъ лучшихъ и полныхъ. Далѣе слѣдуетъ біографія, написанная Бантышъ-Каменскимъ («Библіотека для Чтенія», т. 69, 1845 г. и въ его «Словарѣ» 1847 г.). Въ томъ же году «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова» М. Лобанова («Сынъ Отеч.», 1847, янв.; напечатана также отдѣльной книжкой). Воспоминанія о Крыловѣ И. Быстрова (его сослуживца), Ѳ. Булгарина и Н. Греча. («Сѣверная Пчела», 1845 г. № 8, 9, 203 и 208, 1846 г. № 63, 64, 292, 1857 г. № 119, 137 и 147). — Воспоминанія Ф. Вигеля (изд. 1866 г.).—Разсказы о И. А. Крыловѣ Н. М. Колмакова («Русскій Архивъ» 1865 г.).—Матеріалы для его біографіи въ «Книжникѣ». М. 1865 г.—Біографическій очеркъ, В. Кеневича («Вѣстникъ Европы» 1868 г.). — Къ біографіи Крылова, П. Алабина («Русскій Архивъ» 1868 г.).— Литературная жизнь Крылова, Я. Грота («Вѣстникъ Европы» 1868 г.).—Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. VI, 1869 г.—«Первые шаги Ивана Андреевича Крылова на литературномъ поприщѣ», Л. Н. Майкова, 1889 г., въ «Историко-Литературныхъ очеркахъ», Спб. 1895 г.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе важныхъ данныхъ по біографіи Крылова [1]), которыя касаются и его первоначальной литературной дѣятельности и жизни, существуетъ еще масса разныхъ воспоминаній о немъ, разсказовъ, анекдотовъ, которые разсыпаны въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и журналахъ и затрогиваютъ преимущественно вторую половину его дѣятельности. Также не приводимъ здѣсь позднѣйшихъ біографій Крылова, написанныхъ для народныхъ читаленъ и отдѣльныхъ изданій, такъ какъ всѣ они только повтореніе стараго, уже извѣстнаго, и не внесли ничего новаго въ его жизнеописаніе.

---

[1]) См. «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ». Т. I. Берлинъ. 1876 г.

Ни одно изъ произведеній нашихъ писателей не имѣло такого успѣха, какъ «Басни Крылова». Это наглядно показываютъ число изданій ихъ и количество разошедшихся экземпляровъ. Еще при жизни Крылова его басни выдержали 10 изданій и разошлись въ 77 тысячахъ экз., т.-е. разошлись въ промежутокъ 35 лѣтъ — и тѣхъ лѣтъ, когда книга болѣе или менѣе считалась роскошью. Послѣ его смерти, за послѣдовавшія пятьдесятъ лѣтъ, басни выдержали 26 новыхъ изданій въ количествѣ около 350 тысячъ экз. (вѣрной цифры не имѣется). И это только петербургскія изданія, а кромѣ нихъ было 3 кіевскихъ, въ количеттвѣ 6,000 экз. Не включены также въ этотъ счетъ многочисленныя перепечатки его басенъ, изданныхъ вмѣстѣ съ баснями другихъ нашихъ писателей, и которыхъ особенно много было выпущено московскими рыночными книгопродавцами.

Вотъ списокъ изданій «Басенъ въ хронологическомъ порядкѣ:

1809 г. Басни И А. Крылова, in 8°. Спб. 23 басни.

1811 г. Повтореніе прежней книжки, подъ заглавіемъ «Басни И. Крылова», и къ ней—«Новыя басни Ивана Крылова»—еще 21 басня.

1815 г. Басни Ивана Крылова, въ трехъ частяхъ, съ фронтисписомъ, гравированнымъ заглавнымъ листомъ, 3 гравюрами и гравированными виньетками въ началѣ и концѣ каждой части. — 70 басенъ (на это изданіе К. получилъ отъ императора Александра I 4,000 руб. асс.).

1816 г. Дополненіе къ нимъ: «Новыя басни И. А. Крылова», части 4 и 5, иждивеніемъ А. Похорскаго.

1819 г. Басни Ивана Крылова, въ 6 частяхъ, иждивеніемъ А. Похорскаго.—139 басенъ.

1825 г. Изд. 4, въ семи книгахъ. Новое исправленное и дополненное изд. Ив. Сленина. Съ портретомъ, рис. П. Оленинымъ, гравированнымъ заглавнымъ листомъ и 7 гравюрами.—186 басенъ и 7-я книга новая.

1830 г. Изд. 5-е, въ восьми книгахъ. Новое изданіе, вновь исправленное и умноженное, А. Смирдина. Въ 8, 12 и 18 долю листа, съ портретомъ.

Смирдинъ пріобрѣлъ право на изданіе басенъ на 10 лѣтъ, за 40 т. р., и напечаталъ за этотъ періодъ времени 46,000 экз. въ трехъ разныхъ форматахъ.

1834 г. Изд. 6-е, 2 ч., in 4°, съ гравюрами Сапожникова.

Въ этомъ же году это изданіе оттиснуто въ 12 и 18 долю листа.

1835 г. Изд. 7-е, въ 8 книгахъ, въ 64 долю листа.

1837 г. Изд. 8-е, въ 8 книгахъ, тридцать первая тысяча, въ 64 долю листа.

1840 г. Изд. 9-е. Съ грав. портретомъ, виньеткою и съ франц. политипажами изъ басенъ Лафонтена.

1843 г. Изд. 10-е. Съ 197 баснями.

Изданіе самого автора, которое онъ не успѣлъ обнародовать и которе послѣ его смерти, согласно его желанію, было роздано лицамъ, участвовавшимъ въ его юбилеѣ. На траурной оберткѣ разосланныхъ экземпляровъ было напечатано: «Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санкт-Петербургъ, 1844 года 9 ноября 3/48 утромъ». Послѣ его смерти, съ 1844 г., право на изданіе было куплено Ю. А. Юнгмейстеромъ и Э. И. Веймаромъ, которые начали вновь счетъ своимъ изданіямъ.

1847 г. Въ «Полномъ собраніи сочиненій». Ч. I—III, съ біографіей, написанной П. А. Плетневымъ. — Были экземпляры съ портретами и литогр. картинками Ульянова. Въ этомъ же году два отдѣльныхъ изданія. Изданіе 1847 г. повторено въ 1859 г.

1848 г. Изд. 3-е, въ 8 и 32 долю листа

1849 г. Изд. 4-е.

1851 г. Изд. 5-е.

1856 г. Изд. 6-е.

1860 г. Изд. 7-е.

1864 г. Изд. 8-е.

1864 г. Изд. 9-е, съ грав. рисунками К. А. Трутовскаго.

1866 г. Было оттиснуто опять «Полное изданіе», которое было помѣчено также 9-мъ изданіемъ; но только обыкновеннаго формата и съ 36 раскрашенными картинками.

1870 г. Изд. 10-е.

1871 г. Изд. 11-е.

1872 г. Изд. 12-е.

1875 г. Изд. 13-е, первое подъ редакціей В. Ѳ. Кеневича. Съ портретомъ.

1876 г. Изд. 14-е, подъ редакціей В. Ѳ. Кеневича, полное, съ 27-ю рис. В. Шпака.

1877 г. Изд. 15-е.

1878 г. Изд. 16-е.

1879 г. Изд. 17-е, 18-е, 19-е, подъ ред. В. Ѳ. Кеневича. Изд. Егорова, съ рис. И. Панова.

Изданія Егорова выходили каждый разъ въ двухъ видахъ· «Полное собраніе басенъ» въ большомъ форматѣ и такое же малаго формата. Такимъ образомъ въ 1879 г. по 1891 г. вышло еще тринадцать изданій: шесть большого формата и семь малаго.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили мiру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ—Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!

Какія перышки! Какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бъ у насъ была царь-птица!»

Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло —
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

II.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
«Поистинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»,
Сказалъ онъ: «воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто-бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все — бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой —
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
— «Ты очень жалостливъ» ,сказала Трость въ отвѣтъ:
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!

То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но—подождемъ конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ и съ дождемъ, шумящій аквилонъ.
Дубъ держится,—къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ—и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто къ небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня», сказалъ онъ съ удивленьемъ:
«Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ!»
— «То правда», отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
«Они немножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ».

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

IV.

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ».
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ не жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей, —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
Попался, какъ ворона въ супъ!

V.

ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться —
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ съ секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ,
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою».
Вотъ за ларецъ принялся онъ;
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку прижимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ, усталъ,
Отъ ларчика отсталъ
И, какъ открыть его, никакъ не догадался;
А ларчикъ просто открывался.

VI.

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши
Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ
сравняться —
Она завистлива была —
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
— «Ну, какъ теперь?» — «Все то жъ». Пыхтѣла да
пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

VII.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха —
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ,
А ей они на взглядъ —
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой не въ орденахъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да, жаль, карманы пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, — годка два перепали,
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
«Какіе простаки!»

Твердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ будто бъ я замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно»
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ;
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало доказывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ — живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ.
Вотъ тутъ спесивица перемѣняетъ тонъ.

Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

VIII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Грецiи вонъ выгнали боговъ
И по мiрянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ Ословъ.
Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде Музы тутъ живали,
И говорятъ: «Недаромъ насъ
Пригнали на Парнасъ:
Знать, Музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли».
— «Смотрите же», кричитъ одинъ: «не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо
И громче девяти сестеръ
Подымемъ музыку, и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго прiятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ».

Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется — невѣждамъ не во гнѣвъ —
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

IX.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты
И мудрые давать совѣты.
Зато, отъ головы до ногъ
Обвѣшанъ и сребромъ и златомъ,
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ
И ѳиміамомъ задушенъ.
Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ — о чудо, о позоръ! —
Заговорилъ Оракулъ вздоръ:
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;
И кто къ нему за чѣмъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что̀ молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякій дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!

А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
Итакъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не путалъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ-болваномъ.

Я слышалъ — правда ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

X.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило:
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!»
— «Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, Жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь
И вянешь ты или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы

Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы,
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ;
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно,—
Былинкѣ ль, кедру ли,—благотворитъ равно
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,—
И все его благословляетъ.

XI.

РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонекъ подъ рощей тлился:
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
«Скажи мнѣ, Роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?».
— «Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу»,
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
— «Бездѣлица!» Огонь ей продолжаетъ:
«Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,

Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ дѣло слажено; ужъ въ Рощѣ Огонекъ
Становится Огнемъ; Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ,—и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

XII.

ЧИЖЪ И ЕЖЪ.

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось
И не за что; такъ какъ-то пѣлось!
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ Соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ. «Ты что жъ»,
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ,
«Пріятель, не поешь?»
— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ»,

Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
«А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю».

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ Александра пѣлъ.

XIII.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ исторіи мы тму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ;
Ягненка видитъ онъ, на дòбычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!»
— «Когда святлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу».
— «Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ

Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!»
— «Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году»,
Ягненокъ говоритъ.—«Такъ это былъ твой братъ».
— «Нѣтъ братьевъ у меня».—«Такъ это кумъ иль сватъ
И, словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи».
— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ!» — «Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать».
Сказалъ—и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

XIV.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И, Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто Обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много Обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.

Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ...» Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти имъ оставилъ.
«Что жъ», говорятъ онѣ, «и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься
И кутаться и завиваться;
Кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ—чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ,
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XV.

СИНИЦА.

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ, и жарко ли, горѣть.

И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ, и самый тороватый,
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
«Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»
Не тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть?—И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;
Надѣлала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

XVI.

ОСЕЛЪ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и Оселъ тогда на свѣтъ попалъ;
Но, съ умыслу ль или имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошалъ:
А вылился Оселъ, почти какъ бѣлка, малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спеси никому Оселъ не уступалъ.

Ослу хотѣлось бы повеличаться,
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру Оселъ спесивый мой,
И росту сталъ просить большого.
«Помилуй», говоритъ: «какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
При томъ съ великаго и до меньшого,
Все рѣчь о нихъ лишь да о нихъ;
За что жъ къ Осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ Ослахъ никто ни слова?
А если бъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спеси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ».
Что день, то снова
Оселъ все то жъ Зевесу пѣлъ
И до того онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія Ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ Оселъ скотиной превеликой;
А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикій,
Что мой ушастый Геркулесъ
Пораспугалъ было весь лѣсъ.
«Что то за звѣрь? какого роду?
Чай, онъ зубастъ? роговъ, чай, нѣтъ числа?»
Ну, только и рѣчей пошло, что про Осла.
Но чѣмъ все кончилось. Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто Оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на Ослѣ ужъ возятъ воду.

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша;
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

XVII.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба
глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ
большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нани-
жетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ:
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали,
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ».

Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

XVIII.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя, какъ два родные брата, жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ, вѣрно, тамъ;
И радость и печаль—все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть:
Увидѣть, осмотрѣть
Диковинки земного круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.
«Куда ты», говоритъ сквозь слезъ ему другой:
«Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?
Безсовѣстный! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:

Ужъ я тогда тебя удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ и малъ;
Да чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это, вѣрно, къ худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой!
Куда жъ еще тебѣ летѣть, не разумѣю;
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ;
Все стану надъ тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ, гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?»
Растрогала рѣчь эта Голубка;
Жаль братца, да летѣть охота велика:
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
«Не плачь, мой милый», такъ онъ друга утѣшаетъ:
«Я на три дня съ тобой, не больше, разлучусь.
Все наскоро въ пути замѣчу на полетѣ
И, осмотрѣвъ, что̀ есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все разскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной».
Тутъ — дѣлать нечего — друзья поцѣловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался;
Кой-какъ угнѣздился, прижался

Къ нему нашъ Голубокъ.
Но ни отъ вѣтру онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,
Желанье позывать бѣдняжку далѣ стало.
Встряхнулся и летитъ, — летитъ и видитъ онъ:
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился — въ сѣти тутъ попалась наша птичка!
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По счастью, сѣть стара: кой-какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ!
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ, пуще той бѣды бѣда надъ головой!
Отколь ни взялся Ястребъ злой:
Не взвидѣлъ свѣта Голубь мой!
Отъ Ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ, силы вкороткѣ! совсѣмъ истощены!
Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ.
Тогда Орелъ, съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ Ястреба всей силой —
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ Голубь милый,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ черепкомъ, намѣтя въ Голубка, —
Сей возрастъ жалости не знаетъ, —
Швырнулъ и раскроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей,
Услуги лекаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О, вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите!
Вы эту басенку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтеся не вдругъ,
Что бъ ни сулило вамъ воображенье ваше;
Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

XIX.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ.
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье;
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало,
Да важно говорить не всякому пристало:
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ-простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однако жъ пятаковъ пригоршни три
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
«Постой же», думаетъ мужикъ: «дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ».
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ точитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ, его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ, червонецъ заигралъ;
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

XX.

ТРОЕЖЕНЕЦЪ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до царя о томъ донесся слухъ
(А царь былъ строгъ и неохотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покуситься бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье:

«А коль увижу де, что казнь ему мала,
Повѣшу тутъ же всѣхъ судей вокругъ стола».
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.
Судьи толкуютъ третьи сутки,
Какую бъ выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,
Что всѣ онѣ людей отъ зла не отучаютъ;
Однако жъ, наконецъ, ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ, для объявленья
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ, съ общаго сужденья,
Приговорили: женъ отдать ему всѣхъ трехъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что царь велитъ повѣсить всѣхъ судей;
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ троеженецъ удавился:
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

XXI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ, къ стыду земныхъ племенъ,
Который до того въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей, шутя несутся въ поле.
Зачинщики изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйство болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безтолковъ;
Что боги или спятъ иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;

Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ каменьями не трудно
    На небо дошвырнуть въ боговъ
    И заметать Олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,
    Чтобы бѣду онъ отвратилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, не худо
        Явить хоть небольшое чудо:
    Или потопъ, иль съ трусомъ громъ,
Или хоть каменнымъ ударить въ нихъ дождемъ.
            «Пождемъ»,
    Юпитеръ рекъ: «а если не смирятся,
И въ буйствѣ прекоснятъ, безсмертныхъ не боясь,
    Они отъ дѣлъ своихъ казнятся».
    Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ богомятежныхъ,
Но съ тысячью смертей, и злыхъ и неизбѣжныхъ;
На собственныя ихъ обрушились главы.

    Плоды невѣрія ужасны таковы;
        И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ васъ,
    Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

XXII.

ОРЕЛЪ И КУРЫ.

Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ налюбоваться,
        Орелъ поднебесью леталъ
                И тамъ гулялъ,
            Гдѣ молніи родятся.

Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ незавидный,
Но у царей свои причуды есть:
Быть можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сѣсть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль; но только, что Орелъ,
Немного посидѣлъ
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то, хохлатая насѣдка
Толкуетъ такъ съ своей кумой:
«За что Орлы въ чести такой?
Неужли за полетъ, голубушка-сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ такія дуры
Чтобъ почитать Орловъ знатнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ:
Да ты же видѣла сейчасъ,
Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры».
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
«Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ никогда до облакъ не подняться!»

Когда таланты судишь ты,—
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно, и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало неугодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить.
Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно,
На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ:
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство;
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Несуетливъ, невертопрашенъ,

Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ,
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не пригляделся свѣтъ,
То и онѣ сперва отъ страху отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.
Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитьё,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ имъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, иного нрава:
Не любитъ баловать народа своего:
Онъ виноватыхъ ѣстъ, а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого;
Зато ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ

Приходитъ черный годъ.
Въ Лягушкахъ каждый день великій недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя иного;
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ какъ мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ.
«Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣ ль, безумныя», вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
«Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!»

II.

ЛЕВЪ И БАРСЪ.

Когда-то, въ старину,
Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правамъ — не тотъ у нихъ былъ нравъ;
Да сильные жъ въ правахъ бываютъ часто слѣпы.
У нихъ на это свой уставъ:
Кто одолѣетъ, тотъ и правъ.
Однако, наконецъ, не вѣчно жъ драться —
И когти притупятся:
Герои по правамъ рѣшились разобраться;

Намѣрились дѣла военны прекратить,
Окончить всѣ раздоры,
Потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключить
До первой ссоры.
«Назначимъ же скорѣй
Мы отъ себя секретарей»,
Льву предлагаетъ Барсъ: «и какъ ихъ умъ разсудитъ,
Пусть такъ и будетъ.
Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю кота:
Звѣрекъ хоть не казистъ, да совѣсть въ немъ чиста;
А ты осла назначь: онъ знатнаго же чина,
И, къ слову молвить здѣсь,
Куда онъ у тебя завидная скотина!
Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь
Его копытца врядъ ли стоятъ.
Положимся жъ на томъ,
На чемъ
Съ моимъ котишкой онъ устроитъ».
И Левъ мысль Барса утвердилъ
Безъ спору;
Но только не осла — лисицу нарядилъ
Онъ отъ себя для этого разбору,
Примолвя про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ):
«Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ, вѣрно, проку
нѣтъ».

III.

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ толкуя съ Мудрецомъ
О томъ, о семъ,
«Скажи мнѣ», говоритъ: «ты свѣтъ довольно знаешь,
И, будто въ книгѣ, ты въ сердцахъ людей читаешь:

Какъ это, что мы ни начнемъ,
Суды ли, общества́ ль учены заведемъ,
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся?
Ужли отъ нихъ совсѣмъ лекарства нѣтъ?»
— «Не думаю», сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ:
«И съ обществáми та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами».
— «Какъ?»—«Такъ же: я вотъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись».

IV.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежь двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы.
Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ.
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ:
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ, какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса поститcя въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.

Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души.
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.
«О други!» началъ Левъ: «по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь — хоть это мнѣ и больно —
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда — кто безъ грѣха? —
Случалось, дралъ и пастуха:
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть,
И было бы богамъ то болѣе угодно».
— «О, царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,
Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слу-
шать,
То прйдетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
Притомъ же, нашъ отецъ!

Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать,
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ:
Ихъ чаще такъ учить — имъ это по дѣломъ;
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышитъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ».
Окончила Лиса; за ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы Льву то же говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ наперехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь и Тигръ, и Волки въ свой чередъ
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мычитъ:
«И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ».
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣстъ! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги!
Его, безчинника, съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!»

Приговорили —
И на костеръ Вола взвалили.

И въ людяхъ такъ же говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

V.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись,
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись —
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ —
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ

О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
«Что можетъ», говоритъ Полканъ, «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло».
— «А что же? это дѣло!»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно».
— «Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена»,
Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!»—«Вотъ она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться,
Не зная съ радости, къ кому и приравняться:
«Орестъ мой!»—«Мой Пиладъ! Прочь свары, зависть, злость!»
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость,

Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся·
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ:
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у нихъ душа;
А только кинь имъ кость, такъ что̀ твои собаки!

VI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,—
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
«Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте,
А счеты послѣ мы сведемъ!»
— «Мнѣ только тысячу мою сперва додайте»,
Шумитъ другой:
«Я съ мѣста не сойду долой».
— «Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны!»
Еще одинъ кричитъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!
Да какъ, за что и почему?»

Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

VII.

БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ — вещь святая!
Вотъ, если бъ дѣло шло о деньгахъ — рѣчь иная!
Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;
А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
Квасъ, пиво ли сварятъ, ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ:
И съ бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

VIII.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ,
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

IX.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у Ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша Пастуха, Ручей журчитъ сердито:
«Рѣка несытая! что, если бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла:
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка!
Благословляли бъ меня лишь берега,

И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро».
Такъ говорилъ Ручей,— такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ
И что жъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнился вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ, куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы:
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

———

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко
И такъ журчатъ для сердца сладко
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

———

X.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

«Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?»
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
— «Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала,
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты,
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько».
— «Нѣтъ, кумушка, а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху».

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ:
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь: помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

XI.

ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;

За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ.
«И полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать!

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

XII.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!

Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползетъ она:
«Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!»
— «Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?
Говоритъ ей Муравей.
— «До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило».
— А, такъ ты...—«Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла».
— «Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же попляши!»

XIII.

ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ: «что̀ я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:

Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день,
Никто тамъ ни садитъ ни сѣетъ,
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по-сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
— «Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ?
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
— «А какова у васъ рѣка?»
«Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ;
Вѣдь съ гору, кажется,— ты такъ сказалъ о немъ?»
— «Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ».
— «Повѣрить трудно!
Однако жъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо».
— «Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать ни сѣсть!»
— «Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...»
— «Послушай-ка», тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду».

XIV.

ОРЕЛЪ И ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ;
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!

Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду?—
Безвѣстной умереть со всѣми наряду?
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться».
Пчела отвѣтствуетъ: «Тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть».

XV.

ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили,
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что̀ себѣ достанетъ;
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ
«Ба, ты, косой!»
Кричатъ ему: «пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ».
— «Вотъ, братцы!» Заяцъ отвѣчалъ:

Да изъ лѣсу-то кто жъ? — все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка!»
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

XVI.

ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ:
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ Щукѣ Васькѣ говорить:

Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».

— «Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли
Натѣшился, наѣлся Котъ
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

XVI.

ВОЛКЪ И КУКУШКА.

«Прощай, сосѣдка!» Волкъ Кукушкѣ говорилъ:
«Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ жъ у васъ и люди и собаки:
Одинъ другого злѣй; и хоть ты ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки».
— «А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?»
— «О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ

Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ
Въ ладу, въ довольствѣ, нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ».
— «Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!»
Кукушка говоритъ: «а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?»
— «Ужъ кинуть, вздоръ какой!»
— «Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы».

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

XVIII.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно
И говоритъ: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ!
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно
Да сытно».

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

XIX.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ подъ вечеръ, лѣскомъ,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И, гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
«Степанушка родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,
И онъ же Батрака ругаетъ.

Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «за что?»—«За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

XX.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! Криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:

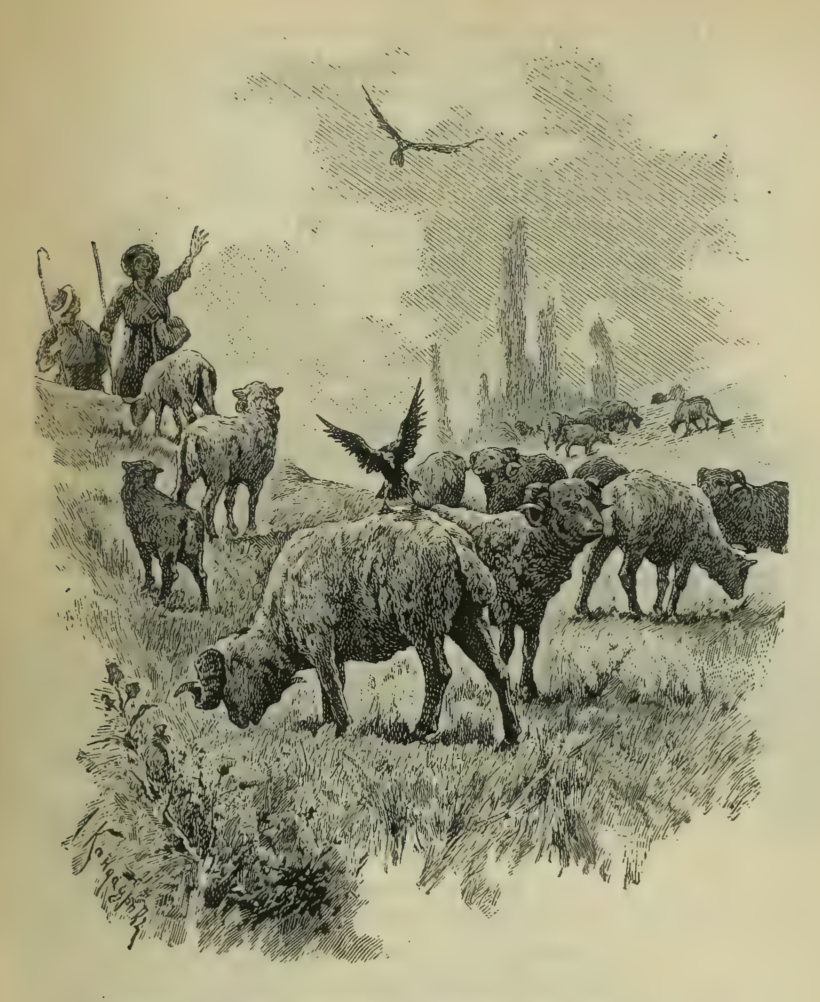
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй — и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXI.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орелъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это Вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: «Ужъ брать, такъ брать,
А то и когти что марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты;
Ну только ль въ стадѣ что ягняты?
Вотъ я, какъ захочу
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!
Тутъ Воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ
Барана, да какого?
Прежирнаго, прематерого,

Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился
И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.
Тогда-то онъ узналъ, что дòбычь не по немъ.
Чтò хуже и всего, такъ на баранѣ томъ

Тулупъ такой былъ прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окарнали
И дѣтямъ отдали играть.

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Чтó сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ

XXII.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ Воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ:
«Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ».
— «О, плуты!» Слонъ кричитъ: «Какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?»

А Волки говорятъ: «Помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ;
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то прйдетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять?
Да и того имъ жаль отдать».
— «Ну то-то жъ», говоритъ имъ Слонъ: «смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите,
А больше ихъ не троньте волоскомъ».

XXIII.

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище!
Хотѣлъ бы очень я

Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ.
«Изрядно», говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ;
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ОТКУПЩИКЪ И САПОЖНИКЪ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякій день давалъ пиры, банкеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край,
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда
Иль, просто, труситъ разориться:
Да только все ему некрѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ,
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,

Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать: такъ власти нѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ.
Придумалъ, наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
«Пріятель дорогой, здорово!»
— «Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово».
— «Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?»
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ)
— «Дѣлишки, баринъ? Да не худо!»
— «Такъ оттого-то ты такъ веселъ, такъ поешь!
Ты, стало, счастливо живешь?»
— «На Бога грѣхъ роптать; и что жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй».
— «И деньги есть?»—«Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ
не бываетъ,
Зато нѣтъ лишнихъ и затѣй».
— «Итакъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?»
— «Я этого не говорю;
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало».
— «Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства,
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства

Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ!
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!» Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой,
Не бѣгомъ — летомъ
Примчалъ гостинецъ подъ полой,
И той же ночи въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ — и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);
Все подозрительно и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику
И говоритъ: «Спасибо на пріятствѣ!
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ ни милліонъ».

II.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ;
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну, такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли», говоритъ: «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ: «Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ставить».
— «Эхъ, братцы, это все не такъ»,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить».

И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ —
И нѣмъ и глухъ.

III.

ХОЗЯИНЪ И МЫШИ.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

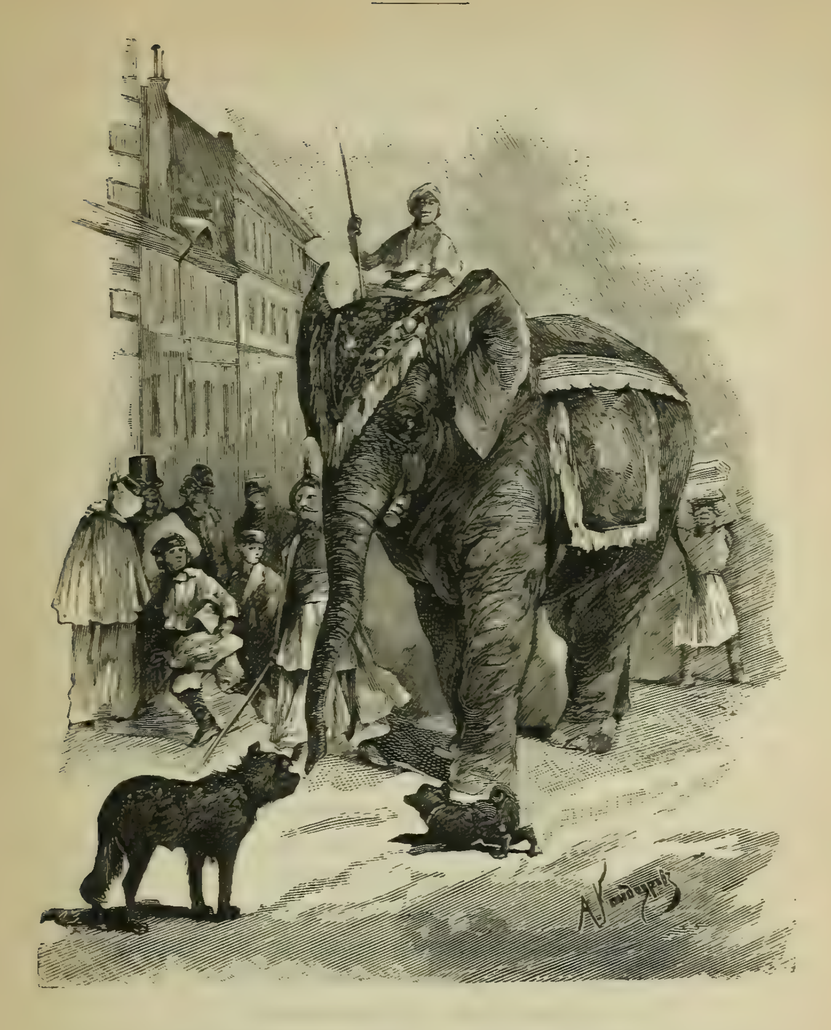
Купчина выстроилъ амбары
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары;
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ Мышей Купчина;
По кладовымъ и день и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.

У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?),
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ Купчина мой;
А Мыши лишь того и ждали и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ—въ амбаръ
И въ двѣ иль три недѣли
Поѣли весь товаръ.

IV.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на-показъ—
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ—
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей Шавка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
— «Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки,

Пускай же говорятъ собаки:
«Ай Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

VI.

ВОЛКЪ И ВОЛЧОНОКЪ.

Волченка Волкъ, начавъ помалу пріучать
Отцовскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилежнѣй примѣчать,
Нельзя ль гдѣ счастья имъ отвѣдать:
Хоть захватя грѣха,
Насчетъ бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой
И говоритъ: «Пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть».
— «Постой-ка», Волкъ сказалъ: «сперва мнѣ вѣдать надо,
Каковъ пастухъ у стада?»
— «Хоть говорятъ, что онъ
Не плохъ, заботливъ и уменъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны
И плохи, кажется, и смирны».
— «Меня такъ этотъ слухъ»,
Волкъ старый говоритъ, «не очень къ стаду манитъ:
Коль подлинно не плохъ пастухъ,
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ —
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду!
Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,

Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры».

VI.

ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись,
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ Крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволóчетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;

И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

VII.

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался
И, весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ Мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ,
А сверхъ того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ:
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
А ежели Мѣшокъ открытъ,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался;
Мѣшокъ заговорилъ и началъ вздоръ нести;

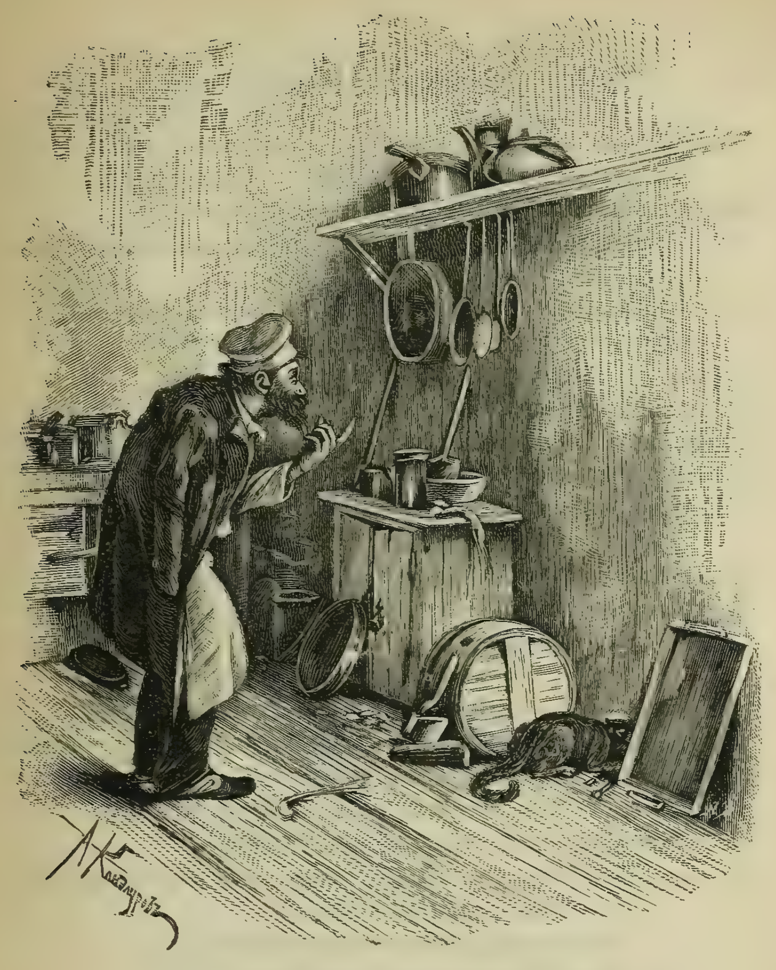
О всемъ и рядитъ онъ и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ,
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.

Мы басней никого обидѣть не хотѣли;
Но сколько есть такихъ Мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ, пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали;
Съ которыми теперь и графы, и князья—
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ!
Велико дѣло—миллiонъ!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь.
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ Мѣшкомъ.

VIII.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
«Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ.
«Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?»
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
«Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,
А ты... ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!
И Ваську-де, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ надо власть употребить.

IX.

ЛЕВЪ И КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся,
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спесь наказанъ Комаромъ.
Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ;
Зло взяло Комара: обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ:
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ!
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва спустился
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не труситъ!
Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосетъ.
Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ,
Скрежещетъ въ ярости зубами
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ.
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ:
Отколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ!

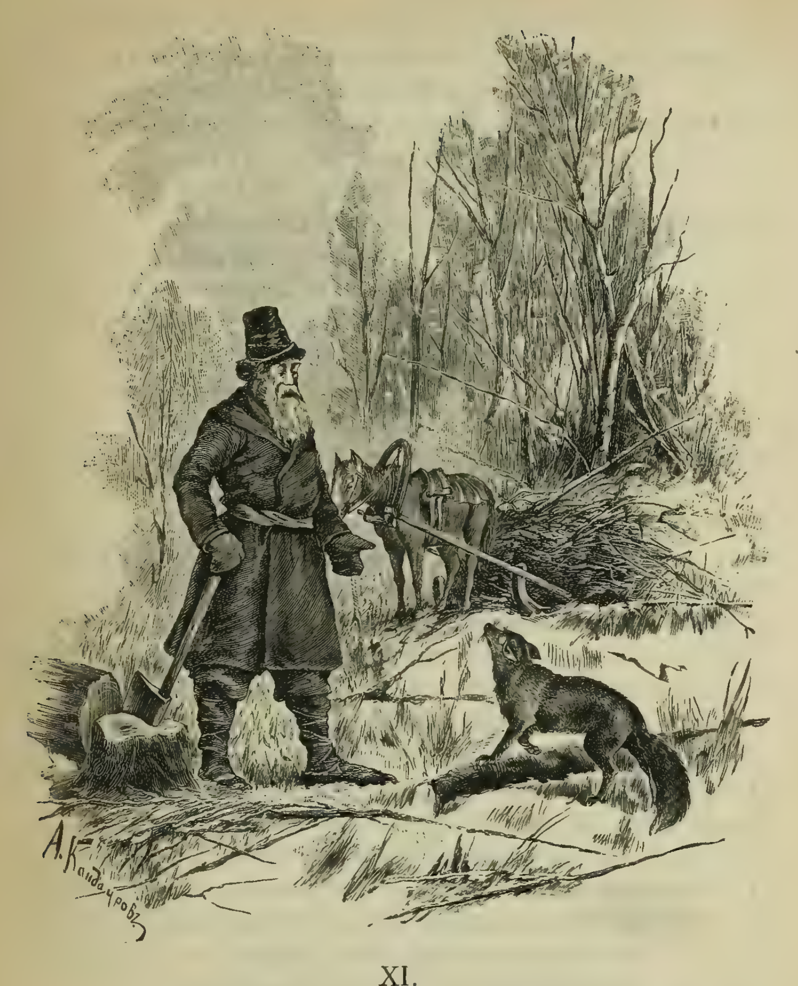
И кто жъ? комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!
Рвался, метался Левъ и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ:
Изъ Ахилеса вдругъ становится Омиромъ:
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

X.

ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ такъ рылся Огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:
Мужикъ ретивый былъ работникъ
И дюжъ и свѣжъ на взглядъ;
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсотни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великій краснобай, названный другъ природы,
Недоученый Философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды;
Однако жъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить
И тоже огурцы садить;
А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
«Сосѣдъ, какъ хочешь ты потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду;
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-какъ идетъ.
Какъ ты еще не разорился?
Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ не учился?

— «И некогда», сосѣда былъ отвѣтъ:
«Прилежность, навыкъ, руки
Вотъ всѣ мои тутъ и науки;
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ».
— «Невѣжа! возставать противъ наукъ ты смѣешь!»
— «Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво словъ;
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ.
А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта бъ намъ дождаться...
Но, баринъ, не пора ль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой-что посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ».
— «Да, я не взрылъ за недосугомъ:
Я все читалъ
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой иль плугомъ.
Но время еще не уйдетъ».
«Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ»,
Послѣдній отвѣчалъ — и тутъ же съ нимъ разстался
Взявъ заступъ свой;
А Философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ —
Все перероетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У Огородника взошло все и поспѣло:
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло,
А Философъ —
Безъ огурцовъ.

XI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

«Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?»
Крестьянинъ говорилъ Лисицѣ, встрѣтясь съ нею.
«Я, право, о тебѣ жалѣю!

Послушай, мы тѐперь вдвоемъ,
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно,
Не говоря уже, что красть и грѣхъ и стыдно
И что бранитъ тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты за ужинъ иль обѣдъ
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну, стоятъ ли того всѣ куры?»
— «Кому такая жизнь сносна!»
Лисица отвѣчаетъ:
«Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.
Когда бъ ты зналъ,какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? Нужда, дѣти;
Притомъ же иногда, голубчикъ-кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ,
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ».
— «Ну, что жъ?»
Крестьянинъ говоритъ: «коль вправду ты не лжешь,
Я отъ грѣха тебя избавлю
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;
Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять.
Кому, какъ не Лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
Зато ни въ чемъ не будешь ты нуждаться
И станешь у меня какъ въ маслѣ сыръ кататься».
Торгъ слаженъ, и съ того жъ часа
Вступила въ караулъ Лиса.
Пошло у мужика житье Лисѣ привольно;
Мужикъ богатъ, всего Лисѣ довольно;
Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй,
Но все не сдѣлалась честнѣй:

Некраденый кусокъ прiѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть миллiонъ —
Онъ воровать не перестанетъ.

XII.

ВОСПИТАНIЕ ЛЬВА.

Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете породу:
У нихъ, не какъ у насъ: у насъ ребенокъ году,
Хотя бъ онъ царскiй былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ,
А годовалый львенокъ
Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году Левъ-отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.
Кого жъ бы попросить, нанять или заставить
Царевича царемъ на выучку поставить?
Отдать его Лисѣ?—Лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука;
Такъ это, думалъ царь, не царская наука.
Отдать Кроту? О немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ:

Безъ ощупи шага не ступитъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ:
И, словомъ, слава шла,
Что Кротъ великій звѣрь на малыя дѣла;
Бѣда лишь: подъ носомъ глаза кротовы зорки,
Да вдаль не видятъ ничего;
Порядокъ же кротовъ хорошъ, да для него;
А царство львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барсъ отваженъ и силенъ,
А сверхъ того великій тактикъ онъ;
Да Барсъ политики не знаетъ,
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:
Какіе жъ царствовать уроки онъ подастъ!
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ,
А Барсъ лишь рѣзаться гораздъ;
Такъ и дѣтей учить онъ царскихъ не достоинъ.
Короче: звѣри всѣ и даже самый Слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Льву все еще казался неуменъ
И неученъ.
По счастью или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе,
Такой же царь, пернатыхъ царь, Орелъ,
Который велъ
Со Львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу
И вызвался самъ Львенка воспитать.
У Льва, какъ гору съ плечъ, свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было,
Царевичу царя въ учители сыскать?
Вотъ Львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать къ Орлу.

Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ, кого ни спросятъ,
О Львенкѣ ото всѣхъ лишь слышать похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.
И наконецъ приходитъ срочный годъ,—
Царь-Левъ за сыномъ шлетъ.
Явился сынъ. Тутъ царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,
И говоритъ ему онъ такъ: «Любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь;
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ.
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему ученъ ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?»
— «Папа», отвѣтствовалъ сынокъ: «я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто;
И отъ орла до перепелки,
Какой гдѣ птицѣ болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки!
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ недаромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды.
Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды».
Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ:
Повѣсилъ головы совѣтъ,
А Левъ-старикъ поздненько спохватился,
Что Львенокъ пустякамъ учился
И не добро онъ говоритъ;
Что пользы нѣтъ большой тому знать птичій бытъ,

Кого звѣрьми владѣть поставила природа,
И что важнѣйшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

XIII.

СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
«Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!»
Такъ, Старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать столь дальніе расчеты?
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой».
— «Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ Старикъ:
«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что̀ дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:
И это для меня ужъ плодъ

Да можно ль и за то ручаться наперёдъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ».
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца — все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залечили
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

XIV.

ДЕРЕВО.

Увидя, что топоръ Крестьянинъ несъ,
«Голубчикъ», деревцо сказало молодое:
«Пожалуй выруби вокругъ меня ты лѣсъ:
Я не могу расти въ покоѣ;
Ни солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды'

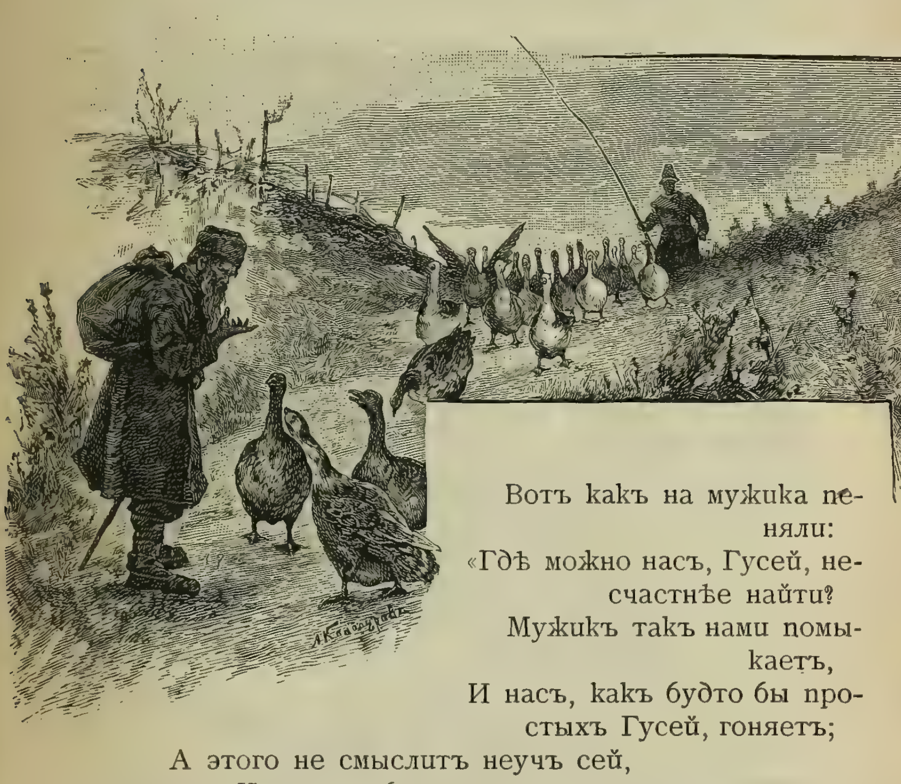
Когда бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалось красою сей странѣ,
И тѣнью бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина».
Взялся Крестьянинъ за топоръ,
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ,
Но торжество его недолго было:
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ наконецъ то Деревцо сломило.
«Безумное!» ему сказала тутъ Змѣя:
«Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало,
Тебѣ бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли:
Тебя бы старыя деревья берегли;
А если бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло,
Тогда, въ свою чреду, ты столько бъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло!»

XV.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать.
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,

Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,

Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки...» —
«Знаю,

И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Римъ спасли!»
— «Все такъ, да вы что̀ сдѣлали такое?»
— «Мы ничего!» — «Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ —
Имъ подѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

XVI.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась,
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась,
Въ сору, въ навозѣ извалялась,
Въ помояхъ по уши до-сыта накупалась
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?»
Свинью спросилъ пастухъ:
«Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ,
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого?»
Хавронья хрюкаетъ: «Ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ».

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который, что̀ ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

XVII.

МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Конѝ измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ
И лошадей, мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ;
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ Мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится:
То подъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей;
Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ, хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ никто
Никакъ помочь не хочетъ.

Гуторя слуги вздоръ плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барышней шушукаютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ;
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, понем ногу,
Втащилися на ровную дорогу.
«Ну», Муха говоритъ: «теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носятъ».

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые хотятъ вездѣ себя приплесть
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XVIII.

ОРЕЛЪ И ПАУКЪ.

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море,
Какъ ворона крыло, чернѣлося вдали.
«Хвала тебѣ, Зевесъ, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты»,
Орелъ къ Юпитеру взываетъ:

«И что смотрю оттоль на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ!»
— «Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу!»
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ:
«Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?»
Орелъ глядитъ: и подлинно, Паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И кажется, Орлу заткать онъ солнце хочетъ.
«Ты какъ на этой высотѣ?»
Спросилъ Орелъ: «и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ;
А ты безъ крылъ и слабъ; неужли ты доползъ?»
— «Нѣтъ, я бъ на это не рѣшился».
— «Да какъ же здѣсь ты очутился?»
— «Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И снизу на хвостѣ ты самъ меня занесъ;
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;
Итакъ передо мной прошу не величаться,
И знай, что я...» Тутъ вихрь, отколѣ ни возьмись,
И сдунулъ Паука опять на самый низъ.

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ нерѣдко пауковъ
Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи,
А надуваютъ грудь,
Какъ будто бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

XIX.

ЛАНЬ И ДЕРВИШЪ.

Младая Лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.
Въ лѣсу живущій съ ней одномъ
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,
«О, безразсудная!» сказалъ: «къ кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты роду чаешь?
Быть можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь».
— «Быть можетъ», Лань на это отвѣчала:
«Но я о томъ не помышляла
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда бъ не стала я питать».

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

XX.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,
Хоть нужды не было Собакѣ той ни въ чемъ.
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива

И не подумала бы красть;
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что̀ изъ мясного ни достанетъ,
Въ минуту стянетъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
«Послушай», говоритъ: «хоть, кажется, ты строгъ,
Но ты лишь красть Собаку пріучаешь,
Затѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь;
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней».
Едва лишь на себѣ Собака испытала
Совѣтъ разумный сей —
Шалить Собака перестала.

XXI.

ОРЕЛЪ И КРОТЪ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ Орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить.
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,

Что весь почти вонъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ чтобъ Орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли Орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ Крота! А гдѣ же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ, многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря —
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у Орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ Орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣта,
«Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣта.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?
— «Когда бы ты не презрѣлъ мною»,
Изъ норки Кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй».

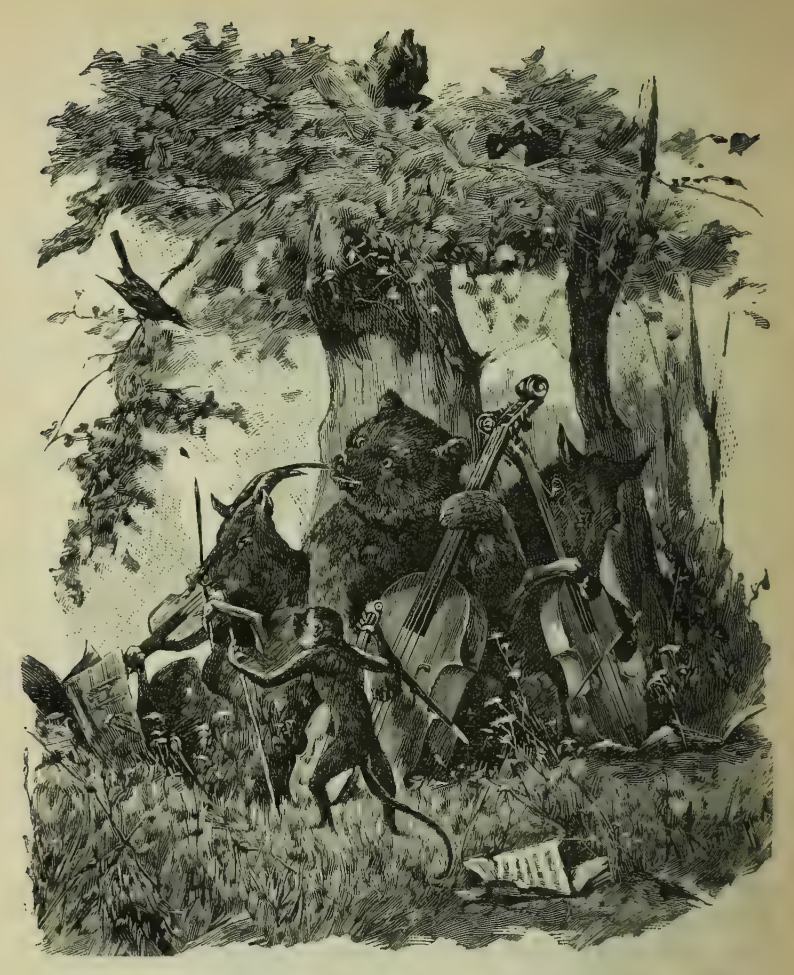
КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки — дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ:
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,

Кричитъ Оселъ. Мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,

Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье;
«Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

II.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что̀ бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.

Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами».
— «Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ»,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— «Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такія тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— «Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится,
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ».

III.

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись до-сыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться:
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,

Пришло хоть удавиться!»
— «Неужли?» — «Право такъ». — «Бѣдняжка-кума-
некъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова».
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного!
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

IV.

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака
Бумажный змѣй, примѣтя свысока
Въ долинѣ мотылька,
«Повѣришь ли!» кричитъ: «чуть-чуть тебя мнѣ видно.
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокій столь полетъ».
— «Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь:
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далеко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу;
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другого,
Пустого,
Вѣкъ цѣлый не трещу».

V.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ —
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

VI.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ
конецъ.

Какой-то смолоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ
И всякій Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья—
А Скворушка завистливъ былъ, къ несчастью—
И думаетъ: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ».
И подлинно запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньéмъ.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

VII.

ПРУДЪ И РѢКА.

«Что это», говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ:
«Какъ на тебя ни взглянешь,
А вóды все твои текутъ!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки:
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:
Да это, право, все пустое!
Зато я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ и въ покоѣ;
Не только что судовъ
Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ,
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ забросить вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ».
— «А, философствуя, ты помнишь ли законъ»,

Рѣка на это отвѣчаетъ:
«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу;
Зато, по всякій годъ,
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу, и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь».
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ отъ году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

VIII.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ—
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ;
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ
И ту бѣду поправлю:

Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

IX.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодецъ купилъ огромный домъ;
Домъ, правда, дѣдовскій, но строенный на славу:
И прочность и уютъ—все было въ домѣ томъ;
И домъ бы всѣмъ пришелъ ему по нраву,
Да только то бѣды—
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
«Ну, что жъ?» онъ думаетъ: «въ своемъ добрѣ
я властенъ;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевесть
(Какъ видно, молодецъ механикой былъ страстенъ!)
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ螺 основанье;
А тамъ уже, изладя на каткахъ,
Я воротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю, будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ немъ,

Пируя за большимъ столомъ,
На новоселье я поѣду, какъ въ каретѣ».
Плѣняся глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ Механикъ мой:
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берегъ;
Однако жъ дома онъ перетащить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

X.

ПОЖАРЪ И АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей той тревогѣ
Потерянный Алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ, валяясь по дорогѣ.
«Какъ ты, со всей своей игрой»,
Сказалъ Огонь, «ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьи,
Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучъ иль мой, иль солнечный играетъ!
Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка—ленты лоскутокъ;
Какъ часто блескъ твой затмеваетъ,
Вокругъ тебя одинъ обвившись, волосокъ!

Не такъ легко затмить мое сіянье,
Когда я, въ ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю;
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ!»
— «Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ»,
Алмазъ отвѣтствуетъ: «но я безвреденъ;
Не укоритъ меня никто ничьей бѣдой,
И лучъ досаденъ мой
Лишь зависти одной;
А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь;
Зато, всей силой съединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ,
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу».
Тутъ силой всей народъ тушить пожаръ принялся;
На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался;
Алмазъ же вскорѣ отыскался
И лучшею красой сталъ царскому вѣнцу.

XI.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.

Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
Прекрасны, что и говорить!

А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ — поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору
Иль присказокъ иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ, —
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,

Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «Молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ.
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

XII.

ЦВѢТЫ.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ
Качалися спесиво
И выставляли всѣмъ красу свою на-диво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать.
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
«Юпитеръ!» молятся: «ты дождикъ прекрати;

Что въ немъ пути,
И что его на свѣтѣ хуже?
Смотри, нельзя по улицѣ пройти:
Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи».
Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
И зелень вся какъ будто обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
Лишились всей красы и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

XIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Змѣя къ Крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не попустому жить, безъ дѣла,
Нѣтъ, нянчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ!
«Я знаю», говоритъ она, «худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про змѣй,
Что всѣ онѣ презлого нраву;

Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть; но я не такова:
Я съ роду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;
И, словомъ, я добрѣй
Всѣхъ змѣй.
Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!»
— «Коль это», говоритъ Крестьянинъ, «и не ложно,
Все мнѣ принять тебя не можно.
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится».

Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?...

XIV.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярмаркѣ подойникъ да корову
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ,

Какъ вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ мужика, какъ липку, ободралъ.
«Помилуй», всплачется Крестьянинъ: «я пропалъ,
Меня совсѣмъ ты доконалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался:
Насилу этого дождался дня».
— «Добро, не плачься на меня»,
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ:
«И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ».

XV.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?»
— «Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»
— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
— «Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ». Ну, братецъ! виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ».

XVI.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, Левъ да Волкъ съ Лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей собща ловить,
И, что наловится, все поровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча, право, не дурная!
Пришли, пришелъ и Левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ
И говоритъ: «Мы, братцы, вчетверомъ».
И на-четверо онъ оленя раздираетъ.
«Теперь, давай дѣлить! Смотрите же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ.
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ».

XVII.

КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.
«Такихъ коней и взнуздывать напрасно!»
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
«Ну, право, вздумалъ я прекрасно!»
И, въ поле выѣхавъ, узду съ коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Онъ выступкой пошелъ игривой,
Какъ будто тѣша сѣдока,
Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю Конь ретивый;
Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезъ все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До смерти не убился.
Тутъ въ горести сѣдокъ,
«Мой бѣдный конь!» сказалъ: «я сталъ виною

Твоей бѣды!
Когда бы я не снялъ съ тебя узды—
Управилъ бы навѣрно я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью бъ самъ столь жалкой не погибъ!»

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

XVIII.

КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
Въ которую ручьи и рѣки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть:
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ вѣрно ихъ она уйметъ,
Между собой крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ Рѣкѣ поближе стали
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.

Тутъ, попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А, отходя, проговорили:
«На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ».

XIX.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое.
Но нѣтъ; за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя;
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?»
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
«Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь;
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку имъ устлать?

Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.
Ты, жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горленка, твои птенцы ужъ подросли,
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ,
А ты бы, милый соловей—
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ—
Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнить могли ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ,
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ на низъ.
Что жъ кумушка?—Тотчасъ ихъ съѣла:
И поученья не допѣла.

Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ: не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ только добръ на счетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ—
Съ родни моей Лисѣ.

XX.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей —
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

Въ овечьи старосты у Льва просился Волкъ.
Стараньемъ кумушки-лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у Львицы;
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ Левъ на лицы,
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ
И разспросить того, другого,
Что въ Волкѣ добраго онъ знаетъ иль худого.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ Волка нѣтъ ни слова,
И Волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ, ужъ вѣрно, были? —
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай».
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло».—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ».—И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»

Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,

Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

II.

МЫШЬ И КРЫСА.

«Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?»
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала:
«Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву:
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!»
— «Не радуйся, мой свѣтъ»,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ:
«И не надѣйся попустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!»

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

III.

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался;
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
«Не стыдно ль», говоритъ: «средь бѣла дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло».
Анъ смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ!
И дѣло:
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

IV.

ВОДОЛАЗЫ.

Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти иль по пристрастью,
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякій бы, хоть слогомъ некудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ: да иль нѣтъ;
То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться,

Или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однако жъ какъ совѣтъ ни толковалъ —
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской;
Всякъ только дѣло затемнялъ
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царскій.
Кто говорилъ, что неученье тьма;
Что не далъ бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали;
Что все ученье бредъ,
Что отъ него лишь нравамъ вредъ;
И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторонъ,
И дѣло выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.
Царь сдѣлалъ болѣе: созвавъ отвсюду онъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ;
Но способъ былъ и этотъ худъ,
Затѣмъ что царь имъ далъ большое содержанье:
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ;
И если бы имъ волю дали,
Они бъ донынѣ толковали
Да жалованье брали.
Но такъ какъ царь казною не шутилъ,

То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.
Межъ тѣмъ часъ отъ часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Вотъ, какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле
И видитъ предъ собой
Пустынника съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ Пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе ль полезны или вредны?
«Царь!» старецъ отвѣчалъ; «позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны».
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:
«На берегу, близъ моря,
Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности и горя,
Онъ умеръ и троихъ оставилъ сыновей;
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей
Не рыбой—жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однако жъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ;
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался;

Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной,
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ ни мало не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать ко дну
И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
Хоть жемчугъ находить близъ берега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
Когда бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ?
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять.
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море.
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.
«О, царь!» промолвилъ тутъ мудрецъ:
«Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою».

V.

ГОСПОЖА И ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки-Служанки, коихъ часть
Была съ утра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ — все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ, иногда бъ старуха опоздала
Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ—старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильщицамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся—клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
Назавтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:
Ихъ будятъ и морятъ на пряжѣ.
«Добро же ты, нечистый духъ!»
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
«Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!»

И, выбравши случа́й, безъ сожалѣнья
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ:
То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поетъ —
Злодѣя ихъ не стало:
Да Барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ свести имъ глазъ
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и сроду не пѣвали.
Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня да въ полымя попали.

Такъ, выбраться желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же:
Однѣ лишь только съ рукъ сживетъ,
Глядишь—другія нажилъ хуже.

VI.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯКЪ.

«Какъ расшумѣлся здѣсь! какой невѣжа!»
Про дождикъ говоритъ на нивѣ Камень, лежа:
«А рады всѣ ему, пожалуй,—посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогого;
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего-то шелъ часа два-три.
Пускай же обо мнѣ разспросятъ:
Такъ я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скроменъ завсегда
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ;
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Недаромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ».

— «Молчи!» сказалъ ему Червякъ:
«Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя!»

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ;
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

VII.

МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то, о веснѣ, звѣрями
Въ надсмотрщики медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можно бъ выбрать тутъ другого повѣрнѣй,
Затѣмъ, что къ меду Мишка падокъ,
Такъ не было бъ оглядокъ;
Да спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ.
И, какъ на-смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился.
Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По формѣ нарядили судъ,
Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ.
Рѣшили, справили, скрѣпили;
Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведетъ!
Со свѣтомъ Мишка распрощался,
Въ берлогу теплую забрался

И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

VIII.
ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;

«Смотри-ка», говоритъ, «кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть».
— «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

IX.

КОМАРЪ И ПАСТУХЪ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ, надѣяся на псовъ.
Примѣтя то, змѣя изъ-подъ кустовъ
Ползетъ къ нему, вонъ высунувши жало;
И Пастуха на свѣтѣ бы ни стало:
Но, сжаляся надъ нимъ, Комаръ, что было силъ,
Сонливца укусилъ.
Проснувшися, Пастухъ змѣю убилъ;
Но прежде Комара съ просонья такъ хватилъ,
Что бѣднаго его какъ не бывало.

Такихъ примѣровъ есть не мало.
Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ Комаромъ.

X.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:
«Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?»
Въ такомъ уныніи, на свой пеняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ
И говоритъ: «Зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?»
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
«Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку».

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

XI.

РЫЦАРЬ.

Какой-то Рыцарь въ старину,
Задумавши искать великихъ приключеній,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣній;
Вздѣлъ латы и велѣлъ къ крыльцу подвесть коня;
Но прежде, нежели въ сѣдло садиться,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратиться:
«Послушай, ретивȯй и вѣрный конь, меня:
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза твои глядятъ,
Какъ рыцарски законы намъ велятъ,
И путь отыскивай въ храмъ славы!
Когда жъ карачуновъ я злобныхъ усмирю,
Въ супружество княжну китайскую добуду
И царства два-три покорю,
Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду;
Съ тобой всю славу раздѣлю:
Конюшню, какъ дворецъ огромный,
Построить для тебя велю,
А лѣтомъ отведу луга тебѣ поёмны;
Теперь знакомъ ты мало и съ овсомъ,
Тогда жъ пойдетъ у насъ обиліе во всемъ:
Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова—пойло».
Тутъ Рыцарь прыгъ въ сѣдло и бросилъ повода́,
А лошадь молодца, не ѣздя никуда,
Прямехонько примчала въ стойло.

XII.

ТѢНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Шалунъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавлять,
Она туда жъ; онъ, наконецъ, бѣжать;
Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь, будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется: а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.

Красавицы! слыхалъ я много разъ:
Вы думаете что̀? Нѣтъ, право, не про васъ;
А что бываетъ то жъ съ Фортуною у насъ:
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

XIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ТОПОРЪ.

Мужикъ, избу рубя, на свой топоръ озлился;
Пошелъ топоръ въ худыхъ; Мужикъ взбѣсился:
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ топоръ;
Бранитъ его, хоть какъ, Мужикъ найдетъ причину.
«Негодный!» онъ кричитъ однажды: «съ этихъ поръ
Ты будешь у меня обтесывать тычину.
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавиться сумѣю

И сдѣлаю простымъ ножомъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ».
— «Рубить, что̀ мнѣ велишь, моя такая доля»,
Смиренно отвѣчалъ топоръ на окрикъ злой:
«Итакъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля:
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты попусту иступишь,
А все ножомъ избы не срубишь».

XIV.

ЛЕВЪ И ВОЛКЪ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собачонка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У Льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала;
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась нимало:
Оно глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ,
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ Волкомъ худо:
Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, промолвя такъ: «Дружокъ!
Напрасно, смо́тря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!»

XV.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА И СОКОЛЪ.

Собака, Человѣкъ да Кошка да Сокóлъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ;
Клялись дѣлить они и радость и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя;
Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколъ—на воздухъ, Кошка—въ лѣсъ,
И Человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился;
Но вѣрный Песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохватя его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ,
А Человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,

Онъ, подхватя ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

На языкѣ легка и ласка и услуга;
Но въ нýждѣ лишь узнать прямого можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что такъ, какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный Песъ
оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выручень, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

XVI.

ПОДАГРА И ПАУКЪ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
Насколько правды тутъ, и какъ, и почему;
Притомъ же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти—бремя,
Пока они не по мѣстамъ!),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: «Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ и землю раздѣлите!

Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что̀ изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ.
Вонъ, видите ль вы пышные чертоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета».
— «Мнѣ хижинъ ни за что не надо»,
Сказалъ Паукъ. — «А мнѣ не надобно палатъ»,
Подагра говоритъ: «пусть въ нихъ живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора».
Такъ смолвясь, братъ съ сестрой пошли, явились въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣченнымъ,
И по карнизамъ золоченнымъ
Онъ паутину разостлалъ
И мухъ бы вдоволь нахваталъ,
Но къ ра̀зсвѣту, едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печкѣ перебрался;
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой;
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ — въ отчаяньи и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.

«Чай, въ селахъ», говоритъ, «живетъ она царицей».
Пришелъ, а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
«Нѣтъ, братецъ», говоритъ она: «не жизнь мнѣ въ полѣ!»
А братъ
Тому и радъ;
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра же — тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ;
И оба дѣлаютъ умно.

XVII.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Лиса, не видя сроду Льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался.
А въ третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

Иного также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

XVIII.

ХМЕЛЬ.

Хмель выбѣжалъ на огородѣ
И вкругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ
«Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?»
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмель жужжалъ:
«Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?»
Межъ тѣмъ, едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ,

И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой Хмель ужъ вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала!

Такіе жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,
И какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись;
А только въ случай попадись—
Онъ первый явится въ передней.

XIX.

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай Слонъ попалъ у Льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И такъ, какъ водится, пошли догадки,
Чѣмъ въ милость втерся Слонъ?
«Не то красивъ, не то забавенъ онъ;
Что за пріемъ, что за ухватки!»
Толкуютъ звѣри межъ собой.
— «Когда бы», говоритъ, вертя хвостомъ, Лисица:
«Былъ у него пушистый хвостъ такой,
Я не дивилась бы».—«Или, сестрица»,
Сказалъ Медвѣдь: «хотя бы по когтямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ,
Никто того не счелъ бы чрезвычайнымъ;
Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ».
— «Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?»
Вступился въ рѣчь ихъ Волъ:
«Ужъ не сочли ли ихъ рогами!»

— «Такъ вы не знаете», сказалъ Оселъ,
Ушами хлопая: «чѣмъ могъ онъ полюбиться
И въ знать добиться?
А я такъ отгадалъ:
Безъ длинныхъ бы ушей онъ въ милость не попалъ».

Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ,
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

XX.

ТУЧА.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась
И щедростью своей хвалилась предъ Горою.
«Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?»
Сказала ей Гора:
«И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты бъ область цѣлую отъ голода спасла;
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно».

XXI.

КЛЕВЕТНИКЪ И ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ;
А правду и они нерѣдко наблюдаютъ:
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.

По случаю какому-то, въ аду
Змѣя съ Клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенство оставить не хотѣли
И зашумѣли:
Кому изъ нихъ идти приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ беретъ,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
Такъ въ спорѣ семъ, и жаркомъ и немаломъ,
Передъ Змѣею Клеветникъ
Свой выставилъ языкъ,
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ;
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вотъ Клеветникъ было за ней ужъ очутился.
Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того:
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился
И осадилъ назадъ Змѣю,
Сказавъ: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правдѣ отдаю:
Ты зла, твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и то не мало!);
Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ Клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями!
Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи же ты за нимъ и будь впередъ смирнѣй».
Съ тѣхъ поръ клеветники въ аду почетнѣй змѣй.

XXII.

ФОРТУНА И НИЩІЙ.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенкій подъ оконьемъ таскался
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать;
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому,—
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился
И нажилъ было милліонъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И подѣломъ: знай честь!
Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:

«Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что̀ попадетъ;

Но если изъ сумы что́ на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла!
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго,
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла».
Едва отъ радости мой Нищій дышитъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
«Довольно ль?» — «Нѣтъ еще». — «Не треснула бъ?» —
«Не бойсь».
— «Смотри, ты Крезомъ сталъ». — «Еще, еще
маленько:
Хоть горсточку прибросъ».
— «Эй, полно! Посмотри, сума ползетъ ужъ врозь».
— «Еще щепоточку». Но тутъ кошель прорвался,
Разсыпалась казна и превратилась въ прахъ;
Фортуна скрылася; одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищенькимъ попрежнему остался

XXIII.

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣ, подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась,
Нашла тамъ тинистый въ лощинѣ уголокъ
И завела домокъ
Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однако жъ имъ она недолго веселилась:
Настало лѣто, съ нимъ жары,

И дачи Квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
«О, боги!» молится Лягушка изъ норы:
«Меня вы, бѣдную, не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите,
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопитъ безъ умолку,
И наконецъ Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости ни толку.
— «Безумная!» Юпитеръ говоритъ
(Знать, не былъ онъ тогда сердитъ):
«Какъ квакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащиться до болота!»

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло
И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

XXIV.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то Левъ большой охотникъ былъ до куръ;
Однако жъ у него онѣ водились худо!
Да это и не чудо:
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезчуръ,
Такъ ихъ то крали,
То сами куры пропадали.

Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ Левъ большой курятный дворъ
И такъ его ухитить и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ было бъ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ Льву доносятъ, что Лисица
Большая строить мастерица—
И дѣло ей поручено;
Съ успѣхомъ начато и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все и старанье и умѣнье.
Смотрѣли, видѣли: строенье—заглядѣнье!
А сверхъ того все есть, чего ни спросишь тутъ;
Кормъ подъ носомъ, вездѣ натыкано насѣстокъ,
Отъ холоду и жару есть прiютъ,
И укромонныя мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава Лисанькѣ и честь!
Богатое дано ей награжденье
И тотчасъ повелѣнье:
На новоселье куръ немедля перевесть.
Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажется, и крѣпокъ дворъ,
И плотенъ и высокъ заборъ,
А куръ часъ-отъ-часу все менѣ.
Отколь бѣда, придумать не могли.
Но Левъ велѣлъ стеречь. Кого жъ подстерегли?
Тое жъ Лису-злодѣйку.
Хоть правда, что она свела строенье такъ,
Чтобы не ворвался въ него никто никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

———

XXV.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто, что нибудь мы сдѣлавши худого,
Кладемъ вину въ томъ на другого,
И какъ нерѣдко говорятъ:
«Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!»
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ:
Въ восточной сторонѣ какой-то былъ Браминъ,
Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ своимъ житьемъ
(Есть и въ браминахъ лицемѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своемъ
Одинъ былъ правила такого,
Другіе жъ всѣ житья святого;
И, что̀ всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нраву прекрутого:
Такъ преступить никакъ устава ты не смѣй.
Однако жъ мой Браминъ не унываетъ:
Вотъ постный день, а онъ смекаетъ,
Нельзя ли разрѣшить на сырное тайкомъ?
Досталъ яйцо, полуночи дождался
И, свѣчку вздувши огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой и мысленно глотаетъ,
А про начальника, смѣяся, разсуждаетъ:
«Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-таки я всласть».

Анъ тутъ тихонько шасть
Къ Брамину въ келью надзиратель
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣта требуетъ онъ грозно.
Улика на лицо, и запираться поздно!
«Прости, отецъ святой,
Прости мое ты прегрѣшенье!»
Такъ взмолится Браминъ сквозь слезъ:
«И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье;
Ахъ, наустилъ меня проклятый бѣсъ!»
А тутъ бѣсенокъ изъ-за печки —
«Не стыдно ли», кричитъ, «всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ».

XXVI.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризну мы Фортунѣ тороваты!
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все про все ее бранятъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.
Слѣпое счастіе, шатаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ гоститъ и у царей;
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погостить когда-нибудь пристанетъ:
Лишь время не терять умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;
Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ,
Терпѣнья годы наградитъ.
Когда жъ ты не умѣлъ при счастьѣ поживиться,
То не Фортунѣ ты, себѣ за то пеняй

И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

Домишко старенькій край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ и не могли разжиться:
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто что̀ изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха,
Вездѣ потеря иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вотъ, невидимкой къ нимъ Фортуна забрела
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: штука ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ, хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ, богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ,—
Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ онъ;
Посмотришь, у него деревня, домъ и дача.
Теперь вы спросите: что жъ третій получилъ?
Вѣдь, вѣрно, и ему Фортуна помогала?
Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ
И такъ счастливо,
Что диво!

Не знаю, прежде онъ бывалъ ли въ томъ гораздъ,
А тутъ труды его не втуне:
Какъ ни взмахнетъ рукой — благодаря Фортунѣ,
Ни разу промаху не дастъ.
Вотъ гостья между тѣмъ у братьевъ нагостилась
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще при томъ въ чинахъ; а третій братъ
Клянетъ судьбу, что онъ Фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.

Читатель, будь ты самъ судьею:
Кто жъ въ этомъ виноватъ?

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

ВОЛКЪ И ПАСТУХИ.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
　　И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно пастухи барашка потрошатъ,
　　А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
«Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
　　Когда бы это сдѣлалъ я!»

II.

КУКУШКА И ГОРЛЕНКА.

Кукушка на суку печально куковала.
　　«Что, кумушка, ты такъ грустна?»
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала:
　　«Или о томъ, что миновала
　　　　　　　　У насъ весна
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,

И что къ зимѣ мы стали ближе?»
— «Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать!»
Кукушка говоритъ: «будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною,
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы?
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты;
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу
И, что̀ есть дѣтская привѣтливость, не знаю».
— «Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ.
Скажи жъ: такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала да летала».
— «Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней,
Въ гнѣздѣ я сидя, растеряла:
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала».
— «Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?»
Ей Горленка на то сказала.

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь — всегда порокъ.
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

III.

ГРЕБЕНЬ.

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый Гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь Гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за Гребешокъ! не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ
Случись, однако же, что Гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ,—дитя подыметъ вой:
«Гдѣ Гребень мой?»
И Гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ ни впередъ:
Лишь волосы до слезъ деретъ.
«Какой ты злой Гребнишка!»
Кричитъ мальчишка;
А Гребень говоритъ: «Мой другъ, все тотъ же я;
Да голова всклокочена твоя».
Однако жъ, мальчикъ мой, отъ злости и досады
Закинулъ Гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся наяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ.
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,

То правда намъ мила и правда намъ свята,
    Ее и слушаютъ и принимаютъ;
    Но только сталъ кривить душой,
    То правду далѣ отъ ушей;
И всякій, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
        Когда ихъ склочетъ.

IV.

СКУПОЙ И КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
    Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
    Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
    Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ
    Вамъ басню старую сказать.

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про Скупого:
    Былъ человѣкъ, который никакого
    Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!),
    Котора яица несла,
            Но не простыя,
            А золотыя.
    Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
    Но этого Скупому мало:
        Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

V.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется,—
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страха жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

—

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ истинно,—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпко думу
Безъ шуму.

VI.

АЛКИДЪ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесный,
Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ
Опасною стезей и тѣсной,
Увидѣлъ на пути: свернувшись, будто ежъ,
Лежитъ чуть видное—не знаетъ, что̀ такое.
Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И что жъ?

Оно раздулося и стало болѣ вдвое.
Отъ гнѣву вспыхнувъ, тутъ Алкидъ
Тяжелой палицей своей его разитъ.
Глядитъ —
Оно страшнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и растетъ,
Застановляетъ солнца свѣтъ
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ.
Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
«Оставь напрасный трудъ, мой братъ!» она сказала:
«Чудовищу сему названіе — Раздоръ.
Не тронуто — его едва примѣтитъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться —
Оно отъ браней лишь тучнѣе становится
И выростаетъ выше горъ».

VII.

АПЕЛЛЕСЪ И ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру зараженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ
смѣшонъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего бы долженъ онъ стыдиться.

Съ Осленкомъ встрѣтясь, Апеллесъ
Зоветъ къ себѣ Осленка въ гости:
Въ Осленкѣ заиграли кости!
Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ
И говоритъ звѣрямъ: «Какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ:

Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,
Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса».
— «Нѣтъ», Апеллесъ сказалъ, случася близко тутъ:
«Намѣряся писать Мидасовъ судъ,
Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ:
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,
Но этакихъ, какими ты богатъ,
Не только у ослятъ,
Ни даже у ословъ мнѣ видѣть не случалось».

VIII.

ОХОТНИКЪ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю.
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
Итакъ, какъ дѣло есть, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя ропщи, не на случа̀й,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму
И друга вѣрнаго по нраву и обычью,
Гекто̀ра, въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не зарядя ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
«Вотъ вздоръ!» онъ говоритъ: «дорога мнѣ знакома.
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь;
До мѣста жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ».

Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила
(Какъ будто бы надъ нимъ Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ;
И нашему бъ тогда стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе: только утки
На это чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ,
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились — и за лѣса веревкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу стрѣлокъ потомъ таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:
Случись тогда
Ненастье.
Итакъ, Охотникъ мой,
Измокши весь, пришелъ домой
Съ пустой сумой;
А всетаки пенялъ не на себя — на счастье.

IX.

МАЛЬЧИКЪ И ЗМѢЯ.

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ Змѣю и, воззрившись, отъ страха
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя, на Мальчика спокойно посмотря,

«Послушай», говоритъ: «коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ
И знай, съ кѣмъ шутишь!»

X.

ПЛОВЕЦЪ И МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился;
Потомъ, проснувшися, онъ Море клясть пустился.
«Ты», говоритъ, «всему виной:
Своей лукавой тишиной
Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь
И, заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь».
Тутъ Море, на себя взявъ Амфитриды видъ,
Пловцу, явяся, говоритъ:
«На что винишь меня напрасно!
Плыть по водамъ моимъ ни страшно ни опасно;
Когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины,
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мнѣ не даютъ покою.
Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:
Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли,—
Я неподвижнѣе тогда земли».

И я скажу: совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

XI.

ОСЕЛЪ И МУЖИКЪ.

Мужикъ на лѣто въ огородъ,
Нанявъ, Осла приставилъ
Воронъ и воробьевъ гонять нахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью ни съ кражей незнакомъ;
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку;
Но мужику барышъ былъ съ огорода плохъ:
Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперекъ
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.
Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ выместилъ дубиной.
«И ништо!» всѣ кричатъ: «скотинѣ по-дѣломъ:
Съ его ль умомъ
За это дѣло браться!»

А я скажу, не съ тѣмъ, чтобъ за Осла вступаться:
Онъ, точно, виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ);
Но, кажется, не правъ и тотъ,
Кто поручилъ Ослу стеречь свой огородъ.

XII.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякій знаетъ;
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:

Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ Волкъ его манить
И проситъ горю пособить.
Журавль свой длинный носъ по шею
Засунулъ Волку въ пасть и съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный:
Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся».

XIII.

ПЧЕЛА И МУХИ.

Двѣ Мухи собрались летѣть въ чужіе краи
И стали подзывать съ собой туда Пчелу:
Имъ насказали попугаи
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ, на родинѣ своей,
Вездѣ гоняютъ изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
«Путь добрый вамъ», Пчела на это отвѣчала:

«А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала,
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите!
Вездѣ вамъ будетъ счастье то жъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будутъ вамъ
И тамъ».

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

XIV.

МУРАВЕЙ.

Какой-то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука;
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;

Но этотъ Муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво всползъ
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ Муравья.
Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ:
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ».
И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

XV.

ПАСТУХЪ И МОРЕ.

Пастухъ въ Нептуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморьѣ, хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, зато не зналъ и горя
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ царей.
Но, видя всякій разъ, какъ съ моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ амбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился:
Распродалъ стадо, домъ — товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль и за море пустился.
Однако же походъ его не дологъ былъ;
Обманчивость, морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ; лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась:
Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,
И онъ на-силу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря морямъ,
Пошелъ онъ въ пастухи, лишь съ разницею тою,
Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасетъ овецъ чужихъ,
Изъ платы. Съ нуждою, однако жъ, хоть большою,
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?
Не спивъ того, не съѣвъ другого,
Скопилъ деньжонокъ онъ, завелся стадомъ снова
И сталъ опять своихъ овечекъ пастухомъ.
Вотъ, нѣкогда, на берегу морскомъ,

При стадѣ онъ своемъ
Въ день ясный сидя
И видя,
Что на Морѣ едва колышется вода
(Такъ Море присмирѣло)
И плавно къ пристани бѣгутъ по ней суда,
«Мой другъ!» сказалъ: «опять ты денегъ захотѣло,
Но ежели моихъ — пустое дѣло!
Ищи кого иного ты провесть,
Отъ насъ тебѣ была ужъ честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,
А отъ меня впередъ копѣйки не достанешь».

Баснь эту лишнимъ я почелъ бы толковать;
Но какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться!
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нея
На одного, кто не былъ ей обманутъ.
А мнѣ что говорить не станутъ,
Я буду все твердить свое:
Что впереди — Богъ вѣсть; а что мое — мое!

XVI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Къ Крестьянину вползла Змѣя
И говоритъ: «Сосѣдъ, начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я
И кожу нынѣшней весной перемѣнила».
Однако жъ мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: «Хоть ты и въ новой кожѣ,

Да сердце у тебя все то же».
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину,
Какъ хочешь ты мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасешь,
И, что съ Змѣей, съ тобой случиться можетъ то жъ.

XVII.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки на виноградъ
Глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда — висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ,
Пробившись попусту часъ цѣлый,

Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну, что жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь».

XVIII.

ОВЦЫ И СОБАКИ.

Въ какомъ-то стадѣ у овецъ,
Чтобъ волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число собакъ умножить.
Что жъ? Развелось ихъ столько наконецъ,
Что овцы отъ волковъ, то правда, уцѣлѣли;
Но и собакамъ надо жъ ѣсть:
Сперва съ овечекъ сняли шерсть,
А тамъ, по жеребью, съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталося всего овецъ пять-шесть,
И тѣхъ собаки съѣли.

XIX.

МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью издали шути какъ хочешь смѣло;
Но смерть вблизи — совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется Медвѣдю умереть,
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины и ружья и собаки:
Такъ драка не по-немъ.
Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ

И говоритъ ловцу: «Мой другъ, какой виною
Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, напримѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка».
— «То правда», отвѣчалъ на то ловецъ ему:
«Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
Зато, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ.
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ».

XX.

КОЛОСЪ.

На нивѣ, зыблемый погодой Колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ
И въ нѣгѣ и въ добрѣ взлелѣянный цвѣтокъ,
Межъ тѣмъ какъ онъ и мошекъ вереницѣ,
И бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ,
Хозяину съ досадой говоритъ:
«За что вы, люди, такъ всегда несправедливы,
Что кто умѣетъ вашъ утѣшить вкусъ иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказу нѣтъ у васъ;
А кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы?
Не главный ли доходъ твой съ нивы?
А посмотри, въ какой небрежности она!
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ стекломъ когда насъ отъ ненастья?

Велѣлъ ли насъ полоть иль согрѣвать,
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?
Нѣтъ: мы совсѣмъ расти оставлены на счастье;
Тогда какъ у тебя цвѣты,
Которыми ни сытъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ,—
За стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что, если бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій бы годъ
Ты собралъ бы самъ-сотъ
И съ хлѣбомъ караванъ отправилъ бы въ столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире намъ теплицу».
— «Мой другъ», хозяинъ отвѣчалъ:
«Я вижу, ты моихъ трудовъ не примѣчалъ.
Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы.
Когда бъ ты зналъ, какой мнѣ стоило работы
Расчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ,
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождя жъ и вѣтру ты проси себѣ у неба;
А если бъ умный твой исполнилъ я совѣтъ,
То былъ бы безъ цвѣтовъ и былъ бы я безъ хлѣба».

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ иль гражданинъ,
Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходятъ иногда въ роптанье:
Имъ можно то жъ почти сказать и въ оправданье.

XXI.

МАЛЬЧИКЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить;
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно:
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то, которые ужъ станутъ увядать.
Крестьянинъ судитъ: «Какъ пристанища не дать?
Ужли отъ Червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ живетъ.
Притомъ же важнаго убытку быть не можетъ,
Коль онъ листочка два-три сгложетъ».
Позволилъ: и Червякъ на дерево ползетъ;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть не пышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый царь.
Вотъ, въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣть все стало,
Наливное, сквозное, какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ,
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню мальчишка лѣзть не смѣетъ
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,

И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.
Кто жъ въ кражѣ мальчику помочь взялся?—Червякъ.
«Послушай», говоритъ: «я знаю это точно,
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ не прочно;
Однако жъ, я берусь его достать,
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станетъ вѣкъ глодать».
Условье сдѣлано: Мальчишка согласился;
Червякъ — на яблоню и работать пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ.
Но что жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой:
И такъ ни Червяка, ни яблока не стало.

XXII.

ПОХОРОНЫ.

Въ Египтѣ въ старину велось обыкновенье,
Когда кого хотятъ пышнѣе хоронить,
Наемныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ выть.
Вотъ, нѣкогда, на знатномъ погребеньи,
Толпа сихъ плакальщицъ, поднявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной
Въ домъ провожала вѣчный
На упокой.
Тутъ странникъ, думая, что, въ горести сердечной,

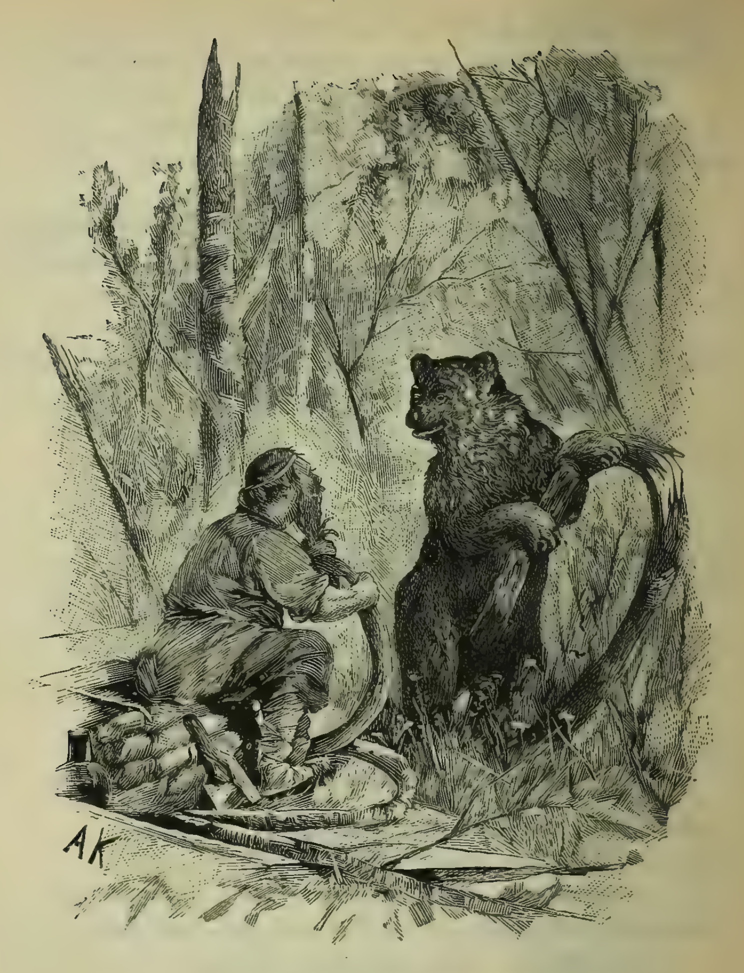
То рвется вся покойника родня,
«Скажите», говоритъ: «не рады ли бъ вы были,
Когда бъ его вамъ воскресили?
Я магъ; на это есть возможность у меня:
Мы заклинанія съ собой такія носимъ—
Покойникъ оживетъ сейчасъ».
— «Отецъ!» вскричали всѣ: «обрадуй бѣдныхъ насъ!
Одной лишь милости притомъ мы просимъ,
Чтобъ сутокъ черезъ пять
Онъ умеръ бы опять.
Въ живомъ въ немъ не было здѣсь толку никакого,
Да врядъ ли будетъ и впередъ;
А какъ умретъ,
То выть по немъ наймутъ насъ, вѣрно, снова».

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему-нибудь годна.

XXIII.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березняка и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: «Сосѣдъ, что за причина эта?

Деревья-таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?»
— «Въ томъ», отвѣчалъ сосѣдъ,
«Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньи».

XXIV.

СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИКЪ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей
Въ одинъ и тотъ же часъ: Грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
И въ петлю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ сирена, сладкогласенъ
И, какъ Сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ:
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ побъ Разбойника большой костеръ взвалили;
Сама Мегера ихъ зажгла
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскій камень.
Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ;
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгорался.
Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужъ подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ;
Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу̀ на часъ.
Не видя облегченья,
Писатель, наконецъ, кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ ни мало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,

И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
«Несчастный!» говоритъ она:
«Ты ль Провидѣнію пеняешь?
И ты ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты... уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? — Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть? — Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ?
И вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,

Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови — ты виной.
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!»
Сказала гнѣвная Мегера —
И крышкою захлопнула котелъ.

XXV.

ЯГНЕНОКЪ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
«По мнѣ пускай что хочешь говорятъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ невиноватъ!»
Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вамъ знать всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ
И что она у васъ
Весенняго цвѣтка нѣжнѣе.
Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиста;
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность
Язвить злословью васъ даетъ возможность,
И ваша слава ужъ не та.
Ужели не глядѣть? ужель не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякій шагъ
Вы свой должны обдумать такъ,
Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.

Анюточка, мой другъ!
Я для тебя и для твоихъ подругъ
Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее; не нынѣ, такъ впередъ
Съ нея сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ Ягненкомъ.
Поставь свою ты куклу въ уголокъ:
Разсказъ мой будетъ коротокъ.
Ягненокъ сдуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ
И прежде, нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнавъ его, отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы Ягненокъ былъ уменъ —
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось мышамъ себя прославить
И, несмотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будемъ;
Притомъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ совѣтъ;

У коихъ же хвоста, къ несчастью, нѣтъ,
Хотя бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья,
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять.
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И, наконецъ, въ мучномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста,
Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую мышь толкаетъ
Мышенокъ молодой
И говоритъ: «Какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не
любитъ:
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ».
А мышь въ отвѣтъ: «Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума».

II.

МЕЛЬНИКЪ.

У Мельника вода плотину прососала,
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;

А течь день ото дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А Мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь ей вѣкъ богата».
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился Мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ, у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя!» кричитъ: «хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать».
И въ нихъ полѣномъ хвать!
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и дезъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка ль, что домъ
Скорехонько пойдетъ вверхъ дномъ?

III.

БУЛЫЖНИКЪ И АЛМАЗЪ.

Потерянный Алмазъ валялся на пути;
Случилось, наконецъ, купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, Булыжникъ развозился.
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
«Пожалуйста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся:
Такой же камень онъ и мнѣ набитый братъ.
Возьми жъ меня. Какъ знать? Коль я тамъ покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло пригожуся.
Взялъ камень мужичокъ на свой тяжелый возъ
И въ городъ онъ его привезъ.
Ввалился камень мой и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

IV.

МОТЪ И ЛАСТОЧКА

Какой-то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ
Спустилъ все чисто; наконецъ
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой:
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но, Ласточку увидя, малый мой
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,
Что ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной;
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой:
Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны!
Догадки малаго умны;
Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ:
Что ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы,
Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слезы,
И Ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:
«Проклятая! сгубила ты себя,
А, понадѣясь на тебя,
И я теперь не во-время безъ шубы!»

V.

ПЛОТИЧКА.

Хоть я и не пророкъ,
Но, видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ удается,
Что крылышки сожжетъ мой мотылекъ.
Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненье и урокъ:
Онъ и для взрослаго хорошъ и для ребенка.
Ужли вся басня тутъ? ты спросишь; погоди:
Нѣтъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди,
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.
Вотъ, вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:
Сначала краткости, теперь ужъ ты
Боишься длинноты.
Что жъ дѣлать? Милый другъ, возьми терпѣнье!
Я самъ того жъ боюсь.
Но какъ же быть! Теперь я старѣ становлюсь:
Погода къ осени дождливѣй,
А люди къ старости болтливѣй;
Но, чтобы дѣла мнѣ не выпустить изъ глазъ,
То выслушай: слыхалъ я много разъ,
Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ
И говорятъ:
За что винить тутъ? это шалость;
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ:
Она становится привычкой, послѣ—страстью
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ басенкой себя ты позабавить;

Теперь изъ-подъ пера сама идетъ она
И можетъ съ пользою тебя наставить.

Не помню, у какой рѣки,
Злодѣи царства водяного,
Пріютъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, по близости у берега крутого,
Плотичка рѣзвая жила;
Проворна и притомъ лукава,
Небоязливаго была Плотичка нрава:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась, какъ юла,
И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда за пожданье онъ, въ чаяньи награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка:
Вотъ, думаетъ, взяла; въ немъ сердце встрепенется;
Взмахнетъ онъ удой: глядь—крючокъ безъ червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,
Сорветъ приманку, увернется,
И, хоть ты что, обманетъ рыбака.
«Послушай», говоритъ другая ей Плотица:
«Не сдобровать тебѣ, сестрица!
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,
Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?
Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься.—
Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.
Сегодня удалось, а завтра — кто порука?»
Но глупымъ, что глухимъ, разумныя слова.
«Вотъ», говоритъ моя Плотва:
«Вѣдь я не близорука!
Хоть хитры рыбаки, но страхъ пустой ты брось:
Я вижу хитрость ихъ насквозь.
Вотъ видишь уду? Вонъ закинута другая!
Ахъ, вотъ еще, еще! Смотри же, дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!»
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась;

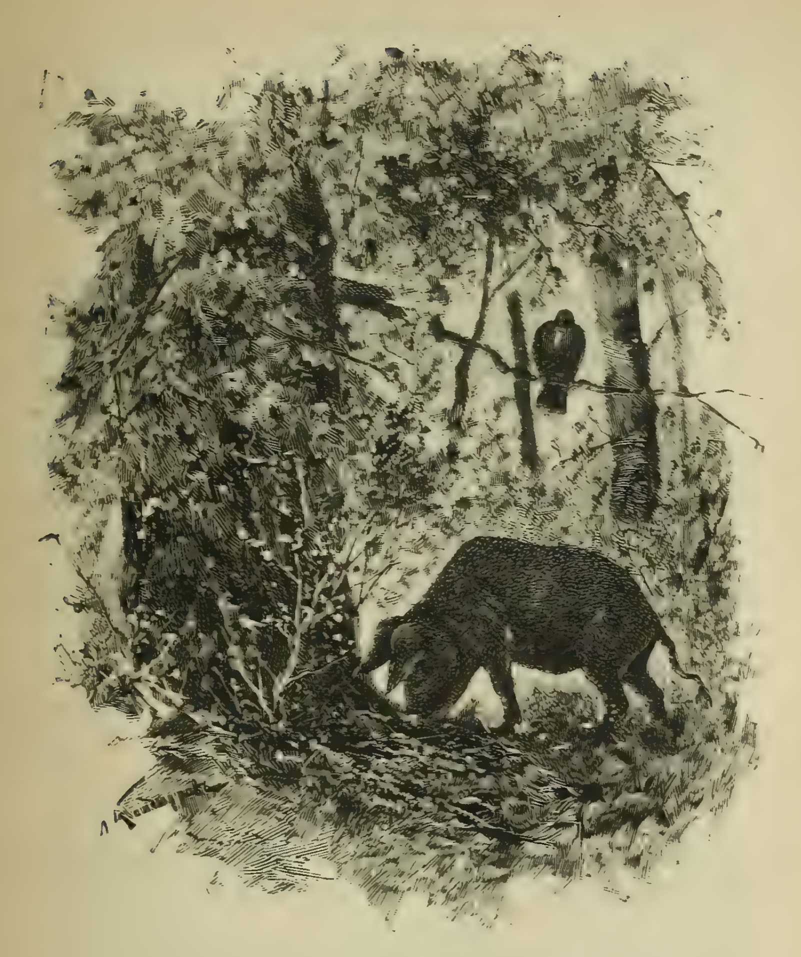
Рванула съ той, съ другой, на третьей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду!
Тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше бы бѣжать опасности сначала.

VI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Когда почтенъ быть хочешь у людей, —
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

Мужикъ съ Змѣею подружился.
Извѣстно, что Змѣя умна:
Такъ вкралась къ Мужику она,
Что ею только онъ и клялся и божился.
Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня,
Никто къ нему ногой не побываетъ.
«Помилуйте», Мужикъ пеняетъ:
«За что вы всѣ покинули меня?
Иль угостить жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?»
— «Нѣтъ», кумъ Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ:
«Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ,
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ:
Но что за радость, разсуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?»

VII.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала

И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»,
Ей съ дуба Воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ», говоритъ Свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
— «Неблагодарная!» промолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти желуди на мнѣ растутъ».

Невѣжда также, въ ослѣпленьи,
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

VII.

ПАУКЪ И ПЧЕЛА.

По мнѣ таланты тѣ не годны,
Въ которыхъ свѣту пользы нѣтъ,
Хоть иногда имъ и дивится свѣтъ.

Купецъ на ярмарку привезъ полотны;
Они такой товаръ, что надобны для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покупщиковъ отбою нѣтъ; у лавки
Доходитъ иногда до давки.
Увидя, что товаръ такъ ходко йдетъ съ рукъ,
Завистливый Паукъ

На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ на-диво,
Засѣлъ, надувшися спесиво,
Отъ лавки не отходитъ прочь
И думаетъ — лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупщиковъ къ себѣ онъ переманитъ.
Вотъ день насталъ; но что жъ? Проказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
«Вотъ», говоритъ: «жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣе тканье:
Купцово иль мое?»
— «Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ!»
Пчела отвѣтствуетъ: «извѣстно то давно;
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?»

IX.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?»
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
— «Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости, и дряхлъ и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.

Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами...»
— «Но ты коснуться льва, конечно, не дерзнулъ?»
Лиса Осла перерываетъ.
— «Вотъ-на!» Оселъ ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!»

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь съ высоты —
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

X.

МУХА И ПЧЕЛА.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ,
Качалась Муха сидя
И, на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спесиво говоритъ: «Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла
Летать по ба́ламъ, по гостямъ:
И — молвить не хвалясь, — мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пиру́ю тамъ:

Гдѣ только свадьба, именины—
Изъ первыхъ я ужъ, вѣрно, тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной».
— «Все это знаю я», отвѣтствуетъ Пчела:
«Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ».
— «Вотъ», Муха говоритъ: «гоняютъ! что жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое».

XI.

ЗМѢЯ И ОВЦА.

Змѣя лежала подъ колодой
И злилася на цѣлый свѣтъ:
У ней другого чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужъ такъ она природой.
Ягненокъ въ близости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вотъ, выползши, она въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;
Вся кровь отъ яду въ немъ горитъ.
«Что сдѣлалъ я тебѣ?» Змѣѣ онъ говоритъ.
— «Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ тѣмъ сюда забрался,

Чтобъ раздавить меня», шипитъ ему Змѣя:
«Изъ осторожности тебя караю я».
— «Ахъ, нѣтъ!» онъ отвѣчалъ — и съ жизнью тутъ разстался.

Въ комъ сердце такъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно,
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ,
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

XII.

КОТЕЛЪ И ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ котломъ большую дружбу свелъ;
Хотя и познатнѣй породою Котелъ,
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;
Горшокъ съ Котломъ за-панибрата;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И, словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,
И съ очага и на очагъ.
Вотъ вздумалось Котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ;
Горшокъ нашъ отъ Котла никакъ не отстаетъ
И вмѣстѣ на одну телѣгу съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы —
Котлу бездѣлица; горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка Горшку большой накладъ;
Однако жъ онъ не думаетъ назадъ,
И глиняный Горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ Котломъ чугуннымъ такъ сдружился.

Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой Котелъ съ дороги воротился,
А отъ Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.

XIII.

ДИКІЯ КОЗЫ.

Пастухъ нашелъ зимой въ пещерѣ дикихъ козъ;
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слезъ:
«Прекрасно», говоритъ: «ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое стадо;
И не доѣмъ и не досплю,
А милыхъ козочекъ къ себѣ я прикормлю
И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.
Вѣдь пастуху стада, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ,
И масла и сыры скопляетъ;
Подчасъ онъ тожъ и шкурки съ нихъ деретъ;
Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ,
А корму на зиму у пастуха запасъ!»
Вотъ отъ своихъ овецъ къ гостямъ онъ кормъ
таскаетъ;
Голубитъ ихъ, ласкаетъ;
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ;
Ихъ всячески старается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,—
Теперь, покамѣстъ, не до нихъ,
И со своими жъ легче сладить:
Сѣнца имъ броситъ по клочку,
А станутъ приступать, такъ дать имъ по толчку,

Чтобъ менѣе въ глаза совались.
Да только вотъ бѣда: когда пришла весна,
То козы дикія всѣ въ горы разбѣжались:
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна;
Свое же стадо захирѣло
И все почти переколѣло,
И мой пастухъ пошелъ съ сумой,
Хотя зимой
На барыши въ умѣ разсчитывалъ прекрасно.

Пастухъ! тебѣ теперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ дикихъ козъ терять свой кормъ напрасно,
Не лучше ли бы козъ домашнихъ поберечь?

XIV.

СОЛОВЬИ.

Какой-то птицеловъ
Весною наловилъ по рощамъ соловьевъ.
Пѣвцы разсажены по клѣткамъ и запѣли,
Хоть лучше бъ по лѣсамъ гулять они хотѣли:
Когда сидишь въ тюрьмѣ, до пѣсенъ ли ужъ тутъ?
Но дѣлать нечего: поютъ,
Кто съ горя, кто отъ скуки.
Изъ нихъ одинъ бѣдняжка Соловей
Терпѣлъ всѣхъ болѣ муки:
Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей.
Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ;
Сквозь слезъ изъ клѣтки онъ посматриваетъ въ поле;
Тоскуетъ день и ночь;
Однако жъ думаетъ: «Злу грустью не помочь;
Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,
А умный ищетъ средства,
Какъ дѣломъ горю пособить;

И, кажется, бѣду могу я съ шеи сбыть:
Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать.
Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать;
Такъ если голосомъ ему я угожу,
Быть можетъ, тѣмъ себѣ награду заслужу,
И онъ мою неволю окончаетъ».
Такъ разсуждалъ — и началъ мой пѣвецъ:
И пѣснью онъ зарю вечерню величаетъ,
И пѣснями восходъ онъ солнечный встрѣчаетъ.
Но что же вышло наконецъ?
Онъ только отягчилъ свою тѣмъ злую долю:
Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно
Хозяинъ отворилъ и клѣтки и окно
И распустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка Соловей,
Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

XV.

ГОЛИКЪ.

Запачканный Голикъ попалъ въ большую честь:
Ужъ онъ половъ не будетъ въ кухняхъ месть;
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно, слуги были пьяны).
Вотъ развозился мой Голикъ:
По платью барскому безъ устали колотитъ
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь молотитъ.
И подлинно, что трудъ его великъ;
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ:
Что жъ пользы отъ его труда?
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.

Бываетъ столько же вреда,
Когда
Невѣжда не въ свои дѣла вплетется
И поправлять труды ученаго возьмется.

XVI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ Овцу:
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья—Лиса: оно въ минуту закипѣло.
Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика:
Какъ было дѣло; въ чемъ улика?
Крестьянинъ говоритъ: «Такого-то числа
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались:
Отъ нихъ лишь косточки да перышки остались;
А на дворѣ одна Овца была».
Овца же говоритъ: она всю ночь спала;
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мясного.
И приговоръ Лисы вотъ отъ слова до слова:
«Не принимать никакъ резоновъ отъ Овцы:
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу по совѣсти моей:

Нельзя, чтобъ утерпѣла,
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того казнить Овцу
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу».

XVII.

СКУПОЙ.

Какой-то домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ
Отъ демонскаго воеводы
Летѣть за тридевять земель на многи годы.
А служба такова: хоть радъ или не радъ,
Исполнить должно повелѣнье.
Мой домовой въ большомъ недоумѣньѣ,
Какъ безъ себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовыя:
Расходы надобно большіе;
Оставить такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть;
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могутъ и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочетъ, думаетъ, и вздумалъ наконецъ.
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ, взявъ сокровище, является къ Скупому
И говоритъ: «Хозяинъ дорогой!
Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;
А я всегда доволенъ былъ тобой:
Такъ на прощаньи, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ѣшь и веселись
И трать ихъ безъ боязни!

Когда же придетъ смерть твоя,
То твой одинъ наслѣдникъ я:
Вотъ все мое условье;
А впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!»
Сказалъ—и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой.
Исправя службу, домовой
Летитъ домой
Въ отечески предѣлы.
Что жъ видитъ? О, восторгъ! Скупой съ ключомъ въ рукѣ
Отъ голоду издохъ на сундукѣ,—
И всѣ червонцы цѣлы.
Тутъ духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ
И былъ сердечно радъ,
Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

Когда у золота скупой не ѣстъ, не пьетъ—
Не домовому ль онъ червонцы бережетъ?

XVIII.

БОГАЧЪ И ПОЭТЪ.

Съ великимъ Богачомъ Поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой—весь въ золотѣ и спесью весь раздутъ.
«Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
Кричитъ поэтъ: «чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки ни угла: и все мое имѣнье

Въ одномъ воображеньѣ;
Межъ тѣмъ, когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ».
— «А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки?»
Юпитеръ отвѣчалъ: «а про него
Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ!
Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но, вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,
И если бы съ его умомъ была возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность—
Онъ болѣе бъ тебя на жребій свой роптал»

XIX.

ВОЛКЪ И МЫШЕНОКЪ.

Изъ стада сѣрый Волкъ
Въ лѣсъ о́вцу затащилъ въ укромный уголокъ,
Ужъ, разумѣется, не въ гости:
Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И такъ ее онъ убиралъ,
Что на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жаденъ былъ, а съѣсть всего не могъ;
Оставилъ къ ужину запасъ, и подлѣ легъ
Понѣжиться, вздохнуть отъ жирнаго обѣда.
Вотъ, близкаго его сосѣда,
Мышенка, запахомъ пирушки привлекло.
Межъ мховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался,
Схватилъ кусокъ мясца и съ нимъ скорѣй убрался
Къ себѣ домой, въ дупло.
Увидя похищенье,

Волкъ мой
По лѣсу поднялъ вой;
Кричитъ онъ: «Караулъ! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое имѣнье!»

Такое жъ въ городѣ я видѣлъ приключенье:
У Климыча-судьи часишки воръ стянулъ,
И онъ кричитъ на вора: «Караулъ!»

XX.

ДВА МУЖИКА.

«Здорово, кумъ Ѳаддей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь — я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня впотьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,

Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
— «Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: «коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ не хуже ль и въ потьмахъ».

XXI.

КОТЕНОКЪ И СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-то домѣ былъ Скворецъ,
Плохой пѣвецъ,
Зато ужъ философъ презнатный,
И свелъ съ Котенкомъ дружбу онъ.
Котенокъ былъ ужъ котикъ преизрядный,
Но тихъ и вѣжливъ и смиренъ.
Вотъ какъ-то былъ въ столѣ Котенокъ обдѣленъ.
Бѣдняжку голодъ мучитъ:
Задумчивъ бродитъ онъ, скучаючи постомъ;
Поводитъ ласково хвостомъ
И жалобно мяучитъ:
А философъ Котенка учитъ
И говоритъ ему: «Мой другъ, ты очень простъ,
Что терпишь добровольно постъ;
А въ клѣткѣ подъ носомъ твоимъ виситъ щегленокъ:
Я вижу, ты прямой котенокъ».
— «Но совѣсть...» — «Какъ ты мало знаешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ — пустыя только шутки!
На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все волёнъ.

Вотъ доказательства тебѣ и вотъ примѣры».
Тутъ, приведя ихъ на свои манеры,
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Котенку натощакъ понравилась она:
Онъ вытащилъ и съѣлъ щегленка.
Разлакомилъ кусокъ такой Котенка,
Хотя имъ голода онъ утолить не могъ.
Однако же второй урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ
И говоритъ Скворцу: «Спасибо, милый кумъ!
Наставилъ ты меня на умъ».
И, клѣтку разломавъ, учителя онъ скушалъ.

XXII.

ДВѢ СОБАКИ.

Дворовый вѣрный песъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ дудто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
«Ну, что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь: на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?»
— «На счастье грѣхъ роптать», Жужутка отвѣчаетъ:
«Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,

И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ; а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?» — «Я», отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:

«Живу попрежнему: терплю и холодъ
И голодъ
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случа̀й попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?»—«Чѣмъ служишь! Вотъ пре-
красно!»
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу».

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

XXIII.

КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Поймала Кошка Соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила

И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.
Мнѣ говоритъ лиса-кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсенъ
Всѣ пастухи, пастушки—безъ ума.
Хотѣла бъ очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися такъ; не будь, мой другъ, упрямъ;
Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь спой мнѣ что-нибудь: тебѣ я волю дамъ
И отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Межъ тѣмъ мой бѣдный Соловей
Едва-едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
«Ну, что же?» продолжаетъ Кошка:
«Пропой, дружокъ, хотя немножко».
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ.
«Такъ этимъ-то лѣса ты восхищалъ?»
Съ насмѣшкою она спросила:
«Гдѣ жъ эта чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ умолку твердятъ?
Мнѣ скученъ пискъ такой и отъ моихъ котятъ.
Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе неискусенъ.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусенъ!»
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

Сказать ли на ушко яснѣе мысль мою?
Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

XXIV.

РЫБЬИ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже вóды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого бъ надъ рыбами поставить въ воеводы?
Какъ водится, пошли на голоса,
И выбрана была Лиса.
Вотъ Лисанька на воеводство сѣла.
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичокъ — пріятель, сватъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ тѣмъ какъ съ бережку Лисица рядитъ, судитъ, —
Кумъ рыбку удитъ
И дѣлитъ съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.
Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривилися вѣсы
И, улуча свободные часы,
Пустился самъ свое осматривать владѣнье.
Онъ ѝдетъ берегомъ, а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, расклалъ у рѣчки огонекъ
И съ кумушкой попировать сбирался;
Бѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался,
На мужика разинувъ зѣвъ.
«Кто ты, что дѣлаешь?» спросилъ сердито Левъ.
— «Великій государь!» отвѣтствуетъ плутовка
(У Лисаньки всегда въ запасѣ есть уловка),
«Великій государь!
Онъ у меня здѣсь главный секретарь:
За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ;
А это — караси, всѣ жители воды:

Мы всѣ пришли сюды
Поздравить, добрый царь, тебя съ твоимъ прихо-
домъ».
— «Ну, какъ здѣсь йдетъ судъ? Доволенъ ли вашъ
край?»
— «Великій государь, здѣсь не житье имъ — рай:
Лишь только бъ дни твои безцѣнные продлились».
(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).
— «Да отчего же», Левъ спросилъ, «скажи ты мнѣ,
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?»
— «О, мудрый Левъ!» Лиса отвѣтствуетъ: «онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ».
Не могши болѣ тутъ Левъ явной лжи стерпѣть,
Чтобъ не безъ музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
Въ своихъ когтяхъ заставилъ пѣть.

XXV.

ПРИХОЖАНИНЪ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель;
Зато уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться —
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ быть, я тѣмъ немного досажу,
Но, вмѣсто басни, быль на это имъ скажу.

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,

Какъ цѣпью золотой,
Возъемля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный тщетой.
Душъ пастырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жъ изъ Божьяго міряне вышли дому,
«Какой пріятный даръ!»
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому:
«Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать!
Иль ты не понималъ?» — «Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода».

XXVI.

ВОРОНА.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не роднися,
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.
Утыкавши себѣ павлиньимъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спесиво
И думаетъ, что на неё
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,

И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назадъ къ своимъ, но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню:
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась,
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава ни ворона.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

I.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самого едва таскаютъ ноги хилы;
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То вострымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ;
Какъ видитъ, что оселъ туда жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть

И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
«О, боги!» возопилъ, стеная, Левъ тогда:
«Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла—
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла».

II.

ЛЕВЪ, СЕРНА И ЛИСИЦА.

По дебрямъ гнался Левъ за Серной;
Уже ее онъ настигалъ
И взоромъ алчнымъ пожиралъ
Обѣдъ себѣ онъ сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обоимъ пересѣкалъ оврагъ;
Но Серна легкая всѣ силы натянула,
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой Левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ—Лиса.
«Какъ?» говоритъ она: «съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь Сернѣ хилой?
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса;
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости и легкости твоей».
Тутъ кровь во Львѣ вскипѣла, заиграла;

Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однако жъ пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ слетѣлъ — и до смерти убился.
А что жъ его сердечный другъ?
Онъ потихохоньку въ оврагъ спустился
И, видя, что ужъ Льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ, на просторѣ и на волѣ,
Справлять поминки другу сталъ
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

III.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛОШАДЬ.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя, Лошадь молодая
Такъ про себя ворчала, разсуждая:
«За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ говорятъ, что люди насъ умнѣе:
Что̀ можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой попустому?
Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому;
Хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать,
Все было бъ болѣе похоже то на стать;
Хоть спряталъ бы его: я видѣла бъ въ томъ скупость;
А попусту бросать! Нѣтъ, это просто глупость».
Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранъ былъ,
И нашъ Крестьянинъ имъ того жъ Коня кормилъ.

Читатель! вѣрно, нѣтъ сомнѣнья,
Что не одобришь ты конева разсужденья;
Но съ самой древности, въ нашъ даже вѣкъ,

Не такъ ли дерзко человѣкъ
О волѣ судитъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая Его ни цѣли ни путей?

IV.

БѢЛКА.

У Льва служила Бѣлка:
Не знаю, какъ и чѣмъ, но только дѣло въ томъ,
Что служба Бѣлкина угодна передъ Львомъ,
А угодить на Льва, конечно, не бездѣлка.
Зато обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ;
Обѣщанъ — между тѣмъ все время улетаетъ;
А Бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ
И скалитъ передъ Львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотримъ: по лѣсу то тамъ, то сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ;
Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ
Орѣшки, знай себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ;
Но наша Бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,
Глядитъ — нельзя никакъ:
На службу Льву ее то кличутъ, то толкаютъ.
Вотъ Бѣлка наконецъ ужъ стала и стара
И Льву наскучила: въ отставку ей пора.
Отставку Бѣлкѣ дали
И, точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ,—
Всѣ на отборъ: орѣхъ къ орѣху — чудо!
Одно лишь только худо:
Давно зубовъ у Бѣлки нѣтъ.

V.

ЩУКА.

На Щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судьи невдалекѣ сбирались:
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однако жъ имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два Осла,
Двѣ Клячи старыя, да два иль три Козла;
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана была Лиса за прокурора.
И слухъ между народа шелъ,
Что Щука Лисанькѣ снабжала рыбный столъ;
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни;
И то сказать, что Щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ.
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
«Почтенные судьи!» Лиса тутъ приступила:
«Повѣсить мало; я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ». — «Прекрасно!»
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И Щуку бросили въ рѣку!

VI.

КУКУШКА И ОСЕЛЪ.

Орелъ пожаловалъ Кукушку въ соловьи.
Кукушка, въ новомъ чинѣ,
Усѣвшись важно на осинѣ,
Таланты въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась;
Глядитъ: всѣ прочь летятъ,
Одни смѣются ей, а тѣ ее бранятъ.
Моя Кукушка огорчилась,
И съ жалобой на птицъ къ Орлу спѣшитъ она.
«Помилуй!» говоритъ: «по твоему велѣнью
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!»
— «Мой другъ!» Орелъ въ отвѣтъ: «я царь, но я не Богъ;
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить:
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить,
Но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ».

VII.

БРИТВЫ.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю?—Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю—пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый?... Я надѣюсь,
Не боленъ ты».—«Охъ! ничего: я бреюсь».

— «Какъ! только?» Тутъ я всталъ—гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши, наконецъ, вину бѣды такой,
«Что дива?» я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не бритвы—косари;
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь».
— «Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы,
Да острыми-то я порѣзаться боюсь».
— «А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обреешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею».

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей боятся
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

VIII.

СОКОЛЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Въ вершинѣ дерева за вѣтку уцѣпясь,
Червякъ на ней качался.
Надъ Червякомъ Соколъ, по воздуху носясь,
Такъ съ высоты шутилъ и издѣвался:
«Какихъ ты, бѣдненькій, трудовъ не перенесъ!
Что жъ прибыли, что ты высоко такъ заползъ?
Какая у тебя и воля и свобода?
И съ вѣткой гнешься ты, куда велитъ погода».

— «Тебѣ шутить легко»,
Червякъ отвѣтствуетъ, «летая высоко,
Затѣмъ что крыльями и силенъ ты и крѣпокъ;
Но мнѣ судьба дала достоинства не тѣ:
Я здѣсь на высотѣ
Тѣмъ только и держусь, что я, по счастью, цѣпокъ!»

IX.

БѢДНЫЙ БОГАЧЪ.

«Ну, стоитъ ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что̀? Умремъ, вѣдь все оставимъ!
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ.
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только бы рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;
Я даже дѣлалъ бы добро другимъ;
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа».
Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,
Въ лачужкѣ низменной на голой лавкѣ лежа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
Кто говоритъ—колдунъ, кто говоритъ, что бѣсъ,—
Послѣднее едва ли не вѣрнѣе:
Изъ дѣла будетъ то виднѣе.
Предсталъ и началъ такъ: «Ты хочешь быть богатъ,
Я слышалъ для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
Итакъ, пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми жъ и изъ него безъ счету вынимай,

Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька».
Сказалъ — и съ кошелькомъ оставилъ Бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что жъ? — Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
Едва червонецъ вынетъ вонъ,
Ужъ въ кошелкѣ другой червонецъ шевелится.
«Ахъ, пусть лишь до утра мнѣ счастіе продлится!»
Бѣднякъ мой говоритъ:
«Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
Такъ завтра же богатъ я буду
И заживу, какъ сибаритъ».
Однако жъ поутру онъ думаетъ другое.
«То правда», говоритъ: «теперь я сталъ богатъ;
Да кто жъ добру не радъ!
И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день!
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ:
Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
Одинъ денекъ;
А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю».
Но что жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ,
Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
Межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за ту жъ работу.
День кончится, и, по его расчету,
Ему всегда чего-нибудь недостаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,

То сердце у него сожмется:
Придетъ къ рѣкѣ — воротится опять.
«Какъ можно», говоритъ, «отъ кошелька отстать,
Когда мнѣ золото рѣкою са̀мо льется?»
И, наконецъ, Бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ;
Какъ золото его, Бѣднякъ мой пожелтѣлъ.
Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:
Онъ сталъ и слабъ и хилъ; здоровье и покой —
Утратилъ все; но все дрожащею рукой
Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый милліонъ.

X.

БУЛАТЪ.

Булатной сабли острый клѝнокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ,
Съ нимъ вмѣстѣ вынесенъ на рынокъ
И мужику задаро̀мъ проданъ тамъ.
У мужика затѣи невелики:
Онъ отыскалъ тотчасъ въ булатѣ прокъ.
Мужикъ мой насадилъ на клѝнокъ черенокъ
И сталъ булатомъ драть въ лѣсу на лапти лыки,
А дома запросто лучину имъ щепать,
То вѣтви у плетня, то сучья обрубать
Или обтесывать тычину къ огороду.
Ну, такъ, что не прошло и году,
Какъ мой Булатъ въ зубцахъ и въ ржавчинѣ кругомъ,
И дѣти ѣздятъ ужъ на немъ
Верхомъ.

Вотъ ежъ, въ избѣ подъ лавкой лежа,
Куда и клинокъ брошенъ былъ,
Однажды такъ Булату говорилъ:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булатъ
Тамъ много громкаго не ложно говорятъ,
Не стыдно ли тебѣ щепать лучину
Или обтесывать тычину
И, наконецъ, игрушкой быть ребятъ?
— «Въ рукахъ бы воина врагамъ я былъ ужасенъ»,
Булатъ отвѣтствуетъ: «а здѣсь мой даръ напрасенъ;
Такъ, низкимъ лишь трудомъ я занятъ здѣсь въ дому:
Но развѣ я свободенъ?
Нѣтъ, стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто не умѣлъ понять, къ чему я годенъ».

XI.

КУПЕЦЪ.

«Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй,
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ».
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику Купецъ:
«Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ что онъ и старъ, и подмочѐнъ, и гнилъ?
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сот-
няжку:
Богъ олушка послалъ».
— «Все это, дядя, такъ», племянникъ отвѣчалъ:
«Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку».

Обманутъ! Обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ;
Но если кто на свѣтѣ
Повыше лавокъ взглянетъ—
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ;
Почти у всѣхъ во всемъ одинъ расчетъ:
Кого кто лучше проведетъ,
И кто кого хитрѣй обманетъ.

XII.

ПУШКИ И ПАРУСА.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ Пушки, выставясь изъ бортовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О, боги! видано ль когда,
«Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спесиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану
И только чванятся; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могучій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался: летитъ, дохнулъ,—и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;

Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой, недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ Пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А Паруса — гражданскія въ ней власти.

XIII.

ОСЕЛЪ.

Былъ у крестьянина Оселъ
И такъ себя, казалось, смирно велъ,
Что мужику нельзя имъ было нахвалиться;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ, —
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.
Надулся мой Оселъ; сталъ важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, онъ слыхалъ)
И думаетъ: теперь большой онъ баринъ сталъ;
Но вышелъ новый чинъ Ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ
(То можетъ не однимъ осламъ служить урокомъ).
Сказать вамъ должно напередъ:
Въ Ослѣ не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ иль въ огородъ, —

Наѣстся досыта и выйдетъ тихомолкомъ.
Теперь пошло инымъ все толкомъ:
Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ.
Глядятъ: хозяинъ, взявъ дубину,
Гоняетъ то со ржи, то съ грядъ мою скотину;
А тамъ сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочаетъ бока.
Ну такъ, что бѣдный нашъ вельможа
До осени зачахъ,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ еще не такъ примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Звукъ отъ него и громокъ и далекъ.

XIV.

МИРОНЪ.

Жилъ въ городѣ богачъ, по имени Миронъ.
Я имя вставилъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить,
Нѣтъ: этакихъ людей не худо имя помнить.
На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди — а едва ль сосѣди и не правы —
Что будто у него въ шкатулкѣ милліонъ,
А бѣднымъ никогда не дастъ копѣйки онъ.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
Миронъ мой распустилъ въ народъ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по субботамъ.
И подлинно, кто ни придетъ къ воротамъ —

Они не заперты никакъ.
«Ахти!» подумаютъ: «бѣдняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ;
И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться,—
Дай Богъ здоровому съ двора убраться.
Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.
Всѣ говорятъ: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ
И трудно до него добиться;
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться».

Видать случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легòкъ въ высокія палаты,
Да только все собаки виноваты—
Мироны жъ сами въ сторонѣ.

XV.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

Лиса Крестьянину однажды говорила:
«Скажи, кумъ милый мой,
Чѣмъ лошадь у тебя такъ дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда съ тобой?
Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;
Въ дорогу ль—съ нею ты, и часто съ нею въ полѣ;
А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей
Едва ль она не всѣхъ глупѣй».
— «Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила!»
Крестьянинъ отвѣчалъ: «все это суета;
Цѣль у меня совсѣмъ не та:
Мнѣ нужно—чтобъ она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута».

XVI.

СОБАКА И ЛОШАДЬ.

У одного крестьянина служа,
Собака съ Лошадью считаться какъ-то стали.
«Вотъ», говоритъ Барбосъ: «Большая госпожа!
По мнѣ хотя бъ тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать,
И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу».
— «Конечно», Лошадь отвѣчала:
«Твоя правдива рѣчь;
Однако же, когда бъ я не пахала,
То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь».

XVII.

ФИЛИНЪ И ОСЕЛЪ.

Слѣпой Оселъ въ лѣсу съ дороги сбился
(Онъ въ дальній путь было пустился),
Но къ ночи въ чащу такъ забрелъ мой сумасбродъ,
Что двинуться не могъ ни взадъ онъ ни впередъ;
И зрячему бы тутъ не выйти изъ хлопотъ;
Но Филинъ въ близости, по счастію, случился
И взялся быть Ослу проводникомъ.
Всѣ знаютъ, филины какъ ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки—
Все это различалъ мой Филинъ, будто днемъ,
И къ утру выбрался на ровный путь съ Осломъ.
Ну, какъ съ проводникомъ такимъ разстаться?

Вотъ проситъ Филина Оселъ, чтобъ съ нимъ остаться,
И вздумалъ изойти онъ съ Филиномъ весь свѣтъ.
Мой Филинъ господиномъ
Усѣлся на хребтѣ ослиномъ,
И стали путь держать; счастливо ль только?—Нѣтъ,
Лишь солнце на небѣ поутру заиграло,
У Филина въ глазахъ темнѣе ночи стало.
Однако жъ Филинъ мой упрямъ:
Ослу совѣтуетъ и вкось и впрямь.
«Остерегись!» кричитъ: «направо будемъ въ лужѣ»
Но лужи не было, а влѣво вышло хуже.
«Еще лѣвѣй возьми, еще лѣвѣе шагъ!»
И—бухъ Оселъ и съ Филиномъ въ оврагъ.

XVIII.

ЗМѢЯ.

Змѣя Юпитера просила,
Чтобъ голосъ дать ей соловья.
А то ужъ», говоритъ, «мнѣ жизнь моя постыла.
Куда ни покажуся я,
То всѣ меня дичатся,
Кто послабѣй;
А кто меня сильнѣй,
Дай Богъ отъ тѣхъ живой убраться.
Нѣтъ, жизни этакой я болѣ не снесу;
А если бъ соловьемъ запѣла я въ лѣсу,
То, возбудя бы удивленье,
Снискала бы любовь и, можетъ быть, почтенье,
И стала бы душой веселыхъ я бесѣдъ».
Исполнилъ Юпитеръ Змѣи прошенье:
Шипѣнья гнуснаго пропалъ у ней и слѣдъ.
На дерево всползя, Змѣя на немъ засѣла,
Прекраснымъ соловьемъ моя Змѣя запѣла,

И стая было птицъ отвсюду къ ней подсѣла;
Но, возряся въ пѣвца, всѣ съ дерева дождемъ.
Кому понравится такой пріемъ?
«Ужли вамъ голосъ мой противенъ?»
Въ досадѣ говоритъ Змѣя.
— «Нѣтъ», отвѣчалъ Скворецъ: «онъ звученъ, дивенъ;
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, въ насъ сердце задрожало,
Когда увидѣли твое мы жало:
Намъ страшно вмѣстѣ быть съ тобой.
Итакъ, скажу тебѣ, не для досады:
Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады,—
Да только ты отъ насъ подалѣ пой».

XIX.

ВОЛКЪ И КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая,—
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,—
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ
Кота
И молитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной».—«Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ», котъ-Васька говоритъ.
— «То такъ; да у него я ободралъ барана».
— Ну, попытайся жъ у Демьяна».

— «Боюсь, что на меня и о̀нъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка».
— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»

— «Ну, плохо жъ! Но авось тебя укроетъ Климъ!»
— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»
— «Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!»
Сказалъ тутъ Васька Волку:
«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни».

XX.

ЛЕЩИ.

Въ саду у барина, въ прудѣ,
Въ прекрасной ключевой водѣ,
Лещи водились.
Станицами они у берега рѣзвились,
И золотые дни, казалось, имъ катились.
Какъ вдругъ
Къ нимъ баринъ напустить велѣлъ съ полсотни щукъ.
«Помилуй!» говоритъ его, то слыша, другъ:
«Помилуй, что ты затѣваешь?
Какого ждать отъ щукъ добра:
Вѣдь не останется Лещей здѣсь ни пера;
Иль жадности ты щукъ не знаешь!»
— «Не трать своихъ рѣчей»,
Бояринъ отвѣчалъ съ улыбкою: «все знаю;
Да только вѣдать я желаю:
Съ чего ты взялъ, что я охотникъ до Лещей?»

XXI.

ВОДОПАДЪ И РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лечебною своей):
«Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?» — «Лечиться»,
Смиренно прожурчалъ Ручей.

XXII.

ЛЕВЪ.

Когда ужъ Левъ сталъ хилъ и старъ,
То жесткая ему постеля надоѣла:
Въ ней больно и костямъ; она жъ его не грѣла.
И вотъ сзываетъ онъ къ себѣ своихъ бояръ,
Медвѣдей и волковъ пушистыхъ и косматыхъ,
И говоритъ: «Друзья! для старика
Постель моя ужъ черезчуръ жестка;
Такъ какъ бы, не тягча ни бѣдныхъ ни богатыхъ,
Мнѣ шерсти пособрать,
Чтобъ не на голыхъ камняхъ спать».
— «Свѣтлѣйшій Левъ!» отвѣтствуютъ вельможи:
«Кто станетъ для тебя жалѣть своей
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у насъ мохнатыхъ здѣсь звѣрей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платятъ дани;
Набрать съ нихъ шерсти поскорѣй:

От этого ихъ не убудетъ;
Напротивъ, имъ же легче будетъ».
И тотчасъ выполненъ совѣтъ премудрый сей.
Левъ не нахвалится усердіемъ друзей;
Но въ чемъ же то они усердіе явили?
Тѣмъ, что бѣдняжекъ захватили
И дочиста обрили;
А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
Не поступилися своимъ ни волоскомъ;
Напротивъ, всякъ изъ нихъ, кто близко тутъ случился,
Изъ той же дани поживился
И на зиму запасся тюфякомъ.

XXIII.

ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли
И путь теперь домой на родину держали.
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ
Да хлѣба подали, да что̀ осталось каши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились
И къ чашкѣ пріютились,
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
«Ребята», говоритъ: «вы знаете Ѳому?

Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ лобъ ему».
— «Какой наборъ?» — «Да такъ! Есть слухъ — война съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ».

Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и подчасъ реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу — и щи и кашу—все праѣлъ.

Иному до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:
Что̀ будетъ съ Индіей, когда и отчего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь —у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

КОНЕЦЪ ВОСЬМОЙ КНИГИ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

I.

ПАСТУХЪ.

У Саввы Пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ)
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ
Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ,
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада
И безпощадно ихъ деретъ.
«И не диковина», твердитъ народъ: —
«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»
Вотъ волка стали стеречи.
Но отчего у Саввушки въ печи
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?
(Изъ поваренковъ, за грѣхи,
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи:
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья! пустой вашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то — Савва.

II.

БѢЛКА.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоро́мъ
Народъ толпился.
На Бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже Дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,
И раздувался пышный хвостъ.
«Землячка старая», спросилъ тутъ Дроздъ: «нельзя ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?»
— Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть».
И Бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
— «Да», улетая Дроздъ сказалъ: «то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ».

Посмотришь на дѣльца иного:
Хлопочетъ, мечется—ему дивятся всѣ;
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ Бѣлка въ колесѣ.

III.

МЫШИ.

«Сестрица! знаешь ли, бѣда!»
На кораблѣ Мышь Мыши говорила:
«Вѣдь оказалась течь; внизу у насъ вода
Чуть не хватила

До самаго мнѣ рыла»
(А правда, такъ она лишь лапки замочила);
«И что диковинки? Нашъ капитанъ
Или съ похмелья, или пьянъ;
Матросы всѣ — одинъ лѣнивѣе другого;
Ну, словомъ, нѣтъ порядка никакого.
Сейчасъ кричала я во весь народъ,
Что ко дну нашъ корабль идетъ:
Куда! Никто и ухомъ не ведетъ,
Какъ будто бъ ложныя я распускала вѣсти;
А ясно — только въ трюмъ лишь стóитъ заглянуть —
Что кораблю часà не дотянуть.
Сестрица! неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ!
Пойдемъ же, кинемся скорѣе съ корабля;
Авось, недалеко земля!»
Тутъ въ океанъ мои затѣйницы спрыгнули
И — утонули;
А нашъ корабль, рукой искусною водимъ,
Достигнулъ пристани и цѣлъ и невредимъ.

Теперь пойдутъ вопросы:
А чтò же капитанъ и течь и чтò матросы?
Течь слабая, и та
Въ минуту унята;
А остальное — клевета.

IV.

ЛИСА.

Зимой, ранехонько, близъ жила
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика Лисица замочила,

И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда невелика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй
И волосковъ десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ! А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ;
Глядитъ,—и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, Волкъ бѣжитъ. «Другъ милый! кумъ! отецъ!»
Кричитъ Лиса: «спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!»
Вотъ кумъ остановился.
И въ спасенье Лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
Щепотки волосковъ Лиса не пожалѣй—
Остался бъ хвостъ у ней.

V.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало,
И до того, что наконецъ
Правительство звѣрей благія мѣры взяло —
Вступиться въ спасенье Овецъ:
И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были волки;
Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки.
Видали и такихъ Волковъ, и многократъ —
Примѣры эти не забыты —
Которые ходили близко стадъ
Смирнехонько, когда бывали сыты;
Такъ почему жъ волкамъ въ совѣтѣ и не быть?
Хоть надобно Овецъ оборонить,
Но и Волковъ не вовсе жъ притѣснить.
Вотъ засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;
Судили, думали, рядили
И, наконецъ, придумали законъ.
Вотъ вамъ, отъ слова въ слово, онъ:
«Какъ скоро Волкъ у стада забуянитъ
И обижать онъ Овцу станетъ,
То Волка тутъ властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ пред-
ставить
Въ сосѣдній лѣсъ иль въ боръ».
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить;
Да только я видалъ до этихъ поръ —
Хоть, говорятъ, Волкамъ и не спускаютъ —
Что, будь Овца отвѣтчикъ иль истецъ,
А только Волки все-таки Овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

VI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СОБАКА.

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточнаго дома,
Собака нанялась и дворъ стеречь,
И хлѣбы печь,
И, сверхъ того, полоть и поливать разсаду.
«Какой же выдумалъ онъ вздоръ»,
Читатель говоритъ: «тутъ нѣтъ ни складу,
Ни ладу.
Пускай бы стеречи ужъ дворъ;
Да видано ль, чтобъ гдѣ собаки хлѣбъ пекали,
Или разсаду поливали?»
Читатель! я бы былъ неправъ кругомъ,
Когда сказалъ бы: да; да дѣло здѣсь не въ томъ,
А въ томъ, что нашъ Барбосъ за все за это взялся
И вымолвилъ себѣ онъ плату за троихъ.
Барбосу хорошо: что̀ нужды до другихъ.
Хозяинъ между тѣмъ на ярмарку собрался;
Поѣхалъ, погулялъ; пріѣхалъ и назадъ,
Посмотритъ — жизни сталъ не радъ;
И рветъ и мечетъ онъ съ досады:
Ни хлѣба дома, ни разсады,
А сверхъ того къ нему на дворъ
Залѣзъ и клѣть его обкралъ начисто воръ.
Вотъ на Барбоса тутъ посыпалось руганье;
Но у него на все готово оправданье:
Онъ за разсадою печь хлѣбъ никакъ не могъ;
Разсадникъ оттого лишь только не удался,
Что, сторожа̀ вокругъ двора, онъ сталъ безъ
ногъ;
А вора онъ затѣмъ не устерегъ,
Что хлѣбы печь тогда сбирался.

VII.

ДВА МАЛЬЧИКА.

«Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!»
— «Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!»
— «И, милый, да на что жъ догадка!
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,
А тамъ мы сами умудримся
И досыта каштановъ наѣдимся».
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь пòтомъ обливался
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть—
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.
Что жъ?—Сенѣ отъ того прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

———

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали.

VIII.

РАЗБОЙНИКЪ И ИЗВОЗЧИКЪ.

Въ кустарникѣ залегши у дороги,
Разбойникъ подъ вечеръ добычи нажидалъ
И, какъ медвѣдь голодный изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озиралъ.
Посмотритъ—грузный возъ катитъ, какъ валъ.
«Ого!» Разбойникъ мой тутъ шепчетъ: «знать, съ товаромъ
На ярмарку; чай, все сукно, камки, парчи.
Кручина, не зѣвай! тутъ будетъ на харчи;
Не пропадетъ сегодня день мой даромъ».
Межъ тѣмъ подъѣхалъ возъ. Кричитъ Разбойникъ: «Стой!»
И на извозчика бросается съ дубиной:
Да лихъ, схватился онъ не съ олухомъ-дѣтиной:
Извозчикъ—малый удалой;
Злодѣя встрѣтилъ мостовиной,
Сталъ за добро свое горой;
И моему герою
Пришлося брать наживу съ бою.
И долоrъ и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбитъ глазъ;
Но побѣдителемъ однако жъ онъ остался:
Убилъ извозчика злодѣй.

Убилъ — и къ до́бычѣ скорѣй.
Что жъ онъ завоевалъ? — Возъ цѣлый пузырей!

Какъ много изъ пустого
На свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злого!

IX.

ЛЕВЪ И МЫШЬ.

У Льва спросила Мышь смиренно позволенья
По близости его въ дуплѣ завесть селенье
И такъ промолвила: «Хотя-де здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ и славенъ;
Хоть въ силѣ Льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ,
Но будущее кто угадывать возьмется:
Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется?
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подчасъ тебѣ я пригожусь».
— «Ты!» вскрикнулъ Левъ: «ты, жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива, —
Иль твоего не будетъ праху».
Тутъ Мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ — простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла, однако жъ, гордость эта;
Отправяся искать добычи на обѣдъ,
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ:
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался
И въ клѣткѣ на-показъ народу увезенъ.

Про Мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,
Чтобы помочь она ему сумѣла,
Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,
И что его своя кичливость съѣла.

Читатель, истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я, и то не отъ себя—
Не попусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь,—пригодится
Воды напиться.

X.

КУКУШКА И ПѢТУХЪ.

«Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!»
— «А ты, Кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»
— «Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова».
— «А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я—не дождусь,
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,
А пѣсни... что̀ твой соловей!»
— «Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички:
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я».
Тутъ Воробей, случась, промолвилъ имъ: «Друзья,
Хоть вы охрипнете, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!»...

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ Пѣтуха?—
За то, что хвалитъ онъ Кукушку.

XI.

ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то, въ древности, Вельможа
Съ богато убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ, —
Сказать простѣе: умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: «Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
— «Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ».
— «Что жъ дѣлалъ ты?»—«Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ».
— «Скорѣй же въ рай его!»—«Какъ! гдѣ же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— «Эхъ, братецъ», отвѣчалъ Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ дуракъ!
Что̀ если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!..
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался».

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

XII.

ЛЕВЪ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому нейметъ,
Тотъ ясный здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое.

Раскинувши тенета межъ деревъ,
Ловецъ добычи дожидался:
Но, какъ-то оплошавъ, самъ въ лапы Льву попался.
«Умри, презрѣнна тварь!» взревѣлъ свирѣпый Левъ,
Разинувъ на него свой зѣвъ.
«Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже Льва, быть хвалишься царемъ!
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость!»
— «Не сила—разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ»,
Былъ Человѣка Льву отвѣтъ:
И я хвалиться смѣю,
Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь уступить».
— «О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать».
— «Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу;
А впрочемъ, ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь скушать.
Взгляни: между деревьевъ сихъ
Трудовъ моихъ
Раскинуту ты видишь паутину.
Кто лучше сквозь нее изъ насъ туда пройдетъ?
Коль хочешь, я пролѣзу напередъ;

А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ
Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна,—
Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;
Однако, съ силою одною,
Ты прямо сквозь нее едва ль пройдешь за мною».
Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
«Ступай туда», сказалъ надменно Левъ:
«Вмигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою».
Тутъ мой ловецъ, не тратя лишнихъ словъ,
Нырнулъ подъ сѣть и Льва принять готовъ.
Какъ изъ лука стрѣла, Левъ вслѣдъ за нимъ пустился;
Но Левъ поднырывать подъ сѣти не учился:
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прошибъ —
Запутался (Ловецъ тутъ кончилъ споръ и дѣло).
Искусство силу одолѣло,
И бѣдный Левъ погибъ.

XIII.

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ Овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;
А видѣть пеструю Овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ и свою сберечь на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ Лисою на совѣтъ,
И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю Овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,

И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
«Всесильный Левъ!» сказалъ, насупившись, Медвѣдь:
«На что тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить. Кому о нихъ жалѣть?»
Лиса, увидѣвши, что Левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ: «О царь! нашъ добрый царь!
Ты, вѣрно, запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи Овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется;
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И что бъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ».
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло,
И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ
Не только пестрыхъ тамъ Овецъ —
И гладкихъ стало мало.
Какіе жъ у звѣрей пошли на это толки?
Что Левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

XIV.

ПИРЪ.

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить міръ,
Затѣялъ Левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовутъ гостей:

Звѣрей
И малой и большой породы,
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко Льву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ дѣло доброе и не въ голодны годы.
Вотъ приплелись туда жъ Сурокъ, Лиса и Кротъ,
Да только часомъ опоздали
И за столомъ гостей застали:
У кумушки Лисы хлопотъ
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ прохолился, промылся,
А Кротъ съ дороги сбился.
Однако жъ натощакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ Льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ пробраться трое.
«Послушайте, друзья!» сказалъ имъ Барсъ:
«То мѣсто широко, да только не про васъ:
Тутъ прі̆детъ Слонъ и васъ сойти заставитъ
Иль, хуже, васъ онъ передавитъ.
Итакъ,
Когда не хочется домой вамъ натощакъ—
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете, и это слава Богу.
Мѣста не ваши впереди:
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя;
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди».

XV.

ОБѢДЪ У МЕДВѢДЯ.

Медвѣдь обѣдъ давалъ
И созвалъ не одну родню свою, медвѣдей,
Но и другихъ звѣрей, сосѣдей,
Кто только на глаза и въ мысль ему попалъ.

Поминки ль были то, рожденье, именины,
Но только праздникъ тотъ принесъ Медвѣдю честь
И было у него попить что̀ и поѣсть.
Какое кушанье! какой десертъ и вины?
Медвѣдь примѣтилъ самъ,
Что гости веселы, пирушкою довольны;
А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣвалъ и пѣсни пѣлъ застольны;
Потомъ, какъ со стола ужъ начали сбирать,
Пустился танцовать.
Лиса въ ладоши хлопъ: «Ай Миша, какъ пріятенъ!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ и статенъ!»
Но Волкъ, сидѣвшій рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: «Ты врешь, кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну, что̀ тутъ ловкаго? какъ ступа онъ толчется».
— «Вздоръ самъ ты мелешь, кумъ», Лиса на то въ отвѣтъ:
«Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ!
А если похвала въ немъ гордости прибавитъ,
То, можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставитъ».

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ БАСЕНЪ [1]).

1806.

1. Дубъ и Трость.

Переводъ басни Лафонтена: «Le Chêne et le Roseau» (Лафонтенъ заимствовалъ ее у Эзопа: «Трость и Олива»). Изъ русскихъ писателей переводили ее: Сумароковъ, Княжнинъ и Дмитріевъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Дубъ и Трость». Переводъ, сдѣланный въ 1806 г., Крыловъ обработалъ окончательно только въ 1830 г.

2. Разборчивая Невѣста.

Переводъ басни Лафонтена «La Fille», содержаніе которой взято изъ эпиграммы Марціала «In Gelliam».

3. Старикъ и Трое молодыхъ.

Переводъ басни Лафонтена: «Le Vieillard et les trois jeunes Hommes», содержаніе которой заимствовано у Абстеміуса (De viro decrepito arbores inserente). Крыловъ окончательно редактировалъ басню въ 1825 г.

1808.

4. Ворона и Лисица.

Содержаніе этой басни заимствовано у Лафонтена: «Le Corbeau et le Renard», который, въ свою очередь, взялъ ее у Эзопа: «Ворона и Лисица». Изъ русскихъ писателей ее переводили Тредьяковскій и Сумароковъ. Крыловъ окончательно редактировалъ басню въ 1815 г.

5. Лягушка и Волъ.

Переводъ басни Лафонтена: «La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Boeuf» (см. Эзопа: «Волкъ и Жаба»). Эта же басня есть въ переводѣ Сумарокова.

6. Ларчикъ.

Первая оригинальная басня Крылова. По мнѣнію А. Д. Галахова басней этой Крыловъ хотѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ педантизмъ ученаго мудрованія надъ простыми вещами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ врожденная намъ смѣтливость и простой пріемъ рѣшаютъ дѣло проще и скорѣе, чѣмъ трудъ и мудрость.

[1]) При составленіи примѣчаній и указателя главнымъ пособіемъ служили примѣчанія В. Ѳ. Кеневича (см. «Сборникъ статей Имп. Акад. Наукъ», т. VI, 1869) и другіе источники.

7. Левъ на ловлѣ.

Содержаніе этой басни заимствовано у Лафонтена: «La Genisse, la Chèvre et la Brebis en société avec le Lion», который, въ свою очередь, заимствовалъ ее у Федра или Эзопа. Изъ русскихъ писателей эту басню переводили: Тредьяковскій, Сумароковъ, Хемницеръ; подобнаго же содержанія басни имѣются у Вас. Ив. Майкова и у Державина.

8. Обезьяны.

Хотя Крыловъ не отнесъ этой басни къ числу заимствованныхъ, но содержаніе ея близко подходитъ къ баснѣ Эзопа о страсти обезьянъ къ подражанію. Въ баснѣ этой Крыловъ осмѣиваетъ страсть русскихъ къ французскимъ модамъ и языку и вообще пристрастіе къ французамъ, усилившееся къ этому времени, послѣ заключенія Тильзитскаго мира (1807).

9. Музыканты.

По поводу нравоученія къ этой баснѣ: «По-мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», Гоголь говоритъ слѣдующее: «Не потому онъ (Крыловъ) это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, на мѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаютъ тѣмъ, говоря, что хоть мастерствъ они и не смыслятъ, но зато отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно его обратить къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ; но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ».

10. Парнасъ.

По мнѣнію В. Кеневича, появленіе этой басни вызвано было однимъ изъ замѣчательныхъ событій первой половины царствованія Александра I, именно: перемѣны министерства, которое, подъ прозваніемъ англійскаго, цѣлыхъ пять лѣтъ управляло Россіей. Изъ прежнихъ министровъ и любимцевъ Александра, дѣлившихъ его труды въ первую эпоху преобразованій, къ 1807 г. никого не осталось. Удаленіе ихъ Богдановичъ приписываетъ нравственному перевороту, происшедшему въ Александрѣ I послѣ Тильзитскаго свиданія.

11. Пустынникъ и Медвѣдь.

Сюжетъ этой басни заимствованъ у Лафонтена: L'Ours et l'Amateur des jardins», который, въ свою очередь, заимствовалъ ее изъ «Le Livre des Lumières»—сокращенный переводъ персидской книги, называемой «Anuâr-i Suhaili». Кромѣ Крылова, басню эту переводили Сумароковъ и гр. Хвостовъ.

12. Оракулъ.

13. Волкъ и Ягненокъ.

Басня эта заимствована у Лафонтена: «Le Loup et l'Agneau», который, въ свою очередь, взялъ ее у Эзопа «Волкъ и Ягненокъ». Эту же басню переводили Тредьяковскій и Сумароковъ; на этотъ же сюжетъ написана басня Державинымъ.

14. Стрекоза и Муравей.

Переводъ, за исключеніемъ 16—29 ст., басни Лафонтена: La Cigale et la Fourmi», который взялъ ее у Эзопа: «Кузнечикъ и Муравьи». Басню эту переводили также Сумароковъ и Хемницеръ.

15. Орелъ и Куры.

Хотя Крыловъ не отнесъ этой басни къ числу заимствованныхъ, но она имѣетъ много сходства съ басней Дмитріева: «Орелъ и Каплунъ».

16. Муха и Дорожные.

Передѣлка басни Лафонтена: «Le Coche et la Mouche» (см. Эзопа: «Комаръ и Волъ», и Федра: «Муха и Ослица»). На этотъ же сюжетъ находимъ басни: Сумарокова (четыре басни), Дмитріева («Муха») и гр. Хвостова.

17. Слонъ на воеводствѣ.

18. Лисица и Виноградъ.

Содержаніе этой басни заимствовано у Лафонтена: «Le Renard et les Rasins», который, въ свою очередь, заимствовалъ ее у Эзопа: «Лисица и Виноградъ». Кромѣ Крылова, басню эту переводили Тредьяковскій и Сумароковъ.

19. **Хозяинъ и Мыши.**

Басня эта написана по поводу наказанія, постигшаго чиновниковъ комиссаріатскаго и провіантскаго департаментовъ за злоупотребленія во время войны съ Франціей (отъ нихъ были отняты мундиры). Тогда же многіе изъ чиновниковъ, не желая нести общаго, иными не заслуженнаго наказанія, немедленно подали въ отставку.

20. **Крестьянинъ и Смерть.**

Передѣлка басни Лафонтена: «La Mort et le Bûcheron» (см. Эзопа «Старикъ и Смерть»). Эту же басню переводили: Тредьяковскій, Сумароковъ, Державинъ и гр. Хвостовъ.

21. **Слонъ и Моська.**

1809.

22. **Двѣ Голубя.**

Переводъ басни Лафонтена: «Les deux Pigeons», который взялъ ее изъ «Le livre des Lumières» (см. прим. къ баснѣ «Пустынникъ и Медвѣдь». Эту басню переводили также Сумароковъ, гр. Хвостовъ и Дмитріевъ.

23. **Моръ Звѣрей.**

Переводъ басни Лафонтена: «Les Aminaux malades de la peste». Изъ русскихъ писателей, кромѣ Крылова, переводили эту басню Княжнинъ и гр. Хвостовъ.

24. **Пѣтухъ и Жемчужное зерно.**

Передѣлка басни Лафонтена: «Le Coq et la Perle», который въ свою очередь, заимствовалъ ее у Федра. Кромѣ Крылова, басню эту переводили Тредьяковскій, Сумароковъ и гр. Хвостовъ. Въ этой баснѣ Крыловъ обличаетъ невѣжество, см. также басни: «Мартышка и Очки», «Свинья подъ дубомъ» и «Голикъ».

25. **Левъ и Комаръ.**

Переводъ басни Лафонтена: «Le Lion et le Moucheron» (см. Эзопа: «Комаръ и Левъ»). Эту же басню переводили Дмитріевъ и Сумароковъ.

26. **Роща и Огонь.**

Это первая басня, въ которой Крыловъ обличаетъ своекорыстную, лицемѣрную дружбу,—тема, къ которой онъ не разъ возвращался впослѣдствіи.

27. **Лягушки, просящія царя.**

Передѣлка басни Лафонтена: «Les Grenouilles qui demandent un Roi», которую онъ заимствовалъ у Эзопа: «Выборъ царя». Эту же басню переводили Вас. Ив. Майковъ и гр. Хвостовъ.

28. **Левъ и Человѣкъ.**

Съ басней Лафонтена: «Le Lion abattu par l'Homme» не имѣетъ ничего общаго.

1811.

29. **Огородникъ и Философъ.**

Плетневъ по поводу этой басни и нѣсколькихъ другихъ говоритъ: «Онъ (Крыловъ) воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ бѣды. Вникнувъ мыслью въ тайный смыслъ его басенъ:» Огородникъ и Философъ», «Червонецъ», «Музыканты», «Любопытный», кто не почувствуетъ, что, по его системѣ, педантство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ».

30. **Гуси.**

31. **Оселъ и Соловей.**

О случаѣ, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой басни, В. Кеневичъ разсказываетъ слѣдующее: «Какой-то вельможа (по словамъ однихъ, гр. Разумовскій, по другимъ, кн. А. П. Голицынъ), можетъ быть, слѣдуя примѣру имп. Маріи Ѳеодоровны, покровительствовавшей поэту, а можетъ быть, искренно желая свести съ нимъ знакомство, пригласилъ его къ себѣ и просилъ прочитать двѣ-три басенки. Крыловъ артистически прочиталъ нѣсколько басенъ, въ томъ числѣ одну, заимствованную у Лафонтена.

Вельможа выслушалъ ихъ благосклонно и глубокомысленно сказалъ «Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Ив. Ив. Дмитріевъ?»— «Не умѣю», скромно отвѣчалъ поэтъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Возвратясь домой, задѣтый за живое, баснописецъ вылилъ свою желчь въ баснѣ «Оселъ и Соловей». Что всѣ дѣйствующія лица этой басни и отношенія между ними—намеки на дѣйствительность, въ этомъ нельзя сомнѣваться; мы находимъ подтвержденіе этому въ слѣдующемъ фактѣ, записанномъ М. А. Дмитріевымъ: «Лѣтомъ 1822 года, говоритъ онъ,—нѣсколько русскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ Крыловъ, нанимали на общій счетъ дачу близъ Руки (мѣстность указана невѣрно). Иногда у нихъ бывали чтенія. Въ этомъ маленькомъ обществѣ Крылова называли «соловьемъ» Едва ли возможно сомнѣваться, что такое имя было дано ему на основаніи его басни». Сюда же, по словамъ М. А. Дмитріева, относится и стихотвореніе гр. Хвостова: «Пѣвцу-Соловью», для прочтенія котораго авторъ нарочно поѣхалъ на дачу, но поплатился за то, потому что слушатели безпрестанно прерывали чтеніе аплодисментами, увѣривъ его напередъ, что за каждый аплодисментъ у нихъ положено ставить бутылку шампанскаго.

32. Листы и Корни.

Подъ корнями, роющимися въ землѣ, Крыловъ подразумѣвалъ крѣпостныхъ крестьянъ (См. также примѣч. къ баснѣ «Колосъ», подъ 1819 г.)

33. Синица.

34. Откупщикъ и Сапожникъ.

Передѣлка басни Лафонтена: «Le Savetier et la Financier» (см. также Эзопа: «Богачъ и Кожевникъ»). Эту же басню переводили Сумароковъ и гр. Хвостовъ.

35. Вороненокъ.

Содержаніе заимствовано у Лафонтена: «Le Corbeau voulant imiter l'Aigle», который, въ свою очередь, заимствовалъ ееу Эзопа: «Соя и Пастухъ». Эта басня есть въ переводѣ Сумарокова.

36. Подагра и Паукъ.

Содержаніе заимствовано изъ басни Лафонтена: «La Goute et l'Araignée». Басню эту переводилъ также и Тредьяковскій.

37. Квартетъ.

Баронъ М. А. Корфъ указываетъ, что поводомъ къ сочиненію этой басни послужило слѣдующее обстоятельство. «Послѣ преобразованія Государственнаго Совѣта въ 1810 г., первыми предсѣдателями департаментовъ были: гр. Завадовскій, Мордвиновъ, кн. Лопухинъ и гр. Аракчеевъ. Продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсудить и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ мы обязаны остроумною баснею «Квартетъ». Кромѣ того, Вигель въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующее. Въ 1811 г. была открыта «Бесѣда любителей русской словесности». На подобіе Государственнаго Совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и «Бесѣду» раздѣлили на четыре разряда, также какъ у него, посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію «Бесѣды». Вообще она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ талантовъ. Списокъ членовъ украшался именемъ Крылова, какъ вечернія ихъ собранія оживлялись немного чтеніемъ его басенъ. Крыловъ хотя и выдавалъ особу свою «Бесѣдѣ», но, говорять, тайкомъ посмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ ея открытія выданную имъ басню «Квартетъ». По словамъ Я. К. Грота, басня «Квартетъ» въ собраніяхъ «Бесѣды» читана не была.

38. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

39. Волкъ и Волченокъ.

40. Обезьяна.

Хотя Крыловъ не отнесъ этой басни къ числу заимствованныхъ, но, вѣроятно, источникомъ Крылова послужила басня Сумарокова: »Пахарь и Обезьяна».

41. Совѣтъ Мышей.

Басня Лафонтена: «Conseil tenu par les Rats» ничего общаго не имѣетъ съ этой басней Крылова.

42. Мѣшокъ.

43. Крестьянинъ и Лисица («Скажи мнѣ, кумушка»).

44. Воспитаніе Льва.

Въ этой баснѣ Крыловъ выставляетъ необходимость національнаго воспитанія и личнаго родительскаго надзора за дѣтьми (см. также примѣчанія къ баснямъ: «Крестьянинъ и Змѣя», подъ 1813 г., «Кукушка и Горленка», подъ 1817 г., и «Бочка», подъ 1814 г.).

45. Свинья.

1812.

46. Червонецъ.

Басня эта имѣла значеніе добраго совѣта тѣмъ лицамъ, которыя направляли общественное образованіе въ первую половину царствованія императора Александра I. Въ ней онъ представилъ наружно-европейскую образованность, дающую человѣку только пустой блескъ, но уничтожающую добрыя природныя свойства, портящую, такимъ образомъ, нравы.

47. Орелъ и Паукъ.

Въ этой баснѣ, по всей вѣроятности, изображена судьба Сперанскаго.

48. Ручей.

По поводу этой басни Лобановъ говоритъ: «И. А. по какой-то особенной причинѣ преимущественно любилъ свою басню «Ручей». Правда, изобрѣтеніе ея обличаетъ глубокаго мудреца, а исполненіе, плавность стиховъ, чистота языка—великаго художника, и, кажется, она создана болѣе сердцемъ, нежели умомъ. Наблюдая человѣка и заглядывая въ исторію, авторъ видѣлъ, какъ трудно людямъ при возрастающемъ ихъ могуществѣ, удержаться въ прежнихъ своихъ границахъ любви и умѣренности; что они, большею частію, по какому-то неизъяснимому дѣйствію ихъ страстей, не могутъ устоять ни въ прежнихъ своихъ правилахъ, ни въ прежнихъ своихъ добродѣтельныхъ наклонностяхъ. Нашъ авторъ излагаетъ и оплакиваетъ эту печальную истину».

49. Лжецъ.

По мнѣнію Галахова, басня эта есть подражаніе баснѣ Геллерта: «Der Bauer und sein Sohn», французскій переводъ которой Эмбера («Le Paysan et son Fils») передѣлалъ Сумароковъ въ притчу «Хвастунъ» (См. біографію, стр. XXXVII).

50. Котъ и Поваръ.

51. Раздѣлъ.

Въ этой баснѣ Крыловъ намекаетъ на тѣ мелочные, мѣстническіе передряги и расчеты, которые проявились во время нашествія Наполеона.

52. Волкъ на псарнѣ.

Въ этой баснѣ Крыловъ представилъ Наполеона (волкъ) въ Россіи, попавшаго въ безвыходное положеніе, благодаря хитрости Кутузова (ловчаго), и пытавшагося вступить съ послѣднимъ въ переговоры. По словамъ Быстрова, «Крыловъ собственною рукою переписалъ басню «Волкъ на псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Екатеринѣ Ильиничнѣ, а она при своемъ письмѣ отправила ее къ свѣтлѣйшему своему супругу, который прочиталъ басню послѣ сраженія подъ Краснымъ собравшимся вокругъ него офицерамъ и при словахъ: «а я, пріятель, сѣдъ», снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою».

53. Обозъ.

Этой басней Крыловъ старался оправдать медлительность и бездѣйствіе Кутузова, начинавшія уже возбуждать ропотъ и неудовольствіе. Но

Кутузовъ, представленный въ баснѣ въ образѣ добраго коня, какъ извѣстно не измѣнилъ своего плана.

54. Ворона и Курица.

Поводомъ къ сочиненію этой басни послужило бѣдственное состояніе арміи Наполеона въ Москвѣ, когда, мучимые голодомъ, французы вынуждены были стрѣлять воронъ и приготовлять изъ нихъ «soupe aux corbeaux». Подъ вороной слѣдуетъ разумѣть Наполеона, увѣреннаго въ своей непобѣдимости, но обманувшагося въ расчетѣ.

1813.

55. Демьянова уха.

По поводу этой басни Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: И. А., зная всю силу своего литературнаго оружія, т.-е. сатиры, выбиралъ иногда случаи, чтобы не промахнуться и мѣтко попасть въ цѣль; вотъ доказательство. Въ «Бесѣдѣ русскаго слова», бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили его прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя были тогда лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ «Бесѣду» во время самаго чтенія и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пьесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель отдѣленія гр. Хвостовъ, сидѣвшій напротивъ него за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: «Иванъ Андреевичъ, что, привезли?»—«Привезъ».—«Пожалуйте мнѣ».—«А вотъ ужо, послѣ».—Длилось чтеніе, публика утомилась, начали скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана пьеса. Тогда И. А. руку въ карманъ, вытащилъ измятый листокъ и началъ: «Демьянова уха». Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и приноровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за скуку ея и развеселилъ ее прелестью своего разсказа».

56. Лисица и Сурокъ.

57. Волкъ и Кукушка.

58. Заяцъ на ловлѣ.

59. Орелъ и Пчела.

О вступительныхъ стихахъ этой басни Гоголь говоритъ: «Въ книгѣ его (Крылова) всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ главы... и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ, какъ благородна была душа самого Крылова».

60. Щука и Котъ.

Поводомъ къ сочиненію этой басни послужила извѣстная неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пересѣчь путь Наполеону черезъ Березину. Щука (Чичаговъ), у которой крысы (французы) отъѣли хвостъ—намекъ на неудачное отступленіе отряда Чичагова отъ Борисова по правую сторону Березины, когда русскіе потеряли всѣхъ раненыхъ и большую часть полковыхъ обозовъ съ канцеляріей главнокомандующаго.

61. Водолазы.

Плетневъ видитъ въ баснѣ «Водолазы» рѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія. Стоюнинъ, въ книгѣ «О преподаваніи русской литературы», замѣчаетъ, что «здѣсь высказывается странный взглядъ на науку, въ которой баснописецъ хочетъ видѣть какую-то

гибельную глубину, забывая, что наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь свѣтъ и добро людямъ». Но В. Кеневичъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, заявляя, что Крыловъ въ этой баснѣ хотѣлъ указать на вредныя послѣдствія увлеченія не истинною, а ложною идеею: его водолазъ погибаетъ отъ того, что рѣшился на дѣло, которое противно природѣ человѣка. По мнѣнію Я. К. Грота, «Крыловъ разумѣлъ здѣсь собственно не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что налагаетъ на человѣка спасительныя узы: недаромъ онъ называетъ того, кто ищетъ морского дна на самой глубинѣ, безумцемъ и дерзкимъ; замѣтимъ, что его водолазъ выбралъ мѣсто, гдѣ была «чернѣе глубина», т.-е. такую область, которая всего болѣе закрыта отъ знанія. Крыловъ былъ, конечно, не такъ простъ, чтобъ думать, будто сртемленіе къ глубокимъ знаніямъ есть дѣло дерзкаго ума и ведетъ къ погибели. Напротивъ, неутомимаго и ненасытнаго изслѣдователя истины онъ сравнилъ съ тѣмъ водолазомъ, который «богатыхъ жемчугомъ нырялъ искать по дну и жилъ, всечасно богатѣя»; но этотъ водолазъ выбралъ себѣ глубину по силѣ, т.-е. тѣ сферы мышленія, которыя доступны для человѣческаго разума, не превышаютъ его, словомъ, область вѣдѣнія науки. Подъ бездонною же пучиной Крыловъ разумѣлъ область высшихъ, не умомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемыхъ законовъ. Скорѣе всего можно полагать, что къ водолазамъ послѣдняго рода онъ относилъ философовъ, отвергающихъ откровеніе и рѣшающихъ мышленіемъ самые трудные вопросы метафизики».

62. Крестьянинъ и Змѣя («Змѣя къ Крестьянину пришла проситься въ домъ»).

Басней этой Крыловъ желалъ показать зло, которое происходило отъ воспитанія дѣтей иностранцами (французами); обыкновеніе это особенно усилилось послѣ 1812 г. и начало возбуждать тогда сильное неудовольствіе патріотовъ (См. также примѣчаніе къ баснѣ «Бочка», подъ 1814 г.).

1814.

63. Лягушка и Юпитеръ.
64. Прохожіе и Собаки.
65. Безбожники.

Въ этой баснѣ подъ безбожнымъ народомъ Крыловъ разумѣлъ французскій народъ, который во второмъ періодѣ революціи (1792—1799 г.) объявилъ себя врагомъ христіанства. Бѣдствія французовъ (революціи, Наполеоновскія войны) Крыловъ, какъ и его современники, приписывалъ исключительно вліянію философовъ.

66. Крестьяне и Рѣка.
67. Пожаръ и Алмазъ.
68. Бумажный Змѣй.
69. Тѣнь и Человѣкъ.
70. Прудъ и Рѣка.

Гоголь говоритъ, что Крыловъ: «и умному дѣлаетъ также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка» за то, что далъ задремать своимъ способностямъ».

71. Дерево.
72. Камень и Червякъ.
73. Чижъ и Голубь.
74. Орелъ и Кротъ.
75. Комаръ и Пастухъ.
76. Крестьянинъ и Разбойникъ.
77. Лебедь, Ракъ и Щука.
78. Клеветникъ и Змѣя.
79. Конь и Всадникъ.

Басня эта похожа на стихотвореніе Державина «Колесница». По мнѣнію В. Кеневича, въ этой баснѣ Крыловъ изобразилъ французскую революцію и бѣдственныя ея послѣдствія. Въ его «Всадникѣ», какъ и въ

«Возницѣ» Державина, мы должны видѣть Людовика XVI, а въ «Конѣ»— французскій народъ.

80. Добрая Лисица.

Поводомъ къ сочиненію этой басни послужило слѣдующее обстоятельство. Послѣ Отечественной войны въ Россіи осталось множество разоренныхъ и осиротѣвшихъ семействъ. Сочувствіе тогдашняго общества къ такимъ несчастнымъ жертвамъ отчасти носило въ себѣ характеръ чрезмѣрнаго увлеченія благотворительностью. Журналы были переполнены объявленіями, въ которыхъ изображалось бѣдственное состояніе какого-либо лица или семейства, и общество призывалось къ благотворенію. Съ другой стороны, въ тѣхъ же журналахъ приводились длинные списки лицъ, жертвовавшихъ въ пользу бѣдныхъ, а иногда и письма отъ нихъ къ издателямъ, отзывавшіяся полнымъ безцеремонности самохвальствомъ. Этого рода явленія и заставили Крылова сказать:

Кто добръ по-истинѣ: не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

(См. также примѣчаніе къ баснѣ «Лань и Дервишъ», подъ 1814 г., ниже).

81. Чижъ и Ежъ.

Басня эта написана Крыловымъ на возвращеніе императора Александра I въ Петербургъ, послѣ взятія Парижа, въ 1814 г.

82. Троеженецъ.

По словамъ Н. И. Греча, басня эта написана по поводу производившагося въ то время въ Сенатѣ разводнаго дѣла Е. Б. Фукса, который, разведясь съ первою женою и не дождавшись окончанія дѣла, возникшаго по поводу его развода со второю, перешелъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ православное и вступилъ въ третій бракъ. Въ общемъ собраніи Сената, которое по Высочайшему повелѣнію разбирало это дѣло не въ очередь, кто-то изъ сенаторовъ сказалъ: «Что же намъ разсуждать объ этомъ? Крыловъ прежде насъ рѣшилъ дѣло».

83. Любопытный.

Въ своихъ «воспоминаніяхъ о Крыловѣ» Булгаринъ разсказываетъ, что «одинъ стихотворецъ (кн. П. А. Вяземскій) выпустилъ въ свѣтъ стишки, въ которыхъ говоритъ, что въ литературѣ три великихъ баснописца и всѣ трое Иваны: Иванъ Лафонтенъ, Иванъ Хемницеръ и Иванъ Дмитріевъ. Объ Иванѣ Крыловѣ, уже наслаждавшемся полною славою,— ни помина!» Говорятъ, что Крыловъ, оскорбленный такимъ невниманіемъ, написалъ басню «Любопытный», въ которой далъ понять автору стихотворенія, что онъ высмотрѣлъ козявокъ, мушекъ и пр., а слона-то, Ивана Крылова, не замѣтилъ. Плетневъ причисляетъ эту басню къ разряду тѣхъ произведеній Крылова, въ которыхъ онъ указываетъ, какъ нелѣпъ педантизмъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ (см. также басню «Огородникъ и Философъ»). По мнѣнію В. Кеневича, вѣрнѣе всего будетъ склониться на сторону послѣдняго объясненія, потому что первое, свидѣтельствуя о колоссальномъ самолюбіи Крылова, будто бы считавшаго себя слономъ въ сравненіи съ Лафонтеномъ, противорѣчитъ взгляду его на этого баснописца, выраженному въ баснѣ «Подагра и Паукъ», и взгляду на самого себя, высказавшемуся въ баснѣ «Чижъ и Ежъ». Нельзя сказать, чтобы Крыловъ вовсе не былъ самолюбивъ. Онъ самъ сказалъ о себѣ въ письмѣ къ В. А. Олениной: «Я авторъ и, сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивъ». Лобановъ также замѣчаетъ, что онъ «не чуждъ былъ этого», однако трудно предположить, чтобы авторское самолюбіе могло побудить столь разумнаго и сдержаннаго человѣка, дожившаго уже почти до пятидесяти лѣтъ, къ такой ребяческой выходкѣ. Сверхъ того, свойственная только посредственности самоувѣренность, которую надлежало бы предположить въ Крыловѣ, придавая баснѣ его то значеніе, какое ей даетъ молва, была совершенно чужда ему».

84. Бочка.

Плетневъ объясняетъ значеніе этой басни такъ: «Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, Крыловъ въ каждомъ періодѣ литературной жизни своей обращался къ развитію темы о воспитаніи. Ей посвятилъ онъ двѣ комедіи: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» и три басни: «Крестьянинъ и Змѣя», «Бочка» и «Воспитаніе Льва». Но въ баснѣ «Бочка», говоритъ В. Кеневичъ, Крыловъ глубже, чѣмъ во всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ. Онъ не ограничивается однимъ языкомъ: онъ прямо говоритъ о томъ «вредномъ ученіи» или «вредныхъ толкахъ» (мистицизмъ и либерализмъ), проводниками которыхъ въ нашемъ обществѣ могли быть французскіе наставники, оставшіеся въ Россіи послѣ 1812 г.

85. Вельможа и Философъ.

По мнѣнію Я. К. Грота, басня эта есть сатира на «Бесѣду любителей русскаго слова» и, очевидно, мѣтила на графа Хвостова и другихъ членовъ того же сорта. Подъ видомъ вельможи представленъ, вѣроятно, А. Н. Оленинъ.

86. Лань и Дервишъ.

Эта басня представляетъ обратную сторону предмета, котораго Крыловъ коснулся въ баснѣ «Добрая Лисица». Тамъ онъ порицалъ лицемѣріе благотворителей, здѣсь выставляетъ идеалъ доброты, тяготящейся избытками, если они не раздѣлены съ ближнимъ, и жертвующей ими безъ всякаго помысла о благодарности. Надо полагать, что и эта басня находится въ связи съ тѣми же явленіями того времени, какъ и «Добрая Лисица». Басня эта замѣчательна еще и тѣмъ, что въ ней Крыловъ представляетъ положительный идеалъ.

1815.

87. Тришкинъ кафтанъ.

По мнѣнію А. Д. Галахова, Тришка — «это Транжирины, Промотаевы, Безпечины и множество другихъ подобныхъ имъ господъ, которые закладывали и перезакладывали свои имѣнія не съ тѣмъ, чтобы пустить деньги въ прибыльный оборотъ, а съ тѣмъ, чтобы жить роскошнѣе и тѣмъ удовлетворять свое пустое тщеславіе; которые для уплаты процентовъ дѣлали займы у частныхъ лицъ на тяжелыхъ условіяхъ, не съ тѣмъ опять, чтобы очистить накопившійся годами долгъ, а для того, чтобы послѣднюю копѣйку, поставить ребромъ».

88. Туча.

Существуетъ разсказъ, будто Крыловъ написалъ эту басню по поводу пожалованія аренды псковскому губернатору во время всеобщаго голода въ этой губерніи (Ср. также «Добрая Лисица» и «Лань и Дервишъ»).

89. Оселъ («Когда вселенную Юпитеръ населялъ»).

90. Мартышка и Очки.

Басня эта написана въ обличеніе невѣжества, какъ и «Пѣтухъ и Жемчужное зерно», «Свинья подъ дубомъ» и «Голикъ».

91. Левъ и Барсъ.

92. Собачья Дружба.

Въ этой баснѣ Крыловъ намекаетъ на Вѣнскій конгрессъ 1815 г., когда Австрія заключила съ Англіей и Франціей союзъ противъ Россіи и Пруссіи.

93. Крестьянинъ и Работникъ.

1816.

94. Волкъ и Лисица.

95. Собака.

96. Механикъ.

97. Цвѣты.
98. Мірская сходка.

По поводу этой басни Плетневъ замѣчаетъ: «Въ Мірской Сходкѣ» изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій. Для общества Крыловъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя. Это замѣчаніе должно отнести ко всѣмъ баснямъ, однороднымъ по содержанію съ «Мірскою Сходкою».

99. Скворецъ.
100. Волкъ и Журавль.

Переводъ басни Лафонтена: «Le Loup et le Cigogne», который въ свою очередь заимствовалъ ее у Эзопа: «Волкъ и Журавль». Эта же басня есть въ переводѣ Тредьяковскаго, Сумарокова, гр. Хвостова и Измайлова.

101. Хмель.
102. Мышь и Крыса.
103. Госпожа и двѣ Служанки.

Передѣлка басни Лафонтена: «Le Vieille et les deux servantes», который въ свою очередь заимствовалъ ее у Эзопа: «Вдова и ея Прислуга». Та же басня есть въ переводѣ Тредьяковскаго и Сумарокова.

104. Медвѣдь у Пчелъ.
105. Зеркало и Обезьяна.
106. Рыцарь.
107. Крестьянинъ и Топоръ.
108. Левъ и Волкъ.
109. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ.

Хотя Крыловъ и не внесъ эту басню въ число заимствованныхъ, но по идеѣ своей она очень сходна съ басней Эзопа: «Пѣшеходы и Медвѣдь».

110. Волкъ и Пастухи.

Сюжетъ этой басни заимствованъ у Лафонтена: «Le Loup et les Bergers» (см. Эзопа: «Волкъ и Пастухъ»).

111. Слонъ въ случаѣ.
112. Фортуна и Нищій.
113. Лиса-строитель.
114. Напраслина.
115. Фортуна въ гостяхъ.
116. Апеллесъ и Осленокъ.

Въ этой баснѣ въ образѣ Осленка Крыловъ изобразилъ молодого тогда писателя Катенина.

117. Похороны.
118. Водопадъ и Ручей.

1817.

119. Кукушка и Горленка.

По поводу этой басни В. Кеневичъ говоритъ: «уже въ «Почтѣ духовъ» Крыловъ укорялъ родителей за то, что они поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей «наемничьимъ рукамъ» (см. басню «Бочка», подъ 1814 г.). Но обычай этотъ, ведущій свое начало съ XVIII-го столѣтія и особенно усилившійся послѣ Отечественной войны (см. басню «Крестьянинъ и Змѣя», подъ 1813 г.), могъ уничтожиться только вслѣдствіе значительнаго возвышенія уровня образованія въ нашемъ обществѣ, на что требовалось много времени. Ни протестъ литературы, ни мѣры правительства не могли истребить укоренившагося зла. Доказательствомъ тому служитъ воспитаніе Евгенія Онѣгина. Съ другой стороны, безпрестанно умножавшіяся закрытыя учебныя заведенія давали возможность родителямъ слагать съ себя заботу воспитанія на правительство. При внимательномъ разсмотрѣніи басни, нельзя не замѣтить указанія и на эту сторону предмета въ заключительныхъ стихахъ, составляющихъ ея нравоученіе».

120. Сочинитель и Разбойникъ.
По мнѣнію нѣкоторыхъ, въ баснѣ этой Крыловъ намекалъ на Вольтера; но правильнѣе будетъ признать мнѣніе Гоголя, который относилъ ее вообще къ писателямъ, избравшимъ ложное и злое направленіе.

1818.

121. Мотъ и Ласточка.
Содержаніе басни заимствовано у Эзопа: «Молодой Мотъ и Ласточка».
122. Алкидъ.
Содержаніе басни заимствовано у Эзопа: «Гераклъ и Аѳина».
123. Гребень.

1819.

124. Скупой и Курица.
Передѣлка басни Лафонтена: «La Poule aux oeufs d'or», который въ свою очередь заимствовалъ ее у Эзопа: «Вдова и Курица». Ту же басню передѣлывали Тредьяковскій и Сумароковъ.
125. Двѣ бочки.
126. Охотникъ.
127. Пловецъ и Море.
Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа: «Претерпѣвшій кораблекрушеніе и Море».
128. Крестьянинъ и Змѣя («Къ крестьянину вползла Змѣя»).
129. Левъ и Лисица.
Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа.
130. Муравей.
131. Овцы и Собаки.
132. Оселъ и Мужикъ.
133. Медвѣдь въ сѣтяхъ.
Подраженіе баснѣ Эзопа: «Медвѣдица и Лисица».
134. Колосъ.
Въ этой баснѣ Крыловъ проводитъ мысль, что всякое состояніе имѣетъ свои права и требованія, дополняя, такимъ образомъ, значеніе басни «Листы и Корни».
135. Мальчикъ и Червякъ.
136. Пастухи и Море.
Содержаніе этой басни заимствовано у Лафонтена: «Le Berger et la Mer» (см. Эзопа: «Пастухъ и Море»). Эта же басня есть въ переводѣ Сумарокова.
137. Мальчикъ и Змѣя.
Подраженіе баснѣ Эзопа: «Мальчикъ, ловящій саранчу» и «Скорпіонъ».
138. Пчела и Мухи.
139. Трудолюбивый Медвѣдь.
Плетневъ относитъ эту басню къ самому Крылову.
140. Ягненокъ.
Басня эта написана Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной, младшей дочери А. Н. Оленина, когда она была еще ребенкомъ.

1823.

141. Крестьянинъ и Овца.
142. Василекъ.
(См. біографію, стр. XII).

1824.

143. **Кошка и Соловей.**

По свидѣтельству современниковъ Крылова, въ этой баснѣ онъ изобразилъ печальное состояніе русской литературы, которая въ тѣ времена была очень стѣснена цензурой.

144. Двѣ Собаки.

145. Рыбьи пляски.

1825.

146. Муха и Пчела.

Содержаніе этой басни заимствовано у Лафонтена: «La Mouche et la Fourmi», который передѣлалъ ее изъ басни Федра: «Formica et Musca». Переводъ Тредьяковскаго этой же басни носитъ названіе «Муравей и Муха».

147. Богачъ и Поэтъ.

148. Прихожанинъ.

Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Крыловѣ» разсказываетъ о поводѣ къ сочиненію басни «Прихожанинъ» слѣдующее: «Кн. П. А. Вяземскій въ предисловіи къ «Стихотвореніямъ И. И. Дмитріева» (изд. 1823) напечаталъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «По счастію совершенство нашего баснописца (т.-е. И. И. Дмитріева) не испугало, а подстрекнуло къ соревнованію многихъ истинныхъ поэтовъ; прибавимъ, къ сожалѣнію, многихъ и подложныхъ; но они неизбѣжные гаеры, слѣдующіе по пятамъ за каждымъ образцовымъ твореніемъ. Въ числѣ первыхъ сыскался одинъ, который не только послѣдовалъ и, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ (т.-е. И.И. Дмитріевымъ), перерабатывая басни, уже имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость». Послѣ нѣсколькихъ похвалъ дарованію Крылова въ общихъ выраженіяхъ, кн. Вяземскій заключилъ сужденіе о немъ тѣмъ, что хотя достоинство слога и языка Крылова не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его, который былъ изобрѣтателемъ своего слога, но оно велико въ сравненіи съ тѣми, которые не изобрѣли ни слога, ни содержанія своихъ басенъ» [1]). Этотъ приговоръ тронулъ Крылова, «потому что ему было извѣстно, что кн. Вяземскій находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Карамзину, Дмитріеву и Жуковскому, и, слѣдовательно, это печатное мнѣніе есть отголосокъ и ихъ мнѣнія. Однакожъ онъ не входилъ въ полемику, хотя изъ рѣчей его можно было заключать, что сердце его было уязвлено. Тогда Булгаринъ началъ въ «Литературныхъ Листкахъ» (1823 г.) полемику, вызвавшую, какъ онъ говоритъ, множество эпиграммъ и сатиръ на него. «Однажды, продолжаетъ Булгаринъ, Крыловъ сказалъ ему: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражилъ сильныхъ словесниковъ: мнѣ, право, это больно».—«Богъ милостивъ, И. А., хоть и укусятъ, а не съѣдятъ», отвѣчалъ я.—«А все жъ тебѣ нельзя жить долѣе въ этомъ приходѣ».—Черезъ нѣсколько дней на вечерѣ А. Н. Оленина Крыловъ прочелъ новую басню «Прихожанинъ». Всѣ догадались, что значила эта басня».

149. Левъ состарившійся.

Передѣлка басни Лафонтена: «Le Lion devenu vieux», которому послужила источникомъ басня Федра: «Leo senex, Aper, Taurus et Asinus». Кромѣ Крылова, эту басню передѣлывали: Тредьяковскій, Сумароковъ и Измайловъ.

150. Лисица и Оселъ.

Сюжетомъ этой басни послужило предыдущее произведеніе Федра.

151. Мельникъ.

Въ этой баснѣ, по словамъ Плетнева, Крыловъ изобразилъ самого себя, а именно—свою разсчетливость и бережливость.

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій, дѣйствительно, долго не хотѣлъ признать величія Крылова, оставаясь вѣрнымъ поэту, который «ввелъ въ наши салоны легкую французскую поэзію».

152. Пестрыя Овцы.
153. Ворона.

Содержаніе заимствовано или у Эзопа («Соя и Голуби») или у Лафонтена («Le Geai paré des plumes du Paon»). Басни съ такимъ же сюжетомъ имѣются у Тредьяковскаго и Сумарокова.

154. Булыжникъ и Алмазъ.
155. Плотичка.

Басня эта написана Полторацкому, племяннику Е. М. Олениной, умершему въ молодыхъ годахъ.

156. Паукъ и Пчела.
157. Крестьянинъ и Змѣя («Мужикъ съ Змѣею подружился»).
158. Котелъ и Горшокъ.

Основная мысль этой басни заимствована у Лафонтена: «Le Pot de terre et le Pot de fer» (см. Эзопа «Горшки»). Та же басня есть у Сумарокова «Горшки».

159. Свинья подъ Дубомъ.

Идея этой басни заимствована у Эзопа: «Пѣшеходы и Яворъ».

160. Змѣя и Овца.
161. Дикія Козы.

Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа: «Пастухъ и Дикія Козы».

162. Голикъ.

(См. прим. въ баснѣ «Мартышка и Очки», подъ 1815 г.).

163. Соловьи.
164. Скупой.
165. Волкъ и Мышенокъ.
166. Два Мужика.
167. Котенокъ и Скворецъ.

1829.

168. Бритвы.

Значеніе этой басни объяснено у Гоголя: «Какъ у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недогадливыхъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ (Крыловъ) написалъ замѣчательную басню «Бритвы» и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые:

Людей съ умомъ боятся
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

169. Бѣдный Богачъ.
170. Пушки и Паруса.

По поводу этой басни Гоголь говоритъ: «Когда нѣкоторые черезчуръ военные люди стали-было утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, онъ (Крыловъ) написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь».

1830.

171. Крестьянинъ и Лошадь.
172. Бѣлка («У Льва служила Бѣлка»).

Разсказываютъ, что эту басню Крыловъ написалъ по поводу назначенія пенсіи за очень долгій срокъ службы.

173. Щука.
174. Кукушка и Орелъ.
175. Левъ, Серна и Лиса.
176. Соколъ и Червякъ.
177. Булатъ.
178. Купецъ.
179. Миронъ.
180. Крестьянинъ и Лисица («Лиса Крестьянину однажды говорила»).
181. Оселъ («Былъ у Крестьянина оселъ»).
182. Филинъ и Оселъ.
183. Собака и Лошадь.
184. Левъ.

Въ этой баснѣ Крыловъ намекаетъ на дворянъ-помѣщиковъ, которые, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, безжалостно относились къ своимъ крестьянамъ.

185. Змѣя.
186. Волкъ и Котъ.
187. Лещи.
188. Три Мужика.

1833.

189. Пастухъ.
190. Бѣлка («Въ деревнѣ въ праздникъ подъ окномъ»).
191. Мыши.
192. Лиса.
193. Волки и Овцы.
194. Крестьянинъ и Собака.

1834.

195. Разбойникъ и Извозчикъ.
196. Левъ и Мышь.

Основная мысль этой басни заимствована у Эзопа и Лафонтена («Le Lion et le Rat»). Эта же басня есть у Сумарокова.

1835.

197. Вельможа.

(См. біографію, стр. XXVIII).

1836.

198. Два Мальчика.
199. Кукушка и Пѣтухъ.

Въ этой баснѣ въ лицѣ Пѣтуха и Кукушки изображены Гречъ и Булгаринъ, которые, сдѣлавшись издателями «Сѣверной Пчелы», при всякомъ удобномъ случаѣ восхваляли другъ друга.

---

200. Пиръ.

При жизни Крылова басня эта не была напечатана, она сохранилась въ автографѣ его между бумагами А. Н. Оленина и впервые напечатана въ «Сборникѣ статей о Крыловѣ, изд. Имп. Академіей Наукъ», въ 1869.

201. Обѣдъ у Медвѣдя.

Басня, приписываемая Крылову.

АЛФАВИТНОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ.

Duke University Libraries
D01269942X